МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.В.Н. КАРАЗИНА

На правах рукописи
1:316.3:141.319.8

ЛАПТИНОВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА

НЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

специальность 09.00.03 – социальная философия и философия истории

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
докт. филос. наук, проф. Е.Н. Юркевич

Харьков – 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

РАЗДЕЛ 1

Философские учения о социуме: историко-концептуальный анализ 11

1.1. Античный полис: logos государства (и) политическая риторика 12

1.2. «Христианополис» в Средние века: Град Земной и Слово Божье 20

1.3. Гуманистические социальные утопии в период Возрождения. Договорные концепции Нового времени 26

1.4. Гражданское общество в метанаррациях эпохи Модерна 33

1.5. Постобщество постмодерна: дискурсивно-сетевой хаосмос индивидов 38

1.6. Кризис дискурсивных техник социальности. Основные понятия нелингвистической социальности 46

Выводы к первому разделу 56

РАЗДЕЛ 2

Нелингвистическая семиотика интерактивной социальности 60

2.1. Нелингвистическое мышление и презентативный символизм 65

2.2. Особенности нелингвистических знаков 81

2.2.1. Полисенсорность 92

2.2.2. Эмоциональность 93

2.3. Коды в нелингвистических знаковых системах. Конвенции и интерпретации 97

2.4. Нелингвистическая реальность социума: игровые конструкты интеракций и манипуляций 110

2.5. «Стихийный конструктивизм» интерактивной социальности 120

Выводы ко второму разделу 134

РАЗДЕЛ 3

Интерактивные практики: разновидности и семиотические модели 136

3.1. Полит-моб 142

3.2. Шопинг-моб 148

3.3. Интернет-моб 151

3.4. Сити-моб 160 161

Выводы к третьему разделу 167

ВЫВОДЫ 170

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 177

ВВЕДЕНИЕ

Социальная жизнь европейского мира предстает в многообразных формах. Не все они постигаются в полной мере посредством лого-лингво-центрической методологии, вызывая необходимость разработки новых теоретических стратегий, методов, которые в большей степени соответствуют внерационалистическим аспектам жизни социума. Коммуникативно-прагматический поворот завершил переход к современной парадигме социума, но оставил без внимания много вопросов, касающихся генезиса и механизмов нелингвистических факторов социальности, которые приобретают все большую значимость. Социум, формирующийся «по умолчанию», во многом отличается от той социальной картины, которая репрезентируется в языке. Осознание этой проблемы требует методологического обеспечения.

В святи с этим, перспективы исседования современного социума связаны с прояснением характера невербальных и недискурсивных социальных связей, которые устанавливаются в соответствующих практиках. Исследование неявных механизмов формирования социума обусловлено мировоззренческой позицией достижения все большего понимания социальных процессов, которые, прежде всего, связаны с проблемами власти и свободы, а также теоретической необходимостью адекватной оценки и прогнозирования развития новых социальных форм. Анализ нелингвистических механизмов социогенеза открывает внегосударственный аспект социальной жизни, в котором происходит замещение языковых способов власти.

Отсутствие соответствующего уровня понимания нелингвистических механизмов социальности, комплексного похода к спонтанным социальным проявлениям обуславливает актуальность возникновения новых теоретических предложений относительно тех пластов социальности, в которых четко не распознаются проявления свободы и механизмы власти.

Источниковую базу диссертационного исследования можно условно поделить на такие векторы:

- работы с постмодернистской трактовкой социальности: Ж.-П. Сарта, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра, Р. Барта, З. Баумана, Ю. Кристевой, М. Хардт, А. Негри, У. Бека, З. Баумана, Г.М. Маклюэна, Н.Б. Рейнгольда, и др., в которых рассматривается широкий круг тем и проблем, свойственных постсовременности;
- тексты основателей семиотики Ф. де Соссюра, Ч. С. Пирса, Ч. Морриса, а также тексты представителей различных семиотических школ: Ю.М. Лотмана (тартуско-московская семиотическая школа); А.Ж. Греймаса, Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Деррида (французская семиотическая школа); Р.О. Якобсона (пражский лингвистический кружок); Э. Сепира (йельская школа дескриптивной лингвистики), в которых изучались неязыковые системы коммуникации (вторичные моделирующие семиотические системы);
- тексты современных социальных семиотиков: Р. Ходжа, Г. Кресса, Т. Лойвена, У. Эко, К. Метца, Л.Г. Ионина, М.А.К. Халлидея, М.К. Петрова, Г.Г. Почепцова, в которых практически все явления человеческого общества и культуры рассматриваются в качестве семиотических объектов, знаковых систем, определяющих человеческое поведение и взаимодействие;
- тексты представителей паралингвистического направления, возникшего в недрах семиотических исследований: Дж. Трейгера, А. Хилла, Н.В. Юшманова, Р. Бердуистела, Э. Холла, Л. Блумфилда, П. Смита, М. Мосса, Э. Кречмера, Ф. Александра, Дж. Томпсона, Дж. Фиске, Дж. Хартли, в которых исследуется сфера несловесной коммуникации как относительно самостоятельная предметная область, упорядочивается и истолковывается совокупность базовых данных (значимых жестов), как некий специфический код;
- тексты представителей теории символического интеракционизма (Ч.Х. Кули, Дж.Г. Мид, Г. Блумер); социальной феноменологии (А. Шюц), теории структурации и социологии повседневного

действия (Э. Гидденс), «драматургической» социологии (И. Гоффман), этнометодологии (Г. Гарфинкель), в которых объектом исследования становится социокультурный мир символов, знаков и символических жестов, действий, ритуалов, языковых и неязыковых сигналов, обслуживающих межсубъектные взаимодействия, т. е. непрерывный процесс социальной интеракции, в которой индивиды конструируют свой социальный мир;

- тексты, посвященные внеязыковой эстетике: А. Арто, П. Бурдье, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, П. Вирилио, Ж.-П. Сарта, В. Беньямина, П. Пазолини, С. Эйзенштейна, Р. Арнхейма, К. Белла, Р. Фрай, М. Мерло-Понти, З. Кракауэра, А. Базена, Ю. Дамиша, С. Зонтаг, Т.Дж. Митчелл, К. Силверман, К. Дженкса, Г. Поллока, Ф. Джеймисона, Дж. Вулфа, Р. Крауса, М.- Ж. Мондзэна, В. Флюссера, М. Рыклина и других, в которых исследуется комплекс проблем внесловесного языка кино, театра, фотографии, живописи, скульптуры, архитектуры, дизайна, моды; способы восприятия невербальных текстов с позиции современных философских и социальных теорий;
- тексты современных украинских теоретикоа В.П Андрущенко, И.В. Бычко, Н.А. Бусовой, В.Н. Вашкевича, В.В. Гусаченко, С.В.Куцепал, Н.И. Михальченко, А.А. Мамалуя, О.Н. Перепелицы, М.В Поповича, З.Ф. Самчука, О.С. Скубашевской, В.Г. Табачковского, Е.Н.Юркевич, в которых поднимаются вопросы социокультурных особенностей ситуации «постмодерн», обосновано место и роль языковых, интерпретационных, идеологических стратегий в осуществлении межкультурного диалога в современном европейском пространстве.

Диссертация выполнена на кафедре теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина в

рамках комлексной научной темы «Философия и многообразие социокультурных миров».

Целью диссертационной работы является философско-семиотический анализ нелингвистических социальных практик нового типа.

Достижение поставленной цели предусматривает решение таких *задач*:

- рассмотреть развитие социально-философских концепций в аспекте выявления их теоретических оснований рационалистично-лингвистического характера;
- выявить теоретико-методологические возможности семиотики относительно анализа нелингвистических предметов социальности;
- определить характеристики структур нелингвистической социальности, их функциональные особенности для теоретико-философского моделирования семиотического типа;
- проанализировать неинституциональные формы нелингвистической социальности с точки зрения семиотической прагматики; сделать вывод относительно использования нелингвистических механизмов социальности для властных целей.

Объектом исследования выступает социальность в нелингвистических практиках.

Предмет исследования – семиотические конструкции нелингвистических форм социальности.

Методологической основой диссертационного исседования является философско-семиотический подход в рамках постмодернистской парадигмы.

В соответствии с целью и задачами в качестве инструментария научного поиска в диссертациии использованы такие методы: исторического подхода (для исследования развития социальных концепций в историко-философских источниках); терминологического анализа (для определения основных понятий нелингвистической социальности); семиотического анализа (при сравнении лингвистического и нелингвистического аспектов социальности); аналогии (для моделирования нелингвистической семиотики

при описании социальных процессов); логико-гносеологического анализа (при рассмотрении вопросов «мышления без слов») и др.

В работе осуществлена интеграция постструктуралистского метода анализа с феноменологической герменевтикой и интерпретативной социологией (при рассмотрении проблем формирования социальных значений).

Для раскрытия темы были задействованы онтология, гносеология, феноменология, теория коммуникации, лингвистика, семиотика и др.

Научная новизна полученных результатов диссертационного исследования заключается в теоретико-методологическом обосновании социальности, представленной в семиотически структурированных нелингвистических формах.

Научная новизна полученных результатов содержится в таких положениях:

1) проведен историко-концептуальный анализ философских учений о социуме в аспекте представленных в них рационалистически-лингвистических оснований; установлена их недостаточность для теоретико-философского анализа современного общества;

2) предложена нелингвистическая концепция социальности на основе экспликации механизмов невербального (недискурсивного) характера. Представлен соответствующий тезаурус, а именно: понятия «нелингвистическая социальность», «интеракция», «нелингвистическая реальность», «нелингвистическое мышление», «нелингвистический знак» и др.;

3) исследовано недискурсивное мышление, которое предстало как «мышление без слов» в своих характеристиках: инорациональности с особенной паралогией; способностью к социальной перцепции как социальной компетенции; выражению в презентативной символике, которая структурируется посредством синестезии. «Мышление без слов» выражается в «языке без слов»;

4) построена теоретическая модель нелингвистической (паралингвистической) семиотики, в которой: описана структура невербальных знаков, придано новое значение иконическим знакам (как условным, немотивированным, конвенциональным), которые имеют синтетический чувственный субстрат, отраженный в образах, которые разделяются на визуальные, тактильные, акустические, ольфакторные, кинестетические и др. Установлена специфика нелингвистических знаков, а именно: полисенсорность и эмоциональность. Сделан вывод об их социальном значении как вовлечении в процессы интеракции и манипуляции;

5) установлено, что нелингвистическая социальность формируется посредством креализованного текста, где невербальный медиум выполняет функции интеракции: регулятивную, фатическую, перформативную, эстетическую и др. Нелингвистическая текстовая структура основывается на слабых (изменчивых, подвижных) кодах, которые поддерживаются в социальных интеракциях.

Нелингвистическая социальность формируется в соответствии с интерактивной (некоммуникативной) моделью, в которой человек выступает интерактивной функцией (интерактантом), а социум представлен разнообразием неинституциональных мобильных параструктур. В частности, интерактивными формами нелингвистической социальности согласно метафоре флеш-моба выступают: полит-моб, шопинг-моб, интернет-моб (i-моб), сити-моб и др.

Выводы и теоретические положення диссертационного исследования способствуют более глубокому пониманию природы и механизмов социальности, которые не могут быть связаны исключительно с рационалистической парадигмой. Результаты исследования дают возможность осмыслить социальность с точки зрения нелингвистической семиотики, что способствует расширению как мировозренческих, так и теоретико-философских границ относительно формирования социальности.

Полученные результаты создают основу для дальнейших философских концептуализаций социальности и могут быть использованы в учебном процессе для подготовки общих и специальных курсов по социальной философии, философской герменевтике, современной философии, семиотики и др.

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на научных семинарах и заседаниях кафедры теоретической и практической философии ХНУ им. В.Н. Каразина.

Результаты исследования докладывались на таких конференциях: XIII и XIV Харьковские Международные Сковородиновские Чтения, международный научно-практический семинар «Многообразие культур: неоклассика и контркультура», V Таврические чтения «Анархарсис», всероссийская науковая конференция «Медиафилософия. Принципы и способы анализа медиа реальности». Основные положения и выводы отражены в 8 публикациях общим объемом … п. л. (в том числе 7 – в научных изданиях, рекомендованных ВАК Украины).

Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих 15 параграфов, заключения и списка использованных источников. Содержание работы изложено на … машинописных страницах, список литературы включает 211 наименований, в том числе 20 – на иностранных языках.

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФСКИЕ УЧЕНИЯ О СОЦИУМЕ: ИСТОРИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

У истоков философского знания формируются первые представления о социальности как о форме общежительности, общественности, взаимодействий людей в мире. Они организовываются в теоретические конструкции, которые становятся не идеальным отражением естественно-исторического процесса, а инструментом, его постижения.

Социальность как предмет философии, как теоретический конструкт отличный от эмпирической данности в научном исследовании постоянно реформируется, меняются аспекты его рассмотрения и модели интерпретации. Многообразие исторических форм социальности представлено в социально-философской мысли в виде социальности античной и средневековой эпох, а также — Нового времени, модерной, постмодерной и современной социальности в различных ее модификациях.

Под социальностью понимается совместная жизнь, в основе которой лежит разум, придающий ей осмысленность, целостность и упорядоченность. Принцип разумности рассматривается в качестве основы понимания и поведения людей.

Анализируя проблему социальности, следует исходить из многообразия форм разума (космический, божественный, просветительский, диалектический, практический). «Разум, как предмет философии, постоянно трансформировался и секуляризировался, но во всех своих вариантах он утверждал постоянство и законосообразность, порядок и структуру, подчинял время и жизнь, свободу и экзистенцию понятию» [110, с.109].

В данном разделе диссертации мы попытались выявить многообразие форм социальности, их историческую обусловленность характером господствующих представлений о разуме.

Воссоздать историю сменяющих друг друга концептуализаций социальности означает реконструировать этапы рефлексивной эволюции, которую прошла социально-философская мысль от ранних социально-

философских идей об обществе, представленных в работах античных мыслителей, до современных социальных теорий.

1.1. Античный полис: logos государства и политическая риторика

Согласно современным теоретическим оценкам, античное мышление создало первые и во многом основополагающие рационалистические теории, объясняющие устройство природы и космоса, государства и общественной жизни в их взаимосвязи. Так называемый «объективный рационализм, предполагающий логический порядок вещей в самой действительности, космос (греч. kosmos — «порядок, благо») как изначально разумную организацию мира, зародился в античности и является исторической основой европейской культуры» [45, с.503рационализм]. Древние эллины считали, что красота, или «прелесть» (charis), и слава (kleos) внедрены в душу человека с небес и таким образом возникает «логос», разум в качестве упорядочивающего, образующего и оживляющего принципа. «Они воспринимали рациональность бытия как божественный дар вроде Прометеева огня» [45, с.503].

«В античной философии разум выступает как "логос" у греков (этимологически значение этого слова связано с глаголом «собирать», «связывать») или "рацио" у римлян (этимологическое значение этого слова связано с глаголом "считать", "исчислять")» [4, с.14]. Для классической античной философии Логос интерпретируется как «слово», которое принадлежит субстанции, но не личности, является формообразующим, но не воле-содержащим. Понятие «Логос» было введено в греческую философию Гераклитом, для которого λόγος — космический закон, универсальная космическая закономерность, сквозящая через кажущуюся произвольность, осмысленность, ритм и соразмерность бытия, разумное творческое начало, положенное в основу Вселенной. Космический логос, как утверждается в греческой философии, «обращается» к людям, которые, даже «услышав», неспособны его понять. «Всякий имеющий разум никогда не осмелится

выразить словами то, что является плодом его размышления и особенно в такой негибкой форме, как письменные знаки. Истинно понятийное мышление — в сущности «беззвучная беседа» души с собой» [135, с.105].

В философии стоиков, гностиков и неоплатоников понятие логоса сливается с представлением о Творце мира (греч. logoi — «принцип, идея»). Предвечная мысль Бога в качестве логоса постоянно творит материальный мир, пронизывает его и связывает воедино. В свете космического Логоса мир есть гармоничное целое.

В развиваемых античными мыслителями взглядах общественное бытие, его устройство выводилось из безличностного абсолюта, которым выступал «божественный строй вещей», «общий» законопорядок. Платон, Аристотель, Цицерон впервые высказали мысль о том, что справедливость, порядок, нравственность существуют в природе и заключены в сущности человека, как естественное право (истинный закон, неотвратимый и неписанный закон). В диалоге «О законах» Цицерон, как и другие римские деятели, трактует закон как заложенный в природе высший разум, велящий совершать то, что следует совершать, и запрещающий противоположное [178, с.98]. Государство возникает не по произволу, а в соответствии с всеобщими требованиями природы (естественное право и государство неотделимы). Соответствие или несоответствие человеческих законов естественному праву выступает, согласно античным мыслителям, критерием справедливости или несправедливости.

Изначальная данность космоса, принятого как некий абсолют, предполагает разумно устроенный мир и, как следствие, упорядоченно устроенную общественную жизнь. Отсюда уверенность в прочности и разумности социоприродного порядка. Мир греков не был становящимся миром, он был миром всегда пребывающим. Социальность в ее динамичности, изменчивости, непредсказуемости, как правило, не принималась греками. Внешне заданная и упорядоченная социальность импонирует грекам гораздо больше. Картина мира, описанная Гераклитом, будучи динамичной, сохраняет стабильность и гармонию. И эта стабильность

сохраняется в Логосе. Социальный беспорядок, непредсказуемость общественного взаимодействия могут быть устранены с помощью рациональной правовой идеи. Познание возможно через наблюдение и логику, через обращение к познающему разуму. Разум, признанный как наиболее эффективный инструмент, ищет начало, через которое упорядочивается хаос, превращаясь в космос. «Для античного Ума понять предмет мыслительного внимания означало определить хаос, эйдетизировать его в космос, в упорядоченное, «украшенное», эстетически значимое бытие» [27, 97].

Греческие мыслители использовали понятия «polis» и «politea» («πόλις», «πολιτεία», «πολίτευμα», «πολιτικά») для обозначения определенным образом организованной общности людей. Римляне называли свое общество объединением граждан «res publica», «societas civilis» (civitas от латинского слова civis – гражданин) или «populus Romanus» (римский народ) [167, с.34]. Исследователь античной истории Утченко С.Л. рассматривал полис не столько как город-государство, сколько как вид гражданской общины и признавал принципиальное сходство греческого полиса и римской civitas, считая их «конкретно-историческими вариантами одного социологического типа» [161, с.15]. Дементьева В.В., профессор Ярославского ГУ, считает, что в современном научном мире существует тенденция трактовать греческое понятие «πόλις» («politea») прежде всего в значении – «состояние государства», его «устройство», «государственная организация» [61, с.92–115].

Античными мыслителями полис понимался как единое целое общество-государство или город-государство. Арендт Х. считает, что политическую организацию необходимо отделять от природного общежития, т. к. в полисе всякий помимо своей частной жизни получил своего рода вторую жизнь, свой βίος πολιτικός. «Каждый гражданин отныне принадлежал двум порядкам существования, и его жизнь характерным образом строго делилась на то, что он называл своим собственным (ἰδιον), и то, что оставалось общим (κοινόν)» [9, с.135].

Особенностью социально-философских исследований этого времени является то, что они представляли собой учения о государстве и политике. В этом смысле вся античная философия является политической. Для анализа всех форм общественной жизни использовалась терминология, связанная с государством и политикой. Термин «социальность» в эти исторические периоды не употреблялся, а термин «общество», если и встречался в текстах, не носил категориального характера. Наиболее часто в анализируемом контексте использовались понятия «взаимоотношения людей», «общественные взаимоотношения», «сообщество», «общность людей», «общение», «политика», «государство». «Слово «социальный», — пишет Арендт Х., — существует только в латинском и не имеет соответствия в греческом языке или в греческой мысли. Существеннее то, что слово societas исходно имело в латинском отчетливый, хотя и ограниченный политический смысл; оно означало союз, в который люди вступают друг с другом ради определенной цели, например чтобы достичь господства над другими или даже совершить преступление» [9, с.138].

Усилиями античных теоретических стратегий и их представителей была сформирована античная традиция философствования, основанная на субстанциализме [139]. С позиций античного (метафизического) мышления общество понимается как логически и иерархически организованная и определяемая субстанцией система линейных связей, функционирующая по объективно заданным законам развития. За видимой пестротой явлений стоит эмпирически не фиксируемая универсальная закономерность разворачивания форм бытия. «Последовательность, ритм, внутренний смысл их возникновений и смены, направление и цель общего космического движения определяются именно Логосом» [124, с.344 Логос].

Однако, движение софистов (Протагор, Антифонт, Критий), обучающих риторике, «искусству словопрения» (П. Адо) и умению вести спор, разрушало выстроенную субстанциалисткую картину мира, «вносило начала рефлексивного и дискурсивного анализа в нравственную жизнь полиса» [41, с.11–37]. Софистика сыграла роль «античного просвещения» в

интеллектуальном прорыве древнегреческой культуры из классической мифологии и целиком мифологизированной гомеровской и гесиодовской поэтики в сферу самосознания духа. «Досократики (в первую очередь софисты) а потом представители греческой философской классики сформировали культуру дефиниции» [125, с.32]. Характерная черта античного рационализма – культура дефиниции. Этот первый тип европейского рационализма, отмечает С.С. Аверинцев, от всех предшествовавших ему состояний мысли и познавательных форм, в которых предмет полагается не через определение, но главным образом через уподобление (мифы, притчи), «резко отделяло наличие методологической рефлексии, обращенной, во-первых, на самое мысль, во-вторых, на инобытие мысли в слове. Рефлексия, обращенная на мысль, дала открытие гносеологической проблемы и кодификацию правил логики; рефлексия, обращенная на слово, дала открытие проблемы «критики языка» и кодификацию правил риторики и поэтики» [3, с.3–13]. Эту первую историческую форму европейского рационализма можно было бы назвать, следуя за С.С. Аверинцевым, логико-риторической или дедуктивной, высшими образцами ее являются, с одой стороны, геометрия Евклида, а с другой стороны, римское право [125, с.30–56].

Риторское искусство – гибкость аргументации, адаптивность к ситуации, умение увидеть факт в контексте времени и т. п. – способствовало разрушению стройности и логичности античной картины мира, подрывало метафизическую, субстанциально сущностную концептуализацию общества. Риторика, полагавшая необходимость активного речевого общения как того пространства, где конструировалась, рождалась, а не открывалась истина, противоречила единству и абсолютности субстанции. Истина в риторике представала как гетерогенная. Древнегреческая риторика, следовательно, предлагала множество субстанциальных, контекстуально оформившихся оснований.

Риторика базировалась на диалектике – способе мыслительного связывания в единое гармоничное целое внешне несовместимых сторон

предмета или явления, противоречий, содержащихся в них. Диалектика была значимым звеном в истории становления и развития культуры речи и рационального мышления. При всей неоднозначности понимания и оценки этого феномена рационального мышления, Платон считал его подлинным «венцом наук», «царским искусством». Демонстрируя и развивая потенциальные возможности диалектики в системе рационального мышления, Платон первым ввел особый диалектический род суждения, дополнив им широко практиковавшиеся в античной философии этический, эстетический, эротический и другие виды суждений. «Искусство «хитросплетения речей», ведущих к истине через поиск и разрешение противоречий, особенно наглядно проявилось в знаменитых платоновских диалогах – прекраснейших видах словесности, изобретенных отнюдь не Платоном, но доведенных им, по мнению Диогена Лаэртия, до совершенства» [125, с.35].

Именно эпоху античности, предстающую как период трансформации социальной реальности, Ж.-П. Вернан называет переходом, способствовавшим осознанию «особенного значения *слова* [выделено мной – Лаптиновой Ю.], иначе говоря, *языка* [выделено мной – Лаптиновой Ю.], ставшего решающим орудием политики, а значит, и всей социальной жизни полиса» [42, с.97]. «Из родов деятельности, которые можно встретить во всех формах человеческого общежития, только две считались собственно политическими, а именно, “действие (πραζις) и *речь*” (λεζις) [выделено мной – Лаптиновой Ю.]» [9, с.139]. Слово – всегда поступок (идея, идущая от «философии причастности» М.М. Бахтина), поэтому можно говорить о сопряженности коммуникации и действия, о *речедействии* (термин Ю.В. Рождественского). В последнее время в политологии, социологии, социолингвистике и теории коммуникации получил распространение термин «дискурс» (его можно условно расшифровать с помощью формулы: речь + действие). Поскольку действие и взаимодействие индивидов происходит в определенной социальной среде, то говорят об институциональном дискурсе

(политический дискурс, религиозный дискурс, педагогический дискурс, деловой дискурс, производственный дискурс и т. д.).

Греческая форма жизни отличалась тем, что была обусловлена речью, и средоточием всех гражданских дел было говорение друг с другом. *Речь оратора или устное слово* – это главный инструмент публичной власти в античном мире. Слово, обладающее большой силой убеждения, основанной на логике и аргументации, имело огромное влияние на принятие политических решений граждан. Жизнь античного города-государства наиболее ярко демонстрирует роль языка и межличностного общения в социально-политической деятельности. В связи с этим, А. Боннар приводит слова Фенелона: «Все в Греции (правильнее было сказать – в Афинах) зависело от народа, а народ зависел от *слова* [выделено мной – Лаптиновой Ю.]» [37, с.67]. Буркхардт Я. в своей книге «История культуры Греции» характеризует полис как «самую болтливую» из всех государственных форм [197]. Быть политическим, жить в полисе означало, что все дела улаживаются посредством *слов*, способных убедить, а не принуждением или насилием. «Принуждать других силой, приказывать вместо того, чтобы убеждать, считалось у греков как бы до-политическим способом межчеловеческого обхождения, привычным в жизни вне полиса, скажем в обращении с домочадцами, в семейственности, где глава семьи осуществлял деспотическую власть, а также в варварских государствах Азии, чью деспотическую форму правления часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи» [9, с.145].

Софисты продемонстрировали грекам огромные и политические, и культурные возможности языка, его амбивалентность, способность привести к конфликту или консенсусу общественной жизни. Не случайно, поэтому философ, работающий в рамках коммуникативной онтологии современной социальности, Ю. Хабермас, задавая понятие общественности в своей концепции гражданского общества, усматривает ее рождение в жизни греческого полиса, где она конституировалась в обсуждении гражданами общих проблем и проявлялась в таких формах как совещания, дискуссии,

суд, совместное решение. Демократичность города-государства проявляется не столько в наличии выборности и коллегиальности власти, сколько в открытости и риторике общественной жизни. Полис, по мнению Хабермаса, имел способность к свободному коммуницированию, общению, не политическому, но культурному взаимодействию граждан и государственных институтов, т. к. в античности сфера полиса, которая была общей для всех граждан, являлась строго отграниченной от сферы частной жизни индивида. Именно в этом смысле можно говорить о публичной сфере как демократическом пространстве «прозрачном» для всех, что, среди прочего, обеспечивало независимость и равенство граждан при принятии важных решений [202].

Здесь следует отметить, что вместе со словом свое развитие в политике получает и *письменность*. О роли письменности пишет Д. Кола, известный французский исследователь, указывая на её участие «в структурировании афинского публичного пространства», так как «на агоре были воздвигнуты стелы с текстами законов, предписаний», что обеспечивало открытость общественной жизни [81, с.144]. Общественная площадь – агора – была доступным политическим пространством для свободных граждан.

Произведения Гомера и некоторых древних поэтов были источником классической письменной речи, по которым люди изучали грамоту. Поэтому интерпретация и перевод их на новый греческий язык были весьма актуальными практическими задачами. Интеллектуальная работа в этой области приводит к созданию ряда герменевтических программ. Развитие герменевтики было связано, прежде всего, с деятельностью софистов – первых греческих филологов.

Язык как главное орудие политики, как условие демократии взорвал полисное единение государства и общества и явился причиной неустойчивости полиса, его поражения. Наиболее точно эту ситуацию охарактеризовал К. Поппер: «Великая духовная революция – вторжение в

культуру критического обсуждения и, как следствие, критического мышления, свободного от навязчивых магических идей» [136, с.221].

С точки зрения философской концептуализации социальности (А. Лосев, А. Веллмер, П. Адо), гибели античного полиса в определенной степени способствовало его внутреннее противоречие, изначальная двойственность его онтологии как метафизической и одновременно таящей в себе необходимость деконструкции метафизики, субстанциалистской и одновременно предлагающей свободу словесно, демократически организованной истины [126]. Позиция софистов – истина «у каждого своя» – и их отход от поиска универсальной истины развивали разрушительную тенденцию в жизни полиса и мировоззрении его граждан. Деконструктивистскую роль риторики, языка в полисной организации можно считать началом деконструкции метафизических онтологий и создания онтологий прагматического (коммуникативного) характера.

Таким образом, философские учения о социуме в эпоху античности могут быть объединены, с одной стороны, идеями *логоцентризма* (logos – в значении «мысль»), понимаемого как разумный социоприродный порядок жизненной организации, а с другой – идеями логико-риторического (logos – в значении «рассуждение») агонического взаимодействия, испытывающего социальный порядок руководящей силой справедливости. Вторая, динамическая линия социальности, представляется наиболее плодотворной для последующего подхода к наименее проявленному пласту социальности, рядоположенному социальному космосу и его символико-лингвистическим репрезентациям.

1.2. «Христианополис» в Средние века: град Земной и Слово Божье

Для западно-европейской культуры конец античной философии – это конец языческой цивилизации. Специфика философии средневековья была обусловлена возникновением и развитием христианства. Христианство внесло свои изменения в развитие представлений о существовании

«естественного закона», «мирового разума», «божественного логоса». Представители средневековья (христиане) отвергли «естественный закон», заложенный в них самой природой, внедренный в душу человека с небес «как божественный дар вроде Прометеева огня» и строили свои социальные учения на основе божественного закона, заложенного в человеческой природе актом божественного творения. Если, по Аристотелю, душа не творится кем-то, а возникает в качестве бестелесной субстанции и присуща уже семени, то, согласно учению Аквината, души сотворяются Богом [85, с.159.].

В развиваемых религиозной философией средневековья взглядах общественное бытие выводилось из божественного предписания, государство выступало частью универсального порядка, создателем и правителем которого является Бог. Если Платон и Аристотель полагали, что естественное право, истинный закон и государство неотделимы, то средневековые мыслители полагали, что единый и вездесущий Бог как сверхъестественная личность создает мир и от мира не зависит, мир и человек имеют свои основания в Боге. «В христианской религии функция упорядочивания мира перешла к абсолютно трансцендентальной инстанции — Богу» [160, с.34].

В трудах Отцов Церкви античное понимание логоса как идеальной основы мира постепенно трансформировалось в «Логос ипостасный», воплощенный в Христе. «Логос воплотился в исторической личности Иисуса и пришел к людям, чтобы открыть план мира и просветить их» [45, с.503]. Термин «логос» получил новое значение *слова* живого Бога. Бог с помощью Логоса и посредством его творит мир и вносит в него разумность. Творение мира есть воплощение Слова Божьего. Бог «окликает» Словом (Логосом) вещи и так вызывает их из небытия. В соответствии с этим, в христианстве утверждается тождество Логоса (Христа) Богу-Сыну, который представляет «Слово» Бога-Отца и является вторым лицом Троицы [124, с.344].

Как Сын Человеческий, Иисус Христос создает ситуацию горизонтального диалога, диалога между соверующими, которые

придерживаются одной христианской теории и переосмысливают этот единый смысл бесконечными вариациями человеческого произречения. «Смыслы, на которые опирается понимание истинной реальности, не рождаются в моменты коммуникативных интеракций, а переживаются соверующими, которые через причастность к ним оказываются также присутствующими в одной действительности: а) на общехристианском парадигмальном уровне – как причастные к Единому Слову Божьему, единому Откровению Божьему, Единому Сыну Божьему, Иисусу Христу, поскольку признают его; б) на конфессиональном уровне – как соучастники отдельного способа обсуждения этого Смысла, определения его содержания относительно к установленным конфессионально параметрам» [55, с.121-128].

Социальный беспорядок преодолевался греками с помощью рациональной правовой идеи. Для средневекового человека место познания через наблюдение, логику, рациональные усилия заняло духовное очищение, совершенствование, молитвы, избавление от греховности, *Слово Божье*, которое структурирует действия человека, наполняя моральным смыслом его жизнь. Место стел с текстами законов на агоре заняло книжное знание, опирающееся на Библию и толкование ее авторитетами церкви. Библия – это Слово Божье, с помощью которого Господь Всемогущий установил свою власть над миром.

Средневековая теология соединила идею космического разума как смысла и первопричины мирового бытия с учением о сверхразумности божественной воли, ее непостижимости и неохватности человеческим разумом. Хотя логика максимально точно, насколько это возможно, отражает структуру логоса, она многое оставляет за кадром. Так, в христианстве логос (Слово) является Богом, а Бог, естественно, выше логики – особенно факт его Воплощения, а также многие стороны христианского учения, основанные на высказываниях Христа-Логоса, но при этом содержащие в себе логические парадоксы. В логике Аристотеля парадоксам места нет. Для средневекового человека в мире действуют законы и нормы, неподвластные человеческому

разуму. Постижение сверхчувственного божественного мира становится привилегией уже не разума, а *веры*. В человеке открылись такие его измерения как *вера, надежда, любовь*. Только христианство начинает характеризовать себя словом «вера». «Язычество не верит в богов и духов, а стремится разобраться в их мире, чтобы подчинить духовный мир себе и своим интересам, полагаясь при этом на магическую технику своих ритуалов и заклинаний» [100, с.35]. Религиозное чувство римлян, как писал А.Ф Лосев, «очень осторожное, малодоверчивое. Римлянин не столько верит, сколько не доверяет» [100, с.56].

Средневековый рационализм приобрел мистическую окраску т. к. сохранил античную идею творящего Логоса и возможность логического объяснения материальной, осуществленной действительности, но отверг пути рационального объяснения духовной реальности. Божественная истина не выразима человеческими словами и мерками, существо Бога остается до конца непостижимым для концептуально-понятийного мышления. «Вера есть познание несомненного, но эта несомненность воспринимается не рационально, а экзистенциально, опытом проживания обретенной истины. Вера не перестает оставаться именно верой, потому что продолжает требовать личного отношения человека и не допускает выродиться в некое «объективное» бессубъектное созерцание» [92, с.88–114].

Однако, принципиальная непознаваемость Божества не служила основанием для запрета на духовно-познавательную деятельность. Для христианского мировоззрения не характерно «жесткое противополагание веры разуму или же принудительное подчинение последнего религиозному авторитету» [119, с.104]. У религии и науки одна общая задача – обретение и усмотрение действия Логоса в мире. Тертуллиан не устает возносить разум. «Если бы в этих людях был Бог, а следовательно, и разум», – пишет он о людях, избегающих подлинного покаяния, — Бог, который «все разумно предусмотрел, желает, чтобы люди всегда действовали разумно, с пониманием» [157, с.224–234]. Подлинная вера дает познание своего

предмета, созерцает Бога. Ее никак не назовешь «слепой». По суждению Церкви, «во всяком деле человек имеет нужду в рассуждении» [92, с.78].

Парадоксальность христианской веры по сравнению с установками обыденного опыта несет в себе опасность упрощенного, ложного понимания содержания веры, и тем самым порождает острую потребность в точном и ясном фиксировании нюансов евангельской проповеди, в единстве ума, познания, воли, веры и любви. Человеку вменяется необходимость познания. И здесь возможности метафорического мышления (метафор, уподоблений, притч) уже недостаточны. Оно должно быть дополнено средствами интеллектуально-рациональной фиксации содержания проговариваемого опыта. Догматы, формулируемые в процессах рационализации духовного опыта, обобщают, уточняют, проясняют и систематизируют все богатство и многообразие духовного опыта, помогают осмысленному пониманию существа веры, укреплению и поддержанию ее единства, позволяют отсечь неправильные толкования и интерпретации. Это означало не только подчинение философии религиозной догматике, но также уверенность философии в том, что теоретический разум достаточно могуществен, чтобы доказать, обосновать и объяснить даже высочайшие таинства веры. «Поэтому средневековье высоко ценило логику, почитало доказательства, уважало логическую форму понятия» [14, с.43]. Таким образом, средневековую богословскую мысль нельзя упрекнуть в недостаточном внимании к нормам рациональности своего времени, а скорее в противоположном – чрезмерно педантичном и скрупулезном следовании этим нормам. «Почти на каждой странице сочинений Иоанна Дамаскина или Фомы Аквинского мы встречаемся со строгими формальными дефинициями, а мысль строится как логически строгое, последовательное движение от одной дефиниции к другой» [92, с.79]. Почти всем богословским сочинениям этого времени присуще стремление к максимально возможному рационализированию веры, формулированию ее в строгих логических формах, нередко в ущерб реальному живому содержанию веры.

Важно отметить, что Августин создал фундаментальный труд «Христианская наука, или Основания священной герменевтики и искусства церковного красноречия», – по сути, первый обобщающий труд по герменевтике. До него (в частности, у Оригена) анализировались лишь некоторые практические приемы толкования фрагментов Священного писания. В своей работе Августин высказывает первые семиотические идеи: дает четкое определение знака – знак есть материальный воспринимаемый органами чувств объект для обозначения предмета речи; разделяет искусственные и естественные знаки; впервые дает определение фундаментальной герменевтической категории «понимание», говоря, что «понимание есть переход от знака к значению», переход, во время которого осуществляется познание значения путем запечатления в душе представления о воздействующем на нее знаке [1].

Социальная мысль средневековья вызвала новый взгляд на человеческое общество и его историю. Проблема природы человека, общества и государства в этот период освещалась в трудах Аврелия Августина (Августина Блаженного) и Фомы Аквинского.

Наиболее интересным элементом учения Августина, изложенном в книге «О граде Божием», является понимание истории человечества как борьбы «двух градов»: «града земного», или светского государства, «великой разбойничьей организации», в которой борются за материальные блага и притесняют праведников, и «града Божьего», общины праведников, следующих не земным, а божественным установлениям. Все социальные, правовые и государственные учреждения, созданные человеком, весь, как он это называл, «град земной» – результат греховности человека, его извращенной свободной воли [2]. Сам человек бессилен избавиться от греха и создать совершенное общество.

Фома формулирует три функции, которые определяют структуру социального порядка, необходимы для обеспечения существования земного порядка: люди молятся, управляют, трудятся. Эти функции есть божественное установление, и поскольку они от бога, человек не может их

изменить, не может даже помыслить изменение. Человеческое поведение, социальное в том числе, не может руководствоваться только разумом человека. Его недостаточно, чтобы управлять поступками. Человеческое поведение направляется тремя видами законов: божественным вечным сверхразумным законом, который сформулирован в Ветхом и Новом завете; естественным законом, в основе которого лежит присущее человеку стремление к благу, к счастью, к избеганию зла; человеческим законом, т. е. законом государства и общества, удерживающим людей от совершения зла силой [69].

Присущий античности способ мышления, направленный на поиск объективно существующей субстанции, обусловливающей социальную жизнь, продолжает реализовывать себя и в интеллектуальной деятельности средневековья. Поэтому мы можем говорить о том, что в теоретическом наследии этой эпохи наблюдается смена субстанций: от природы (полиса) – к Богу.

Таким образом, богоподобный социальный порядок создается средневековыми мыслителями не путем аналогии с природным порядком и космосом, а путем моделирования трансцендентального объекта, наделенного идеальными социальными характеристиками с особой духовной акцентуацией. При этом особо значимыми предстают: воля, устремленная к Богу, чувства веры, надежды, любви. Logos пребывает в значении «Слова» – слова, передающего религиозные чувства и несущего специфическое волевое действие. Вместе с тем, телесные основы человеческого бытия не только не актуализируются в средневековом понимании социального устройства человеческой жизни, но и вытесняются с соответствующим средневековью обесцениванием и угнетением плоти. Как представляется, такой подход оказался исторически травматическим и предопределил в дальнейшем, так сказать, «патологическую линию жизни» социальной телесности.

1.3. Гуманистические утопии как социальные идеалы в период Возрождения. Договорные концепции Нового времени

Огромное количество изобретений и научно-технических достижений, а также изменения в ценностях культуры буквально во всех сферах жизни людей в Западной Европе – все это свидетельствовало о наступлении новой эпохи – эпохи Возрождения. Термин «возрождение» появляется как отражение ценностной установки мыслителей новой эпохи: это, с одной стороны, сознательное противопоставление себя Средневековью, где господствовали теология и схоластическая философия (сторонники Реформации выступили против официальной религиозной идеологии), а с другой – возвращение к ценностям античной культуры с ее культом Разума и Гармонии.

В эпоху Ренессанса «ораторы», «риторы» (гуманисты) взяли на себя роль, выполняемую ранее церковнослужителями. Гуманисты в качестве государственных деятелей, писателей стали своего рода служителями культуры (в смысле греческого слова paideia, то есть того, что непосредственно передается новому поколению) [76]. Процесс информатизации (благодаря развитию типографского дела, фактически совпавшего с процессами Реформации XVI в.) способствовал более динамичному изменению общественного сознания. Известно, что для распространения своих идей М. Лютер и его единомышленники использовали возможности типографского издательства. Средствами их пропаганды были *полемические листки*, где в популярной форме получали обоснование тезисы нового учения. Историки отмечают, что именно в этот период в качестве эффективных идеологических инструментов зарекомендовали себя *листовки, «летучие листки», прокламации, памфлеты, диалоги, пародии и сатиры*. «Развитие *книгопечатания* способствовало появлению мощных средств в религиозной и политической борьбе» [128].

Культура эпохи Возрождения характеризуется глобальной сменой общемировоззренческих позиций. В центре возрожденческого мировосприятия оказывается уже не Космос античности и не Бог средневековья, а Человек, подчиняющийся законам мироздания. В качестве

источника познания, из которого можно получать истины, обладающие логическими свойствами всеобщности и необходимости, выступает *человеческий разум*. Новое время характеризуется верой в разум, как одну из присущих человеку и человечеству всеобщую универсальную познавательную способность, благодаря которой он мыслит, формирует понятия, оперирует ими. «В самом деле, для Декарта, например, казалось достаточным нескольких сравнительно несложных правил, чтобы активизировать в каждом человеке, независимо от его расы, эпохи и культурной самобытности, способность ясно и отчетливо видеть мир в естественном свете разума» [4, с.14]. Рационализм Нового времени исходит из того, что в разуме существуют некие изначальные образования, которые не нуждаются в каком-либо обосновании и могут служить отправным пунктом для обоснования прочих знаний. Эти начала существовали до всякого опыта и от него независимы.

Классический европейский рационализм, основанный на вере в безграничные возможности логического мышления, сформировался во Франции в эпоху Просвещения во второй половине XVIII в. и властно заявил о себе претензией на абсолютность, всемогущество и универсальность. Сущность нового рационализма состоит в признании человеческого разума законополагающим. Характеризуя эти перемены, М. Хайдеггер писал, что человек теперь сам задает меру сущему, сам от себя и для себя определяя, что вправе считаться сущим [174]. «Эпоха зарождающихся естественных наук стала, таким образом, эпохой Рационализма, эпохой некритического расширения новой рациональности метода на метафизику» [4, с.14].

Социальная мысль Возрождения, опираясь на рационалистические представления о разумной природе человека, вещей и на просветительскую веру в разум как силу, способную одновременно и познать мир, и перестроить на разумных началах социальные отношения, породила новый взгляд на человеческое общество и его историю.

Государство возникает (пусть в силу объективных причин) как результат сознательной и целенаправленной деятельности людей.

Просветители ставят социально-политическую задачу достижения идеала «совершенного государства», что возможно через исправление отношений между ним и гражданином на пути «совершенствования разума» [91, с.112].

Наиболее яркими представителями социальной мысли Возрождения были Н. Макиавелли в Италии, Ж. Воден во Франции, Т. Мор в Англии. Они рассматривали общество как результат деятельности самих людей, т. е. секуляризовали социальность. «Общество и государство есть проявление необходимости людей друг в друге и Бог никакого отношения к ним не имеет» [97, с.21]. Т. Мюнцер, Сен-Симон, Ш. Фурье и Р. Оуэн стремились найти решение проблемы стабильности социального порядка, и также полагали этот порядок продуктом разумных человеческих усилий, а не божьего попечения. Каждый из них был не только теоретиком, но и родоначальником реальной социалистической и коммунистической утопической практики. По их книгам создавались утопические общины, в которых люди стремились воплотить идеалы счастливой и совершенной жизни. То есть они соединяли гуманистическую склонность к теоретическому проектированию и обоснованию совершенного общества и практическую направленность религиозной утопии, направленность на воплощение в жизни, в истории и тем самым на завоевание, покорение ее. С 20-х годов XIX века создавались коммуны сен-симонистские, фурьеристские, оуэнистские и другие. Они представляли объединения людей, отказавшихся от собственности для совместного труда ради счастливой совместной жизни [77].

Политические идеи, зародившиеся в эпоху Возрождения, получают свою всестороннюю разработку в Новое время. Нововременные социально-философские концепции основываются на идее естественного права и договорного происхождения государства (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, А. Фергюсон, Г. Гегель, И. Кант и др.).

Домодерное представление общественной формы существования индивидов концептуализировалось в понятиях «естественного права» и

«общественного договора», которые стали смыслообразующими и фундаментальными для социальных исследований.

В произведениях просветителей было сформулировано и систематизировано первоначальное понятие об универсальных — неотчуждаемых и неотъемлемых — «естественных правах» человека. Эти права даны каждому человеку от природы и включают в себя право на жизнь, свободу и собственность или, как записано в Декларации прав человека и гражданина, принятой в 1791 году, право на свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению [84].

Понятие об *общественном договоре* было одним из основополагающих в учении об обществе, выработанном деятелями раннего английского Просвещения. Как известно, развивали теорию общественного договора Т. Гоббс, Д. Локк, П. Гассенди, Б. Спиноза, Ж.Ж. Руссо, А. Радищев, Т. Джефферсон. Идея общественного договора, которая была основным понятийным основанием их социальных теорий, состояла в том, что общественные связи человека сами по себе уже готовы – до акта общения – и устанавливаются путем контракта, или договора, между людьми. Заключение общественного договора есть следствие действия морального естественного закона, движимого Божьей волей и трансцендентного по природе. Законы природы (естественные законы) трактуются как законы, которые «вытекают единственно из устройства нашего существа». Закон вообще – это, по Монтескье, человеческий разум, управляющий всеми людьми [116, с.145]. Понятие «естественный» используется Гоббсом для характеристики статуса законов и в этом смысле трактуется как естественно правильный, изначально данный как очевидно истинный. Такой разум или закон не есть свойство отдельных индивидов и даже не свойство всех людей вместе, пришедших к соглашению. Это всеобщий закон, внешний и объективный по отношению к человеку. «Закон есть некий правый разум, который называется также естественным. /…/ Следовательно, естественный закон, как бы я его определил, есть веление правого разума относительно того, что нужно делать и от чего следует отказываться для наиболее

продолжительного сохранения жизни и здоровья» [54, с.82]. Итак, в самой природе человека наличествуют изначально естественные законы разума, то есть правила, по которым человеку надлежит делать все себе во благо, а не во вред, Эти законы подсказывают подходящие условия для мира, на основе которых люди могут прийти к соглашению, которые и определяют его жизнь, обеспечивают возникновение общества. В христианстве постулировался договор народа с Богом (завет означает договор). Теперь договор понимается как необходимость, осмысленная в связи с задачей самосохранения человека, иначе люди уничтожат друг друга [54].

Для мыслителей Нового времени общественный договор создает основы цивилизации и ее пространственные формы. Переход от естественного состояния к гражданскому производит в человеке весьма заметную перемену, заменяя в его действиях инстинкт правосудием и сообщая его действиям нравственное начало. В широком контексте институциональное начало цивилизационного пространства, выраженное в правовых и нравственных нормах, дает возможность человеку прислушиваться к голосу разума, прежде чем повиноваться естественным склонностям. Исходя из благих побуждений создать пространство свободы и равенства, философы-просветители формируют модель «энциклопедического пространства», где разум реализуется в общей воле и принципах принудительного равенства [148].

Нововременные теории интерпретировали социальность как априорно данную сущность, в основе которой лежит трансцендентная по своей сути возможность «заключения договора». Иными словами, договор есть реальный или гипотетический акт создания общества (для Гоббса) или государства (для Локка) как суммы составляющих его индивидов, руководствующихся стремлением к самосохранению и благополучию. Момент «заключения договора» невозможно ни описать, ни определить точно во времени, следовательно, сама его возможность иноприродна человеку, предзадана ему и поэтому не проблематизируется. При таком подходе данность социального очевидна так же, как и данность природы, и

потому наличный предустановленный порядок социальной жизни не проблематизируется.

Присущий античности и средневековью способ мышления, направленный на поиск объективно существующей субстанции, обусловливающей социальную жизнь, продолжает реализовывать себя и в интеллектуальной деятельности Нового времени. В качестве социальной субстанции в различные исторические периоды назывались по-разному увиденные первоначала. В теоретическом наследии этой эпохи наблюдается смена субстанций: от полиса (природы), Бога – к общественному договору. Но их значения объединялись в том, что они обусловливали однолинейные, строго детерминационные связи в различных социальных сферах, чем обеспечивали логику стабильности, иерархичности и жесткости социальных онтологий.

Теория гражданского общества, сформированная в Новое время, также является результатом субстанциализма (основана на принципах субстанциальной онтологии).

Таким образом, формирование теоретических учений о социальности в эпоху Возрождения продолжается при усилении значимости лингвистических предпосылок. Качество совместного бытия людей изменяется в виду развития книгопечатания, появления новых форм письменных идеологических текстов (листовок, памфлетов и т. д.). Особое значение в этот период имеет общественный договор, который действует как неписанный закон, форматирующий общество как единое целое. При этом общественный договор лишь закрепляет естественную, данную человеку от природы социальность.

Однако синтезированный подход данной эпохи в силу просвещенческих интеллектуальных предпочтений не придал особого значения проблеме социальной телесности, которая не могла быть раскрыта на основании рационалистической парадигмы и учений о естественности договорных оснований социальной жизни.

1.4. Гражданское общество в метанаррациях эпохи Модерна

Возросшие возможности преобразовательной социальной деятельности, рост естествознания укрепляли убеждения в разумности бытия или, точнее, в способности разума устроить бытие на разумных началах. Человек верил в то, что, уничтожая все «неразумное», традиционное, застойное, косное, что было унаследовано от феодального мира, освобождаясь от суеверий, в силу «расколдовывания», мир станет доступным для осмысления и трансформации, более «прозрачным». История понималась как прогресс, стремление к достижению совершенства. Исторический процесс наделялся разумностью, обладал собственной логикой, представлял собой взаимосвязь эпох, периодов, традиций.

Для теоретических построений модерна характерно то, что люди и их мир управляются естественными законами, которые открывает разум и которым сам разум подчинен. В эпоху научно-технического прогресса утверждается абсолютный примат человеческого разума, способного управлять жизненными процессами. Отсюда берут начало все модернистские проекты и социальная инженерия, стремившиеся к созданию совершенных обществ и государств разными способами.

Однако, с конца XVIII – начала XIX в. начинается этап осознания утопичности идеалов Просвещения, этап сомнений, преодолеваемых переосмыслением просветительной концепции разума с позиций диалектического разума. Просвещенческий тип рациональности был в своей основе разумом унифицирующим (по методологической установке). Он не признавал общественно-идеологическую ангажированность и индивидуально-психологическую дискретность своих непосредственных носителей. Разум был внутренне сориентирован на объективные универсальные законы, управляющие миром, всеми его процессами и системами, а также деятельностью по его познавательному освоению. Возникновение спекулятивно-диалектической системы Гегеля выступает как средство «спасения» европейского рационализма [4, с.16]. Согласно Гегелю,

просветительский разум не был истинно разумным, он был всего лишь рассудком, то есть лишь частью разума – причем его негативной частью, которая сама по себе лишена положительной силы синтеза и способна лишь отрицать нечто, а не строить новое, отрицая самое отрицание. Задачам конструктивного преодоления и построения нового и отвечает для своего времени гегелевская система спекулятивно-диалектического разума [51]. Произошла выработка новой концепции разума. «Разум» употребляется здесь не столько в классическом философском значении (как источник рационального), сколько в значении «прогрессивного, авангардного сознания» [172, с.213]. Роль разума принципиально меняется: разум больше не верховный законодатель, порождающий нормы и законы, а лишь инструмент установления порождающей причины этих норм и законов. Разум перестает быть всеобщим абсолютным принципом, из которого пытаются вывести все определения субъекта и начинает толковаться как важнейшая способность конкретного индивида, обеспечивающая наличие чистых мыслительных действий как идеальных оснований реальных психических и мыслительных актов. Динамический, свободный и творческий Модерный разум, понятый как автономное сознание, был признан основой человеческой жизнедеятельности, ему доверили разрабатывать проекты будущего счастливого устройства общественного бытия. Большие наррации были созданны Модерным разумом на идеях Просвещения – прогресса истории, свободы, сциентизма, антропоцентризма, легитимности знания и рационализма. Лиотар определяет до-постмодернистскую культуру как культуру «больших нарраций» («метанарративов»), как определенных социокультурных доминант, своего рода властных установок, задающих легитимизацию того или иного (но обязательно одного) типа рациональности и языка, парадигмальных интерпретационных матриц, претендующих на универсальность и осуществляющих своего рода «легитимацию» знания, социальных институтов, стиля мышления и т. п. [97]. Джеймисон Ф. в своей книге «Постмодернизм или логика культуры позднего капитализма» говорит о «великой наррации» или о «доминантной наррации» «доминантном

повествовании» или «доминантном коде» (как «эпистемологических категориях»), которые функционируют в соответствующей традиции как имплицитная и нерефлексируемая система координат, парадигмальная матрица, внутри которой «коллективное сознание» в рамках данного кода моделирует «в социально символических актах» не что иное, как «культурно опосредованные артефакты» [206]. К метанаррациям Лиотар относит новоевропейские идеи эмансипации и социального прогресса, гегелевскую диалектику духа, просветительскую трактовку знания как инструмента разрешения любых проблем (Просвещение, гегельянство, герменевтика, критическая теория, марксизм, неоклассическая экономика).

По мнению большинства критиков просветителей, те или иные права не дарованы людям изначально Природой или Богом, а возникают и меняются в ходе исторического развития. Модерные мыслители подвергли серьезной критике «теорию естественного права» и «теорию общественного договора». Коммуникация – общение, основывающееся на взаимопонимании, дискуссии, – становится противовесом доктрине общественного договора, участники которого воспринимают и осознают друг друга абстрактно и безлично.

Для анализа явлений социальной реальности модерная социальная теория использует теоретические понятия «общества» и «гражданского общества» [168, с.44–74]. «В социальных науках были развиты понятия обществ как сингулярных, ограниченных и внутренне интегрированных образований и как сфер, в которых люди являются более или менее одинаковыми» [169, с.128–139].

Классическая традиция понимания гражданского общества основана на идее видения его в общей структуре социальности как той её части, которая противостоит государственной организации, политической властной сфере и связана с неполитической общественностью свободного индивида. Свобода индивидуального проявления человека вне государственной сферы – это принцип, конституирующий гражданское общество. Гражданское общество можно представить как своего рода социальное пространство, в

котором люди взаимодействуют в качестве независимых друг от друга и от государства индивидов. В этом отношении оно представляет собой «совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, социальных институтов и социальных ценностей», акторами которых являются гражданин и гражданские ассоциации [87].

Наибольший вклад в разработку теории гражданского общества внесли представители немецкой классической философии – И. Кант и Г. Гегель. Кант приходит к выводу, что главный путь сочетания свободы каждого со свободой других, примирения индивидуального и общественного – формирование гражданского общества. Трактат «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» заключает в себе в предельно концентрированном виде социальную философию Канта [77].

Особую интерпретацию понятие гражданского общества получило в работе Гегеля «Философия права». Под «гражданским обществом» в отличие от «общества политического» понималась совокупность имущественных отношений, определявших образ жизни людей и их взаимоотношения [50].

Не теряют своей актуальности исследования гражданского общества К. Маркса и Ф. Энгельса (труды «Немецкая идеология», «К критике политической экономии. Предисловие», «К критике гегелевской философии права»). К. Маркс развил ряд положений Гегеля. В произведениях Маркса гражданское общество — это находящаяся на определенной стадии развития форма человеческой общности, с помощью труда удовлетворяющая потребности своих индивидов. Маркс выделяет три основных исторических типа социальности: отношения личной зависимости, отношения вещной зависимости и отношения свободных индивидуальностей. Маркс называет гражданское общество продуктом исключительно буржуазной системы. Однако, в конце своей творческой деятельности Маркс фактически отказывается от понятия «гражданское общество» и вводит понятия «базис» и «надстройка» [111].

Усилиями модерных социальных теоретиков был сформирован модерный подход к рассмотрению социальности. Они отказываются от идеи

предположенного макросоциального институционального порядка, от метафизического объяснения социальности. Отказавшись от поиска трансцендентной, всё определяющей субстанции, модерные мыслители обращаются к социальной реальности, к повседневности, пытаясь найти в ее проявлениях порождающее внутреннее начало, выделить собственные основания социальности, не редуцируемые к сверхъестественным метафизическим сущностям или механизмам. Субстанциальным структурным основанием, обеспечивающим социальную целостность, выступают «естественные законы общества» (О. Конт), «социальные факты» (Э. Дюркгейм), «социальные формы» (Г. Зиммель), «производственные отношения» (К. Маркс). В качестве системообразующих элементов общества, в конечном счете, рассматриваются: социальное действие как субстрат «субъективного смысла» или обезличенные социальные структуры, функции которых приобретают объективно-закономерный характер.

Французский исследователь А. Турен отмечает, что модерн создал масштабную модель «репрезентаций социальной жизни», согласно которой сердцевину этой жизни образует соответствие между системой и акторами. «Человек уже не создание, сотворенное по образу Божьему, а социальный актор, определяемый своими ролями, т. е. поведением, соответствующим его статусу и призванным вносить свой вклад в четкое функционирование социальной системы» [159, с.98]. Социальность мыслилась целостной, пронизанной многочисленными и взаимными связями, отношениями и функциями, действующими как слаженный механизм. Согласно З. Бауману, модерновая социальная реальность выступала в качестве объекта администрирования: «это был мир, обозреваемый с высоты стола генерального директора» [21, с.70–79.].

Таким образом, тематизация проблемы социальности в эпоху Модерна осуществлялась путем акцентирования внимания на рационалистических основаниях. Социальность формируется в актах осмысленного общения, в процессе человеческой деятельности, в условиях материального производства. При этом общество отождествляется с

мыслимой реальностью, в которой доминируют знание, право, мораль. В результате, общество предстает в своих социальных характеристиках как совокупность всяческих форм жизнедеятельности. В социальных действиях акцентированы такие характеристики как целерациональность, ценностная рациональность. На рационалистическом фундаменте, в свою очередь, «прорастают» структурные организации, придающие обществу определенные формы и предоставляющие возможность осмысления социальности на абстрактном уровне в качестве системы социальных действий. Рационалистический подход к осмыслению проблем социальности порождает и соответствующий терминологический аппарат, отражающий стремление к четким формам и структурным организациям. Однако, при этом, нелингвистическая социальность не стала в эпоху Модерна самостоятельным предметом изучения в виду ее несогласованности с рационалистическим подходом к социальной жизни.

1.5. Постобщество постмодерна: дискурсивно-сетевой хаосмос индивидов

Со второй половины XX века вера в наличие объективных, общезначимых истин, убежденность в разумности всего происходящего, в принципиальной познаваемости, прозрачности бытия сильно пошатнулась. Мир человека оказался неизмеримо более многообразным и противоречивым, чем предполагали просветители. Постмодерный человек не переживает мир как упорядоченный и гармоничный Космос. «Мировые войны и многочисленные социальные революции вызвали недоверие к человеческому разуму, не сумевшему предотвратить кровавые конфликты или хотя бы минимизировать их негативные последствия» [97, с.567].

Постмодернистская установка на отказ от рационалистических проектов Возрождения и Просвещения возникла не «после» модерна, а наряду с ним. Философский постмодерн перестаёт доверять законодательному разуму, обвиняя его в формальном следовании

патернализму (лат. pater – отец), в присвоении права опекать всю культуру. «Вина разума и в том, что он «унифицировал истину насилием», использовал приемы, к которым традиционно прибегали Церковь и Государство [142]. Сторонники постмодернизма считают, что новоевропейская рациональность оказалась в итоге совершенно несостоятельной, что все ее притязания: и на открытие законов, и на универсальность, и на прогресс, но главное – на руководство человеческой жизнью, ее обустройством – так и остались на уровне притязаний, пустых заявок, несбывшихся надежд [71].

Датский философ Кьеркегор выступил против притязаний разума, а Ницше объявил разум «больным пауком» [120]. Пространство культуры, в котором развернулась критика разума, и есть пространство постмодерна, в котором ведется поиск внеразумных сил, правящих в мире. Если классическая философия считала разум господствующей и контролирующей аффекты инстанцией в человеке, то постмодерные установки на место разума выдвигают «весь спектр потока человеческой интуиции и субъективности» (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, О. Шпенглер, А. Бергсон), «волевой акт свободного личностного выбора» (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер), «нерефлектированные обычным человеком глубинные смысловые структуры подсознания» (К. Леви-Строс, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз) [90, с.103]. Место разума заняли нерефлектированные человеком глубинные смысловые структуры, которые следует принципиально отличать от фрейдовских иррациональных влечений, имеющих энергетически-биологическую природу, и которые «структурированы как язык», говоря словами Ж. Лакана [86, с.48.]. В лингвистически ориентированном структурализме языковые структуры отождествлялись со структурами мышления и им приписывался характер законов, адекватных принципам организации мира, существующего якобы по правилам «универсальной грамматики» [137, с.705 Структура]. Структуралисты заменили трансцендентальную субъективность письмом. Все способы выражения можно рассматривать как формы «письма». «Письмо», как отмечает Хабермас, предстает абсолютным изначальным знаком, выделенным из

всякого прагматического контекста коммуникации и ставшим независимым от говорящего и слушающего субъектов [172].

Постструктуралисты стремились не столько опровергнуть, сколько «свести с ума» структурализм, не дискредитировать, изгнать структуру как таковую – и в области сознания, и в области бессознательного, лишить индивидуума, или того, что от него останется, одновременно и измерения высоты (логос, рассудок) и измерение глубины (бессознательное), но «децентрировать» структуру, показать, что у нее есть своя «изнанка» – неструктурные и неструктурируемые силы, сопротивляющиеся репрессивной власти центра [86]. Деррида подверг решительной критике сам принцип «структурности структуры» (идея децентрации структуры, «следа», бесструктурности) [63]. На место бессознательной структуры постструктуралисты поставили бессознательную, многомерную диахроническую глубину текста (интертекста). Текстура сменила собой язык и структуру. Линейные структуры структурализма были вытеснены текстом, ризомой, шизоанализом [58]. Постструктуралисты перешли от структуры к постструктуре, к ризоматическому пониманию реальности, к шизоанализу. Делёз создал концепцию т. н. «шизофренического языка», принципиально отличную от структурализма [60]. В рамках номадологического проекта постмодернистской философии понятие плюрально подвижной ризомы сменяет собою понятие стабильной структуры, а понятие «плато» сменяет собою понятие структурного уровня организации системы. «Структуре как органическому единству противопоставляются механизмы («желающие машины» из «Анти-Эдипа» Делеза и Гваттари), а структуре как «конструкции» – ботанические «ризомы» или биологические потоки всевозможных субстанций (сперма, кровь)» [123, с.620 (Т.3)]. Постмодернисты (постструктуралисты) из структуры выпали «в после-структуру («магму») и в до-структуру (набор несвязанных атомов), в социально-политическое пространство игр власти (Фуко) и в полное отрицание социальности как фикции, как условной записи средствами

массовой коммуникации на теле каждого конкретного индивида» (Бодрийяр) [123, с.620 (Т.3)].

Следует уточнить, что постструктурализм никогда напрямую не отрицал «трансцендентального означаемого» (греческий «логос», гегелевское «понятие», гуссерлианский «смысл», хайдеггеровское «бытие» и т. п.), он лишь ставил под сомнение его изначальную самотождественность и непосредственное «наличие-присутствие» [86, с.48]. Поэтому критика Разума, «бунт» против него и к нему «недоверие» не означают отказ от него и переход на позиции иррационального и мистического (хотя сегодня есть движения, пытающиеся эту замену сделать легальной, – различного рода псевдонаучные и псевдорелигиозные секты). Скорее всего, постмодернизм – это «лечение» от абстрактности, иссушающей централизации, всеобъемлющего контроля инструментального, прагматического разума, выродившегося в рассудок, другими словами, – разумное переосмысление классического Разума, критика понятия структуры и таких структурообразующих принципов, как бинаризм, оппозиция, различие. В разуме есть разные тенденции, он выступает в различных, нередко неразумных формах, но в целом его исторический потенциал, на наш взгляд, далеко не исчерпан. В таких явлениях, как разность и бесчисленность человеческих идентификаций, постоянная игра личностного (безличностного) ролевого поведения, скепсис, ирония и абсурд, необходимо увидеть не только онтологический хаос и моду переодеваний–переописаний, но и принципиальную трансформацию определения и образования личности. Жизнь – в сверхлогике и сверхрацио, — в надрациональной логике, которая, не отрицая разума, дополняет его герменевтически (осуществляет к нему «герменевтическую прививку» – П. Рикер) [141].

Характеризуя эпоху постмодерна, Ж.-Ф. Лиотар говорит о процессе расщепления «великих нарраций» и появлении огромного количества более «мелких нарраций». Грандиозные проекты по освобождению человека и человечества не состоялись, поэтому постмодерн означает в первую очередь «недоверие по отношению к мета-рассказам», которые утратили свое «мета»-

значение. Кризис модерна – это распад его «универсалистских» принципов организации, его структур, основывавшихся на «универсальном» разуме. Это кризис так называемого прогрессистского мышления, разочарование в моноцентристских идеях, претендующих на универсализм и мировое господство, кризис идеалов и ценностей модерна (освобождение, гуманизм, прогресс), критика всей прежней философии как философии истории, прогресса, освобождения и гуманизма, осознание угрозы самоуничтожения человечества и – как ответная реакция – заявивший о себе радикальный плюрализм, глобальный полицентризм, религиозный экуменизм, научный и философский релятивизм, новое, панэкологическое отношение к природе, культуре, человеку. Протест против господства общего, против гомогенности, стирающей различия и многообразие. Это и есть, по мнению В. Вельша, ситуация постмодерна [42, с.132].

Социальность эпохи Модерна строилась на основе рациональности и Общественного договора (контракта). Сегодня, в эпоху Постмодерна, она «уступает место социальности контакта, множества временных связей», попадая в пространство симуляции, т. е. «место смешения реального и модели» [29]. Если Ж. Бодрийар говорит об «исчезновении социального», то Ф. Джеймисон говорит об ином («постсовременном») типе социальности. Постмодернизм, по Джеймисону, представляет собой одновременно и особую стадию в развитии общества, и рефлексию на эту стадию, а потому может и должен быть осмыслен как проявление «культурной логики» позднего капитализма [206].

Постмодерные мыслители провозгласили исчезновение социальной реальности, созданной сторонниками классической рациональности. Единый и гомогенный мир модерна, который был миром когерентно взаимоувязанных социальных и культурных сил, который существовал в универсальном контексте рациональности модерна, распался. Создается впечатление, что мы живем в «не-обществе» (А. Турен), поскольку все его составляющие движутся каждая в своем направлении и удаляются друг от друга. Общество уже невозможно рассматривать как совокупность хорошо

организованных институтов, как систему социальной интеграции и социального контроля. Социальность, полагает Лиотар, нельзя мыслить в категориях функционального единства (Т. Парсонс) или диалектических противоположностей (К. Маркс), она носит характер дискурсивной разнородности, в основании которой лежат *языковые игры* — «минимальные отношения для существования общества», ограничивающие возможности его дезинтеграции [97]. Социальность больше не видится как иерархично устроенная и зависимая от центральной базовой структуры система, а представляет собой «выразительные переплетения языковых игр» [97]. Она распалась на отдельные фрагменты, подверглась процессу *differance* (Ж. Деррида), её больше не связывают ни Декартово *cogito*, ни трансцендентальный субъект И. Канта, ни Абсолютная идея Г. Гегеля, ни производственные отношения К. Маркса. Ничто не обеспечивает общую стабильность. Вместо социальных структур утверждается метафора «полей», или «*сетей*», социальных взаимодействий, вместо акцента на стабильность, социализацию личности и упреждение девиаций — принцип «нормальности» трансформационных процессов. Общество фрагментируется, начинает походить на мозаику, образованную малыми группами. У теоретиков постмодернизма это явление получило название «нового трайбализма». Именно подобного рода «племенная социальность» противопоставляется постмодернизмом обществу в его традиционном понимании. По оценке С. Лэша и Дж. Урри общество обнаруживает определенное движение от «организованного», регулируемого государством монополистического капитализма к его «дезорганизованной» форме, характеризующейся большей конкуренцией и меньшей регуляцией, культурной фрагментацией [104].

Такое понимание социальности привело к отказу от традиционного значения понятия «общество», которое в рамках установок на текстуализацию и хаотизацию мира было определено как пространство социального текста [137 постмодернистская социология]. Предпочтительнее говорить уже не об «обществах», а о «пост-обществах», место общества теперь занято «*публичным коммуникативным пространством*», ключевую

роль в котором играют медиа и виртуальные структуры. Информация, став основным средством развития, заступив место, традиционно занимаемое капиталом, обрекла общество на трансформацию способов его бытия. Переход от индустриального к информационному обществу, формирование информационной инфраструктуры общества приводят к тотальному изменению формы социальности, которая не сводится только к множеству социальных взаимосвязей, а определяется коммуникативным характером самой социальной реальности. По мнению В. Иноземцева, сегодня мы переходим из общества, основные закономерности которого лежат в социологической системе координат, к социуму, в котором доминируют сугубо личностные, психологические связи и отношения [72]. На место центрированной вокруг власти государства системы отношений, их логически упорядоченной организации заступили коммуникативные связи, легитимные в своей неупорядоченности и распылённости. Ю. Хабермас кладет в основу теоретического понимания социальной жизни не материальные производительные силы, обеспечивающие поступательное преобразование природы человеком, а «*производительную силу коммуникации*», сплетающей социальную ткань и обеспечивающей ее поступательную рационализацию [173].

Объект, сконструированный классической социально-философской мыслью модерна, перестает существовать, что ставит под вопрос возможность понимания современных форм социальности с позиции социальной теории. Поскольку социальная теория полагает общество как некую определенность, доступную рациональному описанию, непрерывно меняющиеся реалии информационного общества не могут рассматриваться с позиций классической теории. Анализ социальной проблематики предполагает обращение к различным языкам социальных описаний XX ст., которые формируются в теории коммуникации, постмодернистской философии, интеракционизме, социальной феноменологии и т. д. Исследование социальных процессов с точки зрения коммуникации представляет собой базовую интенцию, характерную для социально-

философского дискурса XX – начала XXI вв., что приводит к образованию множества моделей коммуникации.

На наш взгляд, можно выделить два подхода в социально-философском исследовании современной коммуникации: Ю. Хабермаса и Н. Лумана [8]. Их теории социальных коммуникаций явились выражением деконструкции метафизического мышления в сфере социальности. Признание динамичности, а, следовательно, противоречивости и изменчивости общества, непредсказуемости в управлении им, предполагает выход из традиции античного мышления. Деконструкция метафизики освободила философский стиль мышления от власти какой-либо начальной субстанции и предложила «полицентрический характер построения социальных онтологий [62, с.120]. Постметафизическое мышление, полагая десубстанциалистское видение, создаёт возможность замены властных отношений и однолинейных связей, идущих от субстанции к периферии, отношениями толерантности и свободной коммуникации – возможность возникновения коммуникативных онтологий.

Социальные теории, появившиеся во II-й пол. XX в., позволительно рассматривать как особую теоретическую модель репрезентации социальной жизни, которая отказывается от субстанциализма как определяющего онтологического принципа построения социальной теории. Отныне в концептуализации социальности исходят не из метафизических, а из десубстанциалистских коммуникативных онтологий. Концептуализация социальности, развиваемая в логике коммуникативной онтологии, предполагает отказ от идеи её (социальности) объективной заданности и возможность ее динамического развития и изменения.

Таким образом, постмодернистский анализ социальности был, в частности, обусловлен «лингвистическим поворотом», обозначившим переход от классической парадигмы «чистого» трансцендентального сознания к изучению коммуникативно-прагматических аспектов языка и символической интеракции. В концепциях этого периода были осуществлены идеи непосредственного (повседневного) состояния общества, при котором

недейственную идеологию, структурирующую ранее социум посредством метанарраций, заменила теория языковых игр, теория коммуникации, дискурсивных практик, описания различных способов человеческого общения и т. д. Смена форм языкового взаимодействия обозначила возникновение новых характеристик социальности (хаотичности, мобильности и т. д.), которые представляют языковые механизмы не столько в модусе logos'a, в аспекте мышления, сколько во взаимосвязи с дискурсивно-эмоциональной стороной жизни. Однако, с нашей точки зрения, для прояснения многообразия квазилингвистических форм, репрезентирующих социальность, было бы целесообразно более четкое вычленение тех форм социальных связей, которые прямо не выражены посредством языка.

1.6.Кризис дискурсивных техник социальности. Основные понятия нелингвистической социальности

Переосмысливая постмодерные теоретические модели репрезентации социальной жизни, доминирующие в социально-философском знании со II половины XX века, и учитывая современные реалии, мы предлагаем свой концептуальный подход к социальности.

Отталкиваясь от эмпирического знания, наблюдая за тем, что в реальной практике общественной жизни значительную роль играют не только общение-коммуникация, язык, но и интерактивные недискурсивные контакты, при осмыслении социальности акцент наших философских размышлений смещается на *параязык, парадискурсивность, параструктуру*, как то, что находится около языка, дискурсивности, структуры и является их изъяном, искажением, *негативностью*. Любое *внесловесное выражение* предстает с необходимостью как *катахреза*, знаковый выверт, отклонение от лексического проговаривания.

Оставаясь в рамках постмодернистских установок, мы переходим от постструктуралистской ризоматической (децентрированной) структуры как

агента логоса к параструктуре – к извращенной, искаженной, отклоняющейся от образца. Наша теоретическая концептуализация социальности строится на основе признания существования в самих социальных связях неких параструктурных механизмов, действующих на внерациональном, нерефлективном уровне доязыкового опыта, где происходит спонтанное зарождение смыслов (процесс означивания) внутри интуитивных представлений, внутри сферы воображения (фантазии, интуиции). Процесс смыслопорождения до рациональной фиксации, интеллектуального расчленения и прояснения схвачен понятием «до-языка» – эмоционального, «материнского», «предъязыкового» языка (1a-langue) – у позднего Ж. Лакана [94] и понятием «генотекста» – глубинного основания языка, «по ту сторону языка», «довербального» уровня текста, полагаемого вне лингвистических структур языка, как неструктурированной смысловой множественности, в которой нет субъектности или коммуникативной интенции, где безраздельно господствует бессознательное – у Ю. Кристевой [207].

Наш акцент на значимости дорефлексивных (параструктурных) механизмов языка воплотился в понятии «недискурсивность».

Недискурсивность не обладает статусом классического Первоначала, абсолютного вневременного, самодостаточного Источника, а является продуцирующим, «дающим жизнь» спонтанным механизмом – как непосредственно включенным в «акт-существование» (Левинас), так и опосредуемым конкретной ситуацией опыта становления, осуществляющим специфическую форму совместного существования (акта бытийствования вместе).

Недискурсивность – это выделяемый нами формообразующий механизм, порождающий несловесные факты, формы невербального взаимодействия и т. п. Этот механизм не составляет часть реальности, а конституирует модель реальности, позволяя уяснить функционирование зримых отношений.

Вводя понятие «недискурсивность», мы не стремимся опровергнуть, отвергнуть, дискредитировать дискурсивность, язык, структуру (не

занимаемся апологией безумия), но стремимся показать, что у них, как «агентов логоса», есть свои внеструктурные, параструктурные, нерефлексируемые, внерациональные, внесистемные, маргинальные элементы («излишки», «резервы», «отклонения», «исключения», «семантические случайности», «аффективные события» и т. п. – одним словом, любые «беспорядки»), которые их подрывают, сопротивляются, противостоят, дестабилизируют и наравне участвуют в организации социальности, являясь такими же источниками и движущими силами [86]. Дискурсивность вбирает в себя недискурсивное как момент своего движения, как «свое другое». «За рамки структуры как закона сообразности выходят случай, шанс, событие, свобода; за рамки структуры как логического построения выходят аффекты, тело, жест; за рамки структуры как нейтрального, объективного, познавательного выходят власть, отношения господства и подчинения» [5, с.330 Постструктурализм]. «Изнанками структуры может быть что угодно в зависимости от того, что́ именно в структуре подвергается отрицанию, на месте безличной логики – эмоции и аффекты («интенсивности»); на месте порядка – случайность; на месте целостности – фрагментарность; на месте слаженного ансамбля – нечто разнородное и взаимоприлаживанию не поддающееся» [123, с.620 (Т.3)].

Мы стремимся не столько разрушить веру в слово, закон, логическое мышление – квинтэссенцию дискурсивного разума, – сколько показать, что у дискурсивности (лингвистики) есть своя недискурсивность (паралингвистика), так же как каждый фрагмент смысла имеет свою бессмыслицу, каждая литературная конструкция – свою деконструкцию и каждая идентичность – свое различие.

Подобно К. Мангейму, который различает в обществе «рационализированную структуру» и «иррациональную среду», мы различаем структуру и параструктурные силы, отклоняющиеся от структуры [108, с.411]. При этом параструктурные силы являются побочным продуктом, непрогнозируемым и непредсказуемым эффектом структуры. Другими словами, не будь структуры, не было бы и параструктурности. Так,

А.П. Павлов указывает на парадокс, состоящий в том, что «чем выше уровень социальной организации человеческой жизни, чем совершеннее формы и технологии социальной деятельности, тем больше незапланированных, непредсказуемых последствий» [128, с. 8]. Структура не существует в отрыве от своих неструктурных элементов. Более того, внеструктурное господствует над разумом и логикой, постоянно релятивизируя их, переопределяя их пределы. Тем самым, предструктурное, околоструктурное, внеструктурное оказывается необходимым условием рационального действия. Недискурсивное представляет собой неисчерпаемый резерв возможностей для рациональности – такой деятельности разума, которая приводит к рассудочным понятиям. Дискурсивное (логически последовательное, рациональное) и недискурсивное (внерациональное, парадоксальное, чувственное) в их взаимозависимости и противоборстве не только не исключают, но и самым необходимым образом дополняют друг друга, включают одно в другое. «Вновь возникающие при этом иррациональные явления, в свою очередь, становятся предметом рационализации, порождая при этом новую социальную иррациональность и т. д.» [4, с.63]. «Между дискурсивностью и порождающими дискурсивность гиперкомплексами происходит непрестанное взаимное обращение» [66, с.139]. Но их взаимозависимость не исключает их непримиримого противоборства. Здесь работает не гегелевская диалектика («снятие»), но качественная диалектика С. Кьеркегора, трагическая диалектика А. Либерта или даже скорее негативная диалектика Т. Адорно, в которой проявляется стремление к некатегориальным формам мышления, к «несистемным мыслям» путем серии анализов, состоящих из ряда последовательных отрицаний, к выявлению нетождественного, различного, через которое и постигается сущностное содержание бытия [6]. Мышлению диалектическому, мышлению преодоления противоречий (снятия, по Гегелю) противопоставляется дихотомическое, где раздвоение единого фиксирует принципиальную «непереливаемость» противоположностей друг в друга.

Такая установка на прочтение за языком неязыкового, на выявление за вербализованным невербализованного, за дискурсивным недискурсивного отличает практически всех современных герменевтов, начиная с М. Хайдеггера [4].

Недискурсивность выступает основанием несловесной, бессловесной, внесловесной связанности людей. Лишенная лингвистического (разумного, дискурсивного, структурного) основания, социальность превращается в нелингвистическую, параструктурную.

Возникает актуальная в теоретическом и практическом отношении задача описания новой формы социальности, основанной на недискурсивности. Благодаря введению определенных понятий в их особом соотношении возможно теоретическое осмысление и объяснение нелингвистической социальности. В проблемное поле исследования предлагается ввести такие понятия как «нелингвистическая социальность», «интеракция», «нелингвистическая реальность», «нелингвистическое мышление», «нелингвистический знак».

Понятием «нелингвистическая социальность» в нашей диссертационной работе фиксируется специфическая форма совместной жизни, в основе развития и существования которой лежит недискурсивность.

Недискурсивный механизм обеспечивает общежительность (Даль) и делает это по своим собственным законам «грамматики» и «синтаксиса», отличным от законов естественного языка. Оформляя взаимодействие, недискурсивность до известных пределов конструирует его, подчиняя своей собственной «логике» функционирования. Место логики универсальных, незыблемых принципов занято паралогикой, отклоняющейся от законов классической (аристотелевской) логики (тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания), место семантики – парасемантикой («концепция семантики языка, исходящая из того, что составляющие значение слова смыслы очень часто образуются путем случайных (или случайных на первый взгляд) ассоциаций» [147]. Пара –

приставка от греч. предлога παρα – означает отклонение, нарушение чего-либо, похожее или находящееся рядом.

Действия и мотивы, подчиненные паралогике, дискурсивному разуму представляются парадоксальными, абсурдными, безумными.

Необходимо подчеркнуть, что если примером дорефлексивной структурной упорядоченности выступает фонологическая система естественного языка – виртуальный вариант, реализованный во множестве своих фонических воплощений (и вместе с тем, как бы затемненный ими), иными словами, абстрактный конструкт, аналитически выделяемый из конкретного потока живой речи, то примером неструктурной, недискурсивной упорядоченности будет *бессловесная речь параязыка*. Нелингвистическая социальность организована, структурирована как несловесная речь параязыка, эффект «речи» параязыка. Социальность – это «речь» параязыка, неязыковая речь (если языком в прямом смысле слова можно считать только вербальный язык).

В нашей концепции социальность теряет черты лингвистичности, выстроенности в соответствии с традиционной логикой – она становится совокупностью локальных самопроизвольных и слабо скоординированных процессов, аналогичных невербальному тексту (картина, танец). Метафора социальности как «невербального текста» (как «речи без языка») используется для фиксации параструктурной упорядоченности социального общежития. Организованный таким образом порядок предстает парасемантичным, паранормальным, парадоксальным, состоящим из разрывов, аналогий и неисключающих оппозиций, т. е. паралогически упорядоченной организацией системы отношений. На место логически упорядоченной организации системы отношений заступили недискурсивные связи, неупорядоченные традиционным способом, паралогические, парадоксальные, парасемантические. Нелингвистическая социальность предстает специфическим социальным общежитием, в котором разум, рациональная (универсальная) рефлексия заменяется эмоциональной

вовлеченностью, совместностью, вербальное (понятийное) мышление – визуальным (образным), коммуникативные отношения – интерактивными.

Понятие «интеракция» представляет процесс социального взаимодействия, реализующийся посредством передачи информации в невербализованном виде. Интеракция – нелингвистический знаково-символический способ взаимодействия. Важно подчеркнуть, что недискурсивные практики не претендуют на построение коммуникативного пространства. Они обеспечивают интерактивный характер универсума неязыковых игр, который ориентирован не на согласие, устранение различий, консенсус, но на эмоционально-аффективное вовлечение. Коммуникативный характер социальных отношений (при использовании лингвистической знаковой системы) демонстрирует рациональность социальности, а интерактивный (невербальный) характер социальных взаимодействий демонстрирует иррациональность социальности. Процесс невербальной интеракции предстает способом реализации нелингвистической социальности.

В связи с вышесказанным, *понятие «интерактант»* определяет участника невербального взаимодействия, получателя и / или отправителя невербального сообщения. Интерактанты активно участвуют в организации пространства социального взаимодействия тем, что считывают сознательно или бессознательно знаки и, реагируя на них, продуцируют новые. Таким образом, интерпретация, как процесс смыслообразования, является имманентной составляющей непреднамеренного аспекта социального действия. Интеракции поддерживают социальность как совместность тем, что воспроизводят, преобразуют или исключают старые значения и устанавливают новый репертуар значений.

Продуктом нелингвистических семиотических практик (интеракций) является нелингвистическая реальность.

Мы обозначаем *понятием «нелингвистическая реальность»* медиальную (ментальную, смысловую) конструкцию, кодифицированную посредством невербальных знаков.

Нелингвистическая реальность – это репертуар представлений, ощущений, восприятий, коннотаций социальных смыслов и значений, переживаний, чувств, образов, другими словами – непонятийного содержания, инкорпорированного в нелингвистические репрезентаменты. Нелингвистические знаки (репрезентативная символика) отсылают к скрытым означаемым, которые продуцируют аналогии, ассоциации, аллюзии, семантические эффекты, дополнительные, коннотативные значения, и таким образом, обеспечивают передачу большого количества информации, неподвластной критическому мышлению. Нелингвистическая реальность ускользает от дискурсивного мышления, но уловима нелингвистическим мышлением.

Понятие «нелингвистическое мышление» фиксирует мыслительный процесс, в рамках которого возможно внерациональное постижение существенных связей и отношений вещей, ре-конструирование смысла и фиксирования его в неязыковых средствах. Недискурсивная конституирующая активность оперирует предельно абстрактными мыслеобразами нелинейного порядка. Смысловыми единицами нелингвистического мышления служат не понятия, а визуальные, аудиальные, тактильные представления (образы).

Недискурсивное мышление всегда включено в процессы дискурсивного размышления, «ибо новое знание часто не может быть получено простым логическим рассуждением из имеющегося знания и требует творческого акта, выходящего за рамки логических схем и правил» [164, с.340Дискурсивный]. Правильнее было бы говорить не о резком противопоставлении «лингвистического» и «нелингвистического», что является упрощением, а о взаимопересечении, взаимовключении дискурсивного логоса в недискурсивный логос [96, с.567].

Сферой самоосуществления (средством протекания) невербального мышления становится нелингвистический знак.

Понятием «нелингвистический знак» (паралингвистический семиотический знак) определяется любой материальный, чувственно

воспринимаемый элемент (предмет, событие, жест, фигура визуального или звукового ряда, архитектурное сооружение, поступок, пиктограмма, экспрессивное проявление, выразительное движение, чувственное значение и т. п.), наделенный значением, смыслом на основе того или иного кода, (воспринимаемый семиотически, т. е. как носитель значений). Нелингвистический знак — несловесно выраженная замена предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией. Сигнал, звук, линия, вкус, запах, цвет, свет – это не просто ряд дискретных единиц, но скорее, значащая форма, которую адресат наделяет смыслом на основе того или иного кода, т. е. делает из значащей формы знак. Значение знака «выстраивается» из материала, который сам по себе семантикой, самостоятельным значением не обладает.

Нелингвистический знак образуется по типу лингвистического. Знак — это соединение определенного смысла и определенного способа его выражения, т. е. означаемого и означающего. В предельно общем виде знак используется в качестве замены чего-то другого. Лингвистический знак» связывает понятие (означаемое) и акустический образ (означающее). Приставка «не» в слове «нелингвистический» означает противоположность, отрицание. «Нелингвистический знак» в противоположность «лингвистическому знаку» связывает не понятие и акустический образ, а мысленное представление (референс) и чувственный образ (аудиальный, тактильный, визуальный, ольфакторный и др.). Таким образом, нелингвистический знак есть отношение умственного образа (означаемое – мыслительный эквивалент означающего) к чувственному представлению (означающее – аудиальный, тактильный, вкусовой, обонятельный, кинестетический и др. перевод мысленного представления), которые составляют вместе как бы содержащее и содержимое.

Нелингвистические знаки неуловимы для лингвистики (будь то структурная или порождающая лингвистика), поэтому требуют паралингвистики и семиотики. Паралингвистика и отдельные разделы семиотики изучают экстра-, около-, нелингвистические явления, факторы,

средства, сопровождающие или замещающие словесную речь (речевое сообщение), но не являющиеся вербальным материалом: громкость, паузы, модуляции голоса, мимика, жесты, визуальный контакт между общающимися и т. п.

Понятием «нелингвистический код» определяется механизм порождения «смысла» невербального сообщения. Код следует понимать как определенную структуру правил означивания, как систему конвенций, соединяющую нелингвистическое означающее с означаемым и, таким образом, позволяющую конституировать множественные пласты смысла.

Введенные нами понятия должны способствовать раскрытию нелингвистической социальности как предмета нашего теоретического исследования.

Таким образом, в современном мире средства массовой информации и телекоммуникаций стремятся к увеличению качества и количества невербальных высказываний. Мы наблюдаем экспансию аудиовизуального текста и снижение роли лингвистических знаков в деле накопления и обработки знаний. Сегодня нелингвистичность — и в ее обыденном понимании, и в научных интрепретациях — раскрывается в средоточии человеческого бытия, пронизывает все решающие события жизни и сознания людей, проявляется в виде нерефлексивных компонентов социальных взаимодействий. Социальное устройство уже не воспринимается как такое, которое определяется исключительно рационально-дискурсивной инстанцией. Образ социальности перестает ассоциироваться с лингвистичностью. Стихийно-организованная совокупность действий индивидов не подчиняющихся законам рациональной логики все больше обретает сходство с невербальным текстом.

Исходя из этого, мы считаем необходимо-оправданным дополнить ряд таких хорошо известных доминант философского постмодернизма как: дисконсенсус, дискретность, нестабильность, случайность, игра, анархия, рассеивание, неопределенность, виртуальное, ирония и др. понятием «недискурсивность», которое обозначает механизм производства

специфической формы социальных связей. Ризоматическая модель репрезентации социальности, доминирующая в социально-философском знании со II-й половины XX ст., дополняется концептом «недискурсивность».

Поскольку производителями социального порядка признаются недискурсивные силы (субстратегии разума), сами взаимодействия подвергаются деформации. Мы наблюдаем не просто аудио-визуализацию коммуникативного пространства, а столкновение двух типов социальной организации. Той, которая родилась в античном полисе, с ценностью слова, риторики, народных обсуждений, – и новой чувственностью, сенсорностью, инорациональностью невербального взаимодействия, когда слово (обладающее большой силой убеждения, основанной на логике и аргументации) вытесняется речью без слов (обладающей огромной манипулятивной силой). Обобщая, можно сказать, что социальность предстает освобождённым (ускользающим, отклоняющимся) от дискурсивного принуждения немым континуумом семиотического скольжения и хаотического восприятия. Для ее описания мы вводим такие понятия как: «нелингвистическая социальность», «интеракция», «нелингвистическая реальность», «нелингвистическое мышление», «нелингвистический знак».

Выводы к первому разделу

Идея социальности является одной из многоаспектных и неоднозначных проблем, которая каждой эпохой освещается по-разному.

В процессе развития философской мысли идея социальности предполагала явную или скрытую веру в наличие некоего – трансцендентного или имманентного миру – упорядочивающего центра, некоего архетипа порядка, который задаёт тотальность социального, сам в то же время оставаясь вне структурируемого и организуемого социального пространства. Представление о разумном начале, положенном в основу

социальности, получило выражение в концепте логоса, который считается фундаментальным для западной аналитико-дискурсивной рационалистической традиции и который получал различные трактовки на протяжении всей истории развития западноевропейской философской мысли.

В античных концепциях социальности структурирующей общественное бытие силой выступает Закон Природы, Всемирный разум. В отличие от своих предшественников, греческая философская мысль поставила социальность в зависимость от разума (логоса), а не от судьбы [26, с.230]. Поэтому античная социальность предстала, с одной стороны, предзаданной объективными законами, а, с другой – определяемая участием граждан в общественно-политической жизни полиса.

В религиозном сознании средневекового христианства место античного логоса, гармонизирующего социальную жизнь, занял Бог. В социально-философских воззрениях Августина и Аквинского упорядочивающая, структурирующая общественную жизнь сила представлена истинным Божественным Словом, в которое следует верить, а не критиковать. Средневековая социальность предстала *Градом Земным – неистинной социальностью*, отпавшей от Града Небесного, истинной социальности.

Рационалистические нововременные представления о социальности нашли свое выражение в концепте «*общественного договора*», в котором упорядочивающей силой выступил естественный закон. Социальность рассматривалась как правовая, рационально-организованная сообщность людей, результат сознательной и целенаправленной деятельности, управляемой универсальными закономерностями естественного закона. В концепциях просветителей социальность – это «*часовой механизм*», непрерывное жизненное тело.

Модерная философия поставила социальность в зависимость от рацио (аспект логоса), место «договора» заняли «общественные отношения», социальное действие», «социальный факт», «социальные формы» и другие основания совместной жизни. Модерные рационалистические представления о социальности отразились в концепте *метанарраций*, где упорядочивающая

сила представлена грандиозными проектами по переустройству общества на рациональных основаниях. В концепциях модернистов социальность представляет собой слаженную, структурированную (иерархическую) систему управляемой общественной «*мегамашины*», функционирующей по заданному проекту.

В постмодерне место разума как упорядочивающего принципа в основании социальности заняли нерефлектированные глубинные смысловые структуры подсознания, которые организованы как язык. Однако сам язык оказался вне горизонта «собирающего логоса», телеологии разума. Постмодерная философия поставила социальность в зависимость от множества *языковых (дискурсивных) игр*, миниконцепций, которые организуют подвижную, хаотичную, непредсказуемую совместную жизнь. Постмодерная социальность напоминает «музыкальную импровизацию» или *ризому* – горизонтально раскинувшуюся «грибницу».

Особенность нашей концептуализации социальности заключается в дополнении и уточнении структуры параструктурными элементами (силами), которые фиксируются понятием «*недискурсивность*». Наша концепция эксплицирует недискурсивность не как витальную, иррациональную силу, но как инорациональный механизм, генерирующий специфическую форму совместного общежития.

Исходя из идеи (концепта) недискурсивности, мы предлагаем нелингвистическую модель социальности и вводим такие понятия как «нелингвистическая социальность», «интеракция», «интерактант», «нелингвистическая реальность», «нелингвистическое мышление», «нелингвистический знак».

РАЗДЕЛ 2. НЕЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМИОТИКА ИНТЕРАКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Социальность как совместность подразумевает общее семиотическое пространство, в рамках которого возможно со-общение посредством языка. Семиотическое пространство представляет собой совокупность определенных дискурсивных смыслов, конвенций и норм взаимодействий, набор идеологических формул и представлений, а также недискурсивных представлений, впечатлений, ощущений, восприятий. Социальная реальность есть единство оформленного и бесформенного, определенного и неопределенного, логизированного и нелогизированного. Семиотическое пространство, образуемое при генезисе социальности, предстаёт в виде интерсубъективно значимых знаковых систем, которые принимаются языковым сообществом на основании прагматических критериев [154]. Знаковые средства – это основа механизма производства социальных значений **(**семиосферы**).** С нашей точки зрения знаковая система задается не только языком в прямом смысле слова (мифы, нарративы, дискурсы, вербальные тексты), но и невербальными текстами и телесной техникой, способствующими трансляции социокультурных смыслов. «Ни одна культура не может удовлетвориться одним языком. Минимальную систему образует набор из двух параллельных знаков, – например, словесного и изобразительного. В дальнейшем динамика любой культуры включает в себя умножение набора семиотических коммуникаций» [102, с.563]. Современные социальные семиотики (Д. Лемке, М. Наллидей, Г. Кресс, Т. Лойвен (Леевен) и др.) считают, что семиотическая система социума состоит из таких компонентов как язык, а также имиджи, жесты и образы, которые производятся и подвергаются интерпретации со стороны социальных акторов [163, с.105].

Взаимодействия осуществляются в языке с помощью логически-рациональных символов, графических и вербальных знаков, а также – вне языка, в нерациональной форме, в форме акустических особенностей речи и

голоса, движений, манер, мимики, при помощи разнообразных артефактов и пр. При этом «… годится любой материал и он готов вверить ему свои истории: повествовать можно на естественном языке, как письменном, так и устном, можно повествовать при помощи движущихся или неподвижных изображений, можно прибегнуть для этого к языку жестов, а можно и синтезировать все эти субстанции; повествует миф, легенда, басня, сказка, новелла, эпопея, история, трагедия, драма, комедия, пантомима, живописное полотно (вспомним св. Урсулу Карпаччо), витраж, кинематограф, комикс, газетная хроника, бытовой разговор» [18, с.387–422].

Концепт «семиозис» (формирование значения) применим к любому изображению, движению, звуку, касанию, запаху, которые вызывают вполне конкретные смысловые ассоциации и чувственные переживания. Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр обнаружил, что люди для создания значений в процессе общения используют не только устную и письменную речь, но и нелингвистические знаковые средства (например, запрещающие, разрешающие, предупреждающие и направляющие знаки на дорогах, в учреждениях и т. д.) [152]. Такой подход позволял интерпретировать не только язык, но и всю культуру как систему правил (структур), регулирующих взаимодействие людей. По мнению Ч. Пирса, «знаком может быть что угодно, что определяет нечто другое (свой *интерпретант*) как отсылающее к объекту, к которому подобным же образом отсылает оно само. При этом интерпретант также в свою очередь становится знаком и так далее *ad infinitum*» [134, с.78]. В своей работе «Логические основания теории знаков» он применяет категорию знака не только к внешнему, чувственно воспринимаемому явлению или к предметам, специально созданным как знаки, но и к внутреннему содержанию субъекта: ощущениям, образам воображения, значениям, мыслям и даже к тому, что помыслить невозможно [134]. «Знаками являются и слова, и жесты, и образы, и нелингвистические звуки» [4, с.58]. «Согласно Э. Верону, область идеологической манифестации, или знаковые системы общества включают следующие группы языковых и неязыковых сообщений: 1) тексты (аудиальные и/или

визуальные, причем не только естественно-языковые); 2) организацию социального пространства (архитектура, городская и промышленная планировка); 3) групповые действия и их правила (традиции, обычаи, системы институционального, технического и профессионального поведения, системы политических акций, ритуалы и т. п.)» [154].

Язык как основное средство передачи информации, понимается нами в самом широком смысле – в прямом и переносном – как совокупность символических структур, образующих семиосферу общества. Важнейшей вехой оформления неклассической трактовки языка является идея о возможности толкования в качестве языка любой знаковой системы с заданной интерсубъективной семантикой (от исходной мысли Вундта о «языке жестов» до интегрального базисного тезиса Витгенштейна «мир есть язык») [124, с.1188 Язык].

Любой язык культуры – вербальный, жестовый, графический, образный, включая и художественный, предметно-пространственный, – имеет природные предпосылки формирования, но сам не является природным, априори заданным человеку свойством. Он формируется во взаимодействиях совместно живущих людей, когда индивидуальные представления не просто обретают внешнее выражение, но когда такие выражения в процессах взаимодействия приобретают статус разделяемых знаковых единиц.

Такой медиум (средство выражения), как кино расценивается Метцем в некотором смысле как «*язык без слов*» [113]. Философы, которые признали символический характер так называемых «чувственных данных», особенно при их высокоразвитом применении (в науке и искусстве) часто говорят о «языке» чувств, о «языке» музыкальных тонов, цветов и т. д. Семиотика позволяет выделить и изучать целый ряд таких языков: «язык тела», «язык символов», «язык иконических изображений», «язык живописи», «язык жестов», «язык музыки», «язык танца», «язык архитектуры» и др. Например, «язык тела» рассматривается как семиотическая система, участвующая в процессе создания, хранения и передачи информации, т. е. в наибольшей

степени уподобляется языку в традиционном понимании этого слова [137, с.983 Язык тела].

«Язык без слов» часто более доступен и универсален в доходчивости передаваемой информации. Невербалика дополняет психологический резерв словесного языка: расширяет смысл, делает его более образным и впечатляющим, соединяя слуховые и зрительные восприятия**,** обогащает значения, передаваемые словами, направляет истолкование словесного текста, несет значимую информацию, через посредство которой воспринимается то, что по разным причинам не высказано словами, то, что невозможно или неудобно выразить словами. Во многих ситуациях общения несловесный медиум является преобладающим, доминирующим способом выражения и трансляции смыслов. Ницше в своих афоризмах написал: «Люди свободно лгут ртом, но рожа, которую они при этом корчат, все-таки говорит правду» [121, с.385]. Эти слова достаточно точно передают как автономный характер передачи информации по визуальному каналу, так и то, что мы не умеем в равной степени контролировать визуальный канал, как это делается с каналом вербальным. Множество исследований показывает, что лишь небольшая доля смысла, который люди извлекают из своих взаимодействий, передается словами; подавляющая часть сообщений передается и получается невербальными способами. Американский антрополог Р. Бердвисл провел исследования относительно доли невербальных средств в общении людей. Он обнаружил, что словесное общение в беседе занимает менее 35%, и более 65% информации передается с помощью невербальных средств общения [195].

«Язык без слов» предстает важнейшим альтернативным инструментом производства (сбыта, распространения, манипулирования) информации**,** передачи идеологической нагрузки, выражения верований, мнений, отношений, ценностей. Выстроить необходимую, но иллюзорную иерархию ценностных ориентаций, сформировать социальные и политические знания и представления о мире, идеологические и политические установки, личностные и групповые интересы, традиционные мнения, различные

предрассудки, задать мир, который выглядит реальным или истинным возможно через отбор определенного аудио сопровождения, видеоряда, интонации, скорости произнесения, типа поведения, ритма, жеста, стиля одежды, свето-цветовой схемы, декорации и т. д. Визуальный образ может послужить более эффективным средством формирования точки зрения в сознании слушающего, чем прямое выражение собственной точки зрения по обсуждаемому вопросу. В книге Холла С. «Кодирование и декодирование» показано как легко при помощи нехитрых манипуляций с нелингвистическими знаками продуцировать тот или иной облик действительности, «соблазнив» им сознание некритически настроенной аудитории [203]. В современный период исследованием влияния идеологии на генезис общественного бытия в эпоху интенсивного развития информационных технологий занимается отечественный теоретик Самчук З.Ф. В своей монографии он рассматривает функционирование идеологии как инструмента преобразования социальной действительности [149].

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что «Значениями, посредством которых происходит установление общества, обладают не только языковые знаки, но и знаки иной природы, например, визуальные, способные в акте коммуникации выступать в качестве означающих тех денотатов, которые в данном контексте не требуют обязательных вербальных обозначений» [158, с.112].

Альтернативный «смыслоноситель», роль которого выполняет невербальный «язык», привилегированная знаковая система, посредством которой сообщают и создают «значение», выполняет функцию организации порядка, тем самым участвует в сборке единого дисциплинированного коллективного тела. Игра «словами» различных нелингвистических знаковых систем превращается в один из организующих принципов, особый медийный механизм конструирования социальной реальности и идентичности субъекта. При этом, речь идет не об упразднении членораздельной речи (парадигма антивербализма в дадаизме и концепции «театра жестокости» Арто), а,

наоборот, о расширении выразительных медийных возможностей, о раскрытии их производительного потенциала.

Таким образом, в символическом производстве и воспроизводстве социума можно выделить два знаковых механизма: лингвистический и нелингвистический. Если лингвистический символизм имеет дело с лингвистическими знаками (фонемы, иероглифы, графемы, буквы и др.), то область нелингвистического (репрезентативного) символизма связана с визуальными, аудиальными и тактильными образами (чувственно-идеальными образами), которые производятся и подвергаются «интерпретации» со стороны социальных акторов. Социальная реальность, воспринимаемая как постоянная и объективная, есть совокупность особым образом организованных дискурсов и парадискурсов (языковой конструкт), т. е. продукт дискурсивного и недискурсивного конструирования, произведенный лингвистической артикуляцией и невербальным выражением на основе двух семиотических систем.

В данном разделе нашей задачей будет изучение возможностей семиотического анализа в условиях косвенного значения языка социальных интеракций.

2.1. Нелингвистическое мышление и презентативный символизм

Дискурсивность означает линейность, способность выстраивать знание, идеи в отдельные ряды, цепочки, линии. Дискурсивное знание, во-первых, необходимо есть знание доказательное; во-вторых, всегда стоит в полном согласии с законами логики (диалектической и формальной); и, в-третьих, всегда – по крайней мере, в принципе допускает выражение в форме слова. Любое знание, которое не соответствует этим требованиям, является недискурсивным, не передаваемым с помощью слов. В социальной реальности необходимо наличествуют как оформленные (вербализованные рефлексивные и структурированные содержания) так и бесформенные содержания (некогнитивные, неструктурированные, нерефлексивные).

Первые связаны с рациональностью (порядком и законосообразностью), а вторые – представляют собой хаотичные и непредсказуемые по своим последствиям проявления еще-не-рационального. «Это логическое «по ту сторону», которое Витгенштейн называет «несказанным», и Рассел и Карнап рассматривают как сферу субъективного опыта, из которой к нам доходят только симптомы в форме метафизических и художественных фантазий» [96, с.65]. Область «еще-не-рационального» смысла, область того, что имеет значение для человека, что воздействует на него и определяет его поступки, гораздо шире той области, которая строится или охватывается его лингвистическим сознанием. «Область семантики шире, чем область языка, как уже было открыто философами – Шопенгауэром, Кассирером, Делакруа, Дьюи, Уайтхедом и некоторыми другими» [96, с.65]. «… существует неисследованная возможность подлинной семантики за пределами дискурсивного языка» [96, с.65]. Даже само понятие, согласно Адорно, содержит непонятийное, которое ускользает от закрепления в понятийных конструкциях и может быть определено лишь *негативно* [выделено мной – Лаптиновой Ю.] как нечто, вынесенное за пределы понятия. Именно в этом смысле Адорно утверждает, что «утопия познания» заключена в стремлении «раскрыть непонятийное в понятиях» [6].

Идея недискурсивного знания (неартикулируемые предпосылки речи), так или иначе, представлена в работе З. Сёрла о «фоне» (как некоторый набор непроговариваемых представлений) [150]. Возможными примерами являются «языковые игры» и «формы жизни» у Л. Витгенштейна, «неявное знание» в концепции М. Поланьи, «знание-как» в противоположность «знанию-о» у Г. Райла, гоффмановские «рамки» повседневной интерпретации. Недискурсивному знанию близки по структуре и функции такие феномены, как воображение (М. Хайдеггер), интуиция (А. Бергсон), понимание (Г.-Г. Гадамер), переживание (Г. Зиммель), восприятие (П. Рикёр), симпатия (М. Бубер), сострадание (Т. Адорно) и т. д.

Недискурсивное знание подразделяется на: опыт, переживание, страдание, терпение, затронутость чем-либо, ожидание, предчувствие,

готовность, влечение, желание, действие, эмоции, спонтанные состояния сознания, невыразимые для слова и не вмещающиеся в грани рассудка и его логики. Полностью описать недискурсивное знание, выразить в словах чувственное бытие невозможно. Ученые объясняют это тем, что количество поступающих в сознание человека импульсов намного превосходит возможность их перевода в словесные формы.

Вещи, которые не вписываются в грамматическую схему лингвистического высказывания, считает Лангер, не обязательно являются слепыми, непостижимыми, таинственными; они просто таковы, что их следует постигать через некоторую символическую схему, отличную от дискурсивного языка. Различные виды опыта – скажем, рассудок, интуиция, предвосхищение – соответствуют различным типам символического посредничества. «Здесь мы имеем дело с символикой, и то, что она выражает, часто является высоко интеллектуальным. Только форма и функция подобной символики не такие, которые были исследованы логиками в рубрике “языка”» [96, с.74].

Наряду с дискурсивным символизмом Лангер открывает для себя другой тип символизма, который обычно игнорируется или принижается. Это – *недискурсивный* или *презентативный символизм*. «Если первый связан с языком, со словом, то второй исключает язык и не нуждается в технике дискурсивного анализа. Нерефлексивное артикулируется, а значит и воспринимается, становится доступным не через дискурсивную, а презентативную символику, «разновидность символики, которая особым образом приспособлена к объяснению «невысказываемых» переживаний, хотя ей недостает главного достоинства языка, которым является денотат» [96, с.75]. Любой знак является сигнификатом: он означает нечто, но не всегда употребляется как денотат, т. е. ему не обязательно соответствует какое-то значение.

«Область презентативного символизма связана с чувственными значениями и визуальными формами. Таковы символы, заключающиеся в сновидениях, ритуалах, мифах, религии, искусстве, эмоциях, выражаемых в

криках» [96, с.76]. Невербальный знак – это голос недискурсивности. Недискурсивная символика служит для представления, выражения и понимания импульсивной, инстинктивной и чувственной жизни. Лингвист Э. Бенвенист в своей книге «Общая лингвистика» писал, что «вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику» [24, с.306]. На языке недискурсивного (презентативного) символизма чувственный опыт (неясные побуждения, волевые импульсы) становится понятным. Этот род понимания непосредственно отражается в форме физической реакции, импульса и инстинкта. Музыка – универсальный презентативный символ жизненных процессов, как интеллектуальных, так и физических. Музыка является выражением чувств человека, но не в том смысле, что передает чьи-либо чувства (композитора или исполнителя), а только в смысле изоморфности, общности структуры последовательного развития человеческих чувств и развития тонов в музыкальном произведении. Иными словами, музыка – это тональная аналогия эмоциональной жизни человека. «Музыка не является подражанием звукам природы, это не причина возникновения чувств и не средство от них, а их логическое выражение» [96, с.78]. Лангер находит рациональный смысл в тех теориях музыки, которые видят в ней символический смысл как выражение чего-то имперсонального – жизненного инстинкта, воли.

В своей философии искусства Сьюзен Лангер пыталась обнаружить логику невербального символизма. Визуальные формы — линии, цвета, пропорции и т. д. — точно так же способны к артикуляции, то есть к сложному сочетанию, как и слова. Но законы, управляющие такого вида артикуляцией, полностью отличаются от тех законов синтаксиса, которые управляют языком. Самое коренное отличие заключается в том, что визуальные формы *недискурсивны*. Они представляют свои составляющие не последовательно, а одновременно. Таким образом, отношения, определяющие визуальную структуру, схватываются в одном акте видения — такой форме мыслительной активности, которая адресуется к не-до-рефлексивным слоям сознания, дорефлективным уровням мышления.

Множество информации не в формально-логических конструкциях, но в каких-то иных гештальтах, энергетических квантах, визуальных образах, жестах, взглядах, цветах, запахах, в том числе, музыкальной, скорее можно назвать сверхрациональной или трансрациональной, чем нерациональной. Она воспринимается человеком без ее аналитической и вербальной обработки, не сугубо концептуальным мышлением, тотально фундированным принципом рационализма, а некой альтернативной познавательной способностью разума – *непонятийным ассоциативно-образным восприятием.* Картина – порождение «нелогоцентрической» системы мышления, которая не связана с устным словом и является носителем иной системы ценностей, нежели литература. Нерациональное содержание, не поддающееся формально-логической интерпретации, вербальной формализации и часто сознательно сконструированное на принципах алогизма, парадокса, нонсенса непознаваемо силами одного только дискурсивного разума, ускользает от дискурсивной формы познания. Аналитическое мышление, которое базируется на логике и отвлекается от эмоциональности, практически не участвует в процессе различения невербальных сигналов. М. Маклюэн в книге «Галактика Гутенберга» провозглашает, что на смену линейному способу мышления, установившемуся после изобретения печатного станка, приходит более глобальное восприятие через образы телевидения и другие электронные медиумы [105].

Современная социокультурная ситуация заставляет более внимательно отнестись к возможностям невербальных способов восприятия и мышления, раскрепощающих правое полушарие головного мозга, акцентирующих эмоциональность, образность, тонкость и активность сенсорных реакций, гибкость и дивергентность мышления, открытость нелинейно-спонтанных и синтетических путей обработки информации. Можно утверждать, что невербальные знаки участвуют в активном глобальном переформатировании сознания современного человека в направлении ориентации его от дискурсивного мира к чувственно-конкретной реальности. Внутри

нелингвистических семиотических практик словесно-логическое (понятийное) мышление утрачивает свою панкратию. Согласно нашим представлениям, расшифровка, считывание, схватывание нелингвистических знаков, невербальных структур, которые могут быть определены как принципиально нелинейное разворачивание смыслового содержания, активизируют, развивают невербальные пути мыслительной деятельности – чувственное невербальное понимание – *гаптически-ощупывающее аудио-визуальное восприятие.*

Интертекстуальность телевидения заключается в том, что оно генерирует не линейно-вербальные тексты, а аудио-визуальные знаки, которые тоже суть тексты, но уже воспринимаемые особым, тактильным образом. Лингвистическая информация, которая обращена к левому полушарию, в большей степени апеллирует к сознанию человека, к его рационально-логической сфере. Нелингвистическая информация, которая обращена к правому полушарию, в большей степени адресуется к эмоционально-образной сфере человека и к его подсознанию. Существуют разные принципы кодирования и декодирования фонетической и экстралингвистической информации мозгом человека. Выдвинута гипотеза, что данное разделение возможно благодаря реализуемым мозгом человека двум принципам обработки информации, каждый из которых соответствует правому или левому полушарию мозга [117]. Одна из важнейших задач современной психологической науки – исследование механизмов выделения и обработки мозгом человека речевой информации, а также анализ тех участков головного мозга, которые отвечают за высшие внеречевые интеллектуальные функции. Исследования ФАМ, начатые еще в 1861 г. французским антропологом П. Брока, а также в 1874 г. С. Вернике и продолженные в наше время Р. Сперри, удостоенным за эти работы Нобелевской премии в 1981 г., и другими, привели к доказательству ведущей роли левого полушария мозга в обеспечении вербальной функции психики (центры Брока и Вернике). Целый ряд современных зарубежных и отечественных работ свидетельствует о ведущей роли правого полушария в

переработке невербальной информации [117]. Левое полушарие контролирует речь и интеллектуальную деятельность, правому подвластны эмоции, воображение, сенсорная деятельность [118].

Павловым были выделены два человеческих типа – мыслительный и художественный. Для «мыслителя» характерно преобладание левополушарного абстрактно-логического восприятия мира (доминирующим является рационально-рассудочное отношение к миру), а для «художника» – правополушарного эмоционально-образного восприятия. Все виды абстрактно-символической информации лучше воспринимаются и перерабатываются людьми мыслительного типа, а невербальные виды информации – людьми художественного склада личности [129]. Аналогичное представление было высказано Б. Паскалем, который писал о двух типах ума: математическом, основанном на отвлеченных представлениях о действительности («мыслитель» по Павлову) и непосредственном, для которого характерно непосредственное чувственное восприятие действительности («художник» по Павлову) [131].

Каждый человек в той или иной степени чувствителен к невербальным проявлениям. Восточная культура предполагает внимание к деталям мимики и жестикуляции коммуникатора: японские авторы называют это «телепатической передачей информации» [146, с.175]. Можно предполагать наличие особой чувствительности, определенной врожденной «одаренности» к чтению невербального языка. Люди холерического и сангвинического типа темперамента, внимание которых направлено во вне, чувствующих большую зависимость от социальной среды, правополушарники (чувственники кинестетики, визуалы и аудиалы) более восприимчивы к невербальным проявлениям, способны улавливать, опознавать тонкие изменения в мимике, интуитивно осознавать значения визуальных компонентов общения, лучше владеют умением декодировать невербальные сигналы. Л.М Якобсон говорит о «социально-психологической» наблюдательности и способности актера «перенимать». Он же называет это – «чтение» невербального языка, «восприимчивостью к различным формам и оттенкам экспрессии у других

людей» [188, с.170]. В другом месте коротко – «*экспрессивной восприимчивостью*» [188, с.170]. В.А. Лабунская говорит об аттракции как эмоциональном отношении к чему-либо и к кому-либо, что обостряет точность восприятия, о *социальной перцепции* [94]. И. Атватер называет эту способность умением понимать язык невербального общения и «четкостью в невербальном общении» [15, с.209-219]. Психологи, работающие в области НЛП, говорят о «*сенсорной зоркости*», «*психологической зоркости*», «*перцептивной компетенции*». Тест Д. Векслера основан на иерархической модели интеллекта и диагностирует общий интеллект и его составляющие – вербальное и невербальное мышление. В целом, «невербальная» шкала диагностирует не только знания, но и способность индивида к моторно-перцептивному взаимодействию с объектами окружающего мира, зависящую от опыта деятельности. Наиболее известным паралингвистическим тестом является профиль невербальной сензитивности (Profile Of *Nonverbal Sensitivity (PONS).*

Большинство философов, лингвистов и психологов не допускают возможности мыслительного процесса без функции языка. К ним относятся И. Кант («Каждый язык есть обозначение мыслей, и, наоборот, самый лучший способ обозначения мыслей есть обозначение с помощью языка»), В. Фон Гумбольдт («Хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность и язык, в действительности такого разделения не существует»), М. Мюллер («Мысль фактически так же неотделима от языка, как язык от мысли»), ранний Ф. Шлейермахер («Мышление и слово так вполне едины, что мы можем различать их только как внутреннее и внешнее, да и то всякая внутренняя мысль есть уже слово»), А.Ф. Лосев («Мысль и язык фактически совершенно нерасторжимы и вливаются в общее безбрежное море объективной действительности»), А.А. Реформатский («Без языка не может быть и мышления») и многие другие. Известен тезис Соссюра, согласно которому мышление без языкового выражения «представляет собою аморфную, нерасчленённую массу <...>, где ничто чётко не разграничено.

Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различений до появления языка» [152, с.144].

В философии, логике и психологии продолжает существовать представление о слове (речи, второй сигнальной системе) как механизме дискурсивного мышления (поскольку без слова невозможно мышление). Однако, ранее доминирующие представления о том, что человеческая мысль абсолютно дискурсивна, сегодня пересматриваются. Многие исследователи признают существование как языкового мышления, так и его авербальных форм: инструментального и технического (Л.В. Выготский), наглядного и практического (С.Л. Рубинштейн), образного, понятийного, «шахматного» (Б.А. Серебренников), «зрительного воображения» (А.Н. Лук), математического (Ж. Адамар), визуального (Р. Арнхейм), метафорического (мифопоэтического) (Э. Кассирер). Механизмы восприятия и означивания невербальных знаков, по мнению Л. Выготского, следует изучать именно с точки зрения процессов комплексного мышления (процессы анализа и синтеза, предваряющие мышление в понятиях) [47]. Фуко противопоставляет практическое сознание сознаниям критическому, высказывания и аналитическому [115]. К. Юнг уделил значительное место анализу проблемы мышления и культуры в своей работе «Психология и религия». Согласно его воззрениям, есть два типа мышления – логическое и интуитивное. В традиционных обществах (в странах Востока и Индии) мышление осуществляется не в словесных рассуждениях, как этому обучают в Европе, а в виде потока образов[186]. В том же смысле Ф. Гваттари говорит о вне-дискурсивном, «хаосмическом» восприятии [59], а П. Вирильо – в своей «Машине зрения» об «индустриализации видения» как «возникновении целого рынка синтетического восприятия» [44]. Адорно критиковал мышление как познавательную способность. В познании посредством понятия субъекту доступна только поверхность мира. В этом смысле эмоциональное слуховое восприятие, ощущение ритма на уровне тела позволяло немецкому философу открывать для себя иную сторону реальности, не доступную другим людям. В своих произведениях Адорно

пытался реализовать идею *непонятийного мышления*, специально разрушая текст и искажая его смысл. Способом растехнизации репрессивно-рациональной культуры для Адорно было «расколдование» понятий с помощью «несистемной мысли», с помощью *ассоциативного и парадоксального мышления*, аналогии, метафорических способов, поэтического языка и воображения, авангардистски-модернистского искусства безобразного изображения безобразного мира. То есть высоким деонтологическим статусом он преимущественно наделял критический непонятийный дискурс [177].

Вопреки традиционно сложившемуся представлению об исключительно вербальной сущности мышления, в последние годы в философии, логике и психологии начинает получать «права гражданства» представление о «*мышлении без слов*» (о невербальной природе мышления), в связи с чем появились такие понятия, как «*визуальное мышление*», «аудиальное *мышление*», синестезия (межчувственные связи) – виды мыслительной деятельности, осуществляющиеся на неязыковой основе. С*инестезия* «инициирует и векторизует полимодальное, объемное, стереоскопическое видение мира», тем самым выступая в качестве эффективно воздействующего средства, корректирующего рационально-логические установки мышления» [86, с.208].

Мы не считаем процесс невербального мышления неким мистическим процессом, не отождествляем это мыслительное состояние с сущностью медитации. Недискурсивное мышление не есть беспочвенное наитие, озарение или экстаз, интуиция, догадка, а есть деятельность сознания, вид ментальной деятельности, форма субъективной мыслительной активности, которая адресуется к вне-, сверх-рефлексивным слоям сознания.

Здесь нам представляется уместным внести представление о градации познавательных форм, характеризующихся различным уровнем «дискурсивности»: это опыт–понимание–знание–наука. Опыт мы рассматриваем здесь как первоначальное, субъект-объектно не дифференцированное отношение (оно характеризуется определенной

фрагментарностью); понимание – как недискурсивное (точнее, не обязательно дискурсивное) схватывание целостности на различных уровнях и в различных формах познавательного процесса (схватывание целостности может происходить и в образной, довербальной форме); знание – как дискурсивную ступень в схватывании целостности, наконец, науку – как удовлетворяющую, помимо требования дискурсивности, и другим, более строгим, критериям соотношения концептуальных элементов знания. Функция понимания в наиболее развитой своей форме – это функция охвата и удержания в рамках теоретической разумности всех предшествующих ей дискурсивных и недискурсивных способов построения целостности, которые являются необходимыми структурными компонентами мыслительной деятельности вообще, «двумя сторонами одной медали», необходимыми и невыключаемыми частями целостного Логоса, вещающего Логоса, который говорит как словами, так и бессловесно.

Мы усматриваем в недискурсивном мышлении своего рода и пред-понимание и пост-понимание, то есть то, что предшествует пониманию, делая возможным понимание высказывания, задаёт «условия возможности» для правильного восприятия конкретных высказываний; и то, что следует за герменевтическим анализом, за интерпретацией как диалектическим процессом понимания и объяснения фактов, текстов и символов. Невербальное мышление в данном случае выполняет как мотивационно-эвристическую функцию предпонимания, так и выступает в качестве способа, стимулирующего эстетическое наслаждение, катарсис от отождествления понимающего с уже понятым.

Недискурсивная конституирующая активность оперирует предельно абстрактными мыслеобразами нелинейного порядка. Смысловыми единицами нелингвистического мышления служат не понятия, а визуальные, аудиальные, тактильные представления (образы). Формами, в которых возникает, развивается и осуществляется мышление, являются не понятия, суждения и умозаключения, а *образы*. Мы схватываем содержания непроговариваемого опыта (бесчисленное множество вещей, свойств и

отношений, общие, существенные свойства, связи предметов и явлений) не с помощью четких понятий, а с помощью сравнений, уподоблений, намеков, «размытых», но очень важных символических образов, тончайших ассоциаций, предчувствий и т. п., дающих возможность как-то почувствовать, внутренне испытать содержание внерациональной сферы. Мы можем мыслить не только отвлеченными понятиями, но и образами, как это с особенной очевидностью доказывает существование метафор и вообще художественное мышление [146]. «Образы, которыми оперирует человек, это «означенные», как бы речевые образы. Поэтому образы могут функционировать в мышлении наряду с речью, со словами и выполнять в нём функцию, аналогичную той, которую выполняют эти последние» [146, с.215].

Чтобы продуктивно размышлять о природе какого-нибудь факта или о существе какой-нибудь проблемы,— безразлично, в сфере физических объектов или в рамках абстрактной теории,— необходимо иметь такие средства мышления, с помощью которых могут быть отражены все свойства изучаемой ситуации. «Сферу действия продуктивного мышления составляют обозначаемые языком объекты — референты, представляющие собой не вербальные, а перцептуальные единицы» [11, с.150].

Установлено, что для полноценной мыслительной работы одним людям необходимо видеть или представлять предметы, другие предпочитают оперировать отвлеченными знаковыми структурами. У некоторых роль образа в процессе мышления выступает особенно ярко [181]. Психологические эксперименты свидетельствуют, что конструкторский образ (у инженера, художника) – это, как правило, органический сплав зрительной информации (60 – 80%) и вербальных определений (20 – 40%), причем зрительная информация нередко соотносится с умозрительными конструкциями, не имеющими прямых аналогов в существующей практике. «Что рождает столь сокровенное единение между языком и мышлением? – задает вопрос А. Эйнштейн – существует ли мышление без языка, лишь в концепциях и сочетаниях, комбинациях, для которых не обязательно

словесное облачение? Не боролся ли мучительно каждый из нас в поиске слов там, где связь между понятиями была ясна уже и без них?» [64, с.74]. В интервью Максу Вермейеру о развитии теории относительности А. Эйнштейн заявил, что вместо слов или математических формулировок, он мыслит преимущественно визуальными образами и ощущениями. В письме к когнитивному психологу Якову Хадамарду А. Эйнштейн объяснял: «Язык или слова, написанные или произнесенные, похоже, не играют никакой роли в механизме моего мышления. Физические сущности, кажется, служащие элементами мышления, — это определенные знаки и более или менее ясные образы. Типичный для меня стиль мышления — визуальный и моторный [64, с.75]. В стратегии Эйнштейна организация и исследование информации проходят в форме «комбинаторной игры» визуальных образов и телесных ощущений. Его творческое мышление проходит через внутренние визуальные образы и «моторные» или «мускульные» кинестетические ощущения.

Визуальное мышление (оно же образоцентрическое и оно же невербальное) оперирует предельно абстрактными мыслеобразами «нелинейного» порядка, наглядными графиками, пространственно структурированными схемами, фигуративными типами ассоциаций и пр. «Именно его сопряженность со специальными знаковыми формами, которые позволяют репрезентировать глубочайшие уровни скрытых от внешнего взора реальностей, дает основание квалифицировать невербальное мышление как мышление в собственном смысле слова» [80, с.43ВИЗУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ]. Отправляясь от того, что дано в ощущениях и восприятиях, мышление, выходя за пределы чувственно данного, расширяет границы нашего познания. Это расширение познания достигается мышлением в силу его характера, позволяющего ему опосредованно – умозаключением – раскрыть то, что непосредственно – в восприятии – не дано. Речь идет об умозрительном представлении в наглядной форме возможных экспериментальных ситуаций и планов поведения, согласования логических и практических операций [80, с.43]. Умозрительное представление в

наглядной форме воспроизводит характерные черты предметов, и опора на них (а не на слова) при осуществлении мыслительных операций составляет существо визуального мышления [80, с.43]. «Визуальное мышление способно отражать любые категориальные отношения реальности (пространственно-временные, атрибутивные, каузальные, телеологические и др.), но не через обозначение этих отношений словом, а посредством их воплощения в трансформированную чувственность – в форме зримого явления сущности» [80, с.43].

Образное мышление оперирует не словами, а образами. Однако это не означает, что здесь не используются словесные знания в виде определений, суждений и умозаключений. Но в отличие от словесно-дискурсивного мышления, где словесные знания являются основным его содержанием, в образном мышлении слова используются лишь как средство выражения, интерпретации уже выполненных преобразований образов. Визуальное мышление означает не просто использование первичных зрительных образов в качестве материала мышления. Визуальный язык мышления использует линии, диаграммы, схемы, графики и массу других средств для того, чтобы проиллюстрировать те соотношения, которые было бы весьма затруднительно описать обычным языком. Подобные зрительные образы легко меняются под влиянием динамических процессов и, кроме того, дают возможность показать одновременно прошедшие, настоящие и будущие результаты влияния любого процесса.

В отличие от мистического, дорефлексивного мышления (дологического), *нелингвистическое мышление* является инорациональным, оно опосредовано критической рефлексией (тесно связано с языком и оформлено в умозаключениях). «Визуальное мышление «является разновидностью рационального постижения существенных связей и отношений вещей и дополняет вербальное мышление» [80, с.43]. Оно «имеет синтетический характер: возникает на основе дискурсивного мышления, но за счет соединения с трансформированным чувственным материалом во многом теряет свой вербализованный характер» [80, с.43]. Само

лингвистическое мышление включает в себя нелингвистическое. Иначе говоря, невербальное мышление – это особый модус проявления вполне рациональных структур. Не-до-рефлексивный статус «невербального мышления» свидетельствует о том, что оно не лишено логики (тем более не «антилогично»). Лингвистическое мышление подчиняется логическим законам рациональной мысли (закону тождества, достаточного основания, исключенного третьего). Над невербальным мышлением довлеют совершенно иные законы. Порядок недискурсивного разума предписывает свою логику природе и жизни. Марк Липовецкий находит иную, иррациональную логику — *паралогию*. «Автор этого термина, Жан-Франсуа Лиотар, считает, что паралогия предоставляет возможность новых правил языковой игры, новых мыслительных норм. Она не скрывает заложенных в тексте противоречий, а, наоборот, выдвигает их на первый план» [99 с.15]. Работы гештальтистов, как, например, американского психолога Рудольфа Арнхейма, Курта Коффки и Вольфганга Кёлера доказывают, что визуальное восприятие — не пассивный процесс, оно имеет свою логику, основывается на моделях и принципах, которые аналогичны рациональным понятиям и абстракциям. Не случайно Арнхейм вводит в употребление термин «визуальное мышление», доказывая таким образом, что зрительное восприятие аналогично понятийному мышлению [10]. По его мнению, визуальное восприятие опирается на определенные структурные принципы, которые он называет «визуальными понятиями». «В настоящее время, — пишет Р. Арнхейм, — можно утверждать, что на обоих уровнях — перцептивном и интеллектуальном — действуют одни и те же механизмы. Следовательно, такие термины, как «понятие», «суждение», «логика», «абстракция», «заключение», «расчет» и т. д., должны неизбежно применяться при анализе и описании чувственного познания» [96, с.59]. Иными словами, гештальтистская теория изоморфизма утверждает, что физиологические процессы в мозгу и вся сфера психической жизни на уровне восприятий и эмоций имеют общую динамическую структуру.

Обращение к недискурсивности не означает отказ от понятийного мышления, но означает признание и раскрытие сфер новых познавательных возможностей и способностей человекая, не ограничение, а расширение, тех полномочий, которым ранее было отказано в легитимности. Постмодернизм подверг сомнению не вообще возможности мышления в процессе познания, а возможности именно дискурсивного мышления в достижимости финальной полноты смысла. «Тем более, что и сама формальная логика – посредством презумпции Чёрча – подвергает сомнению познаваемость действительности (достижения полноты) силами одного только дискурсивного разума (мышления)» [137, с.807]. «Методологические размышления Дильтея легли в основу ряда концепций «герменевтической логики» (Г. Шпет в России, Х. Липпс и Г. Миш в Германии), согласно которым сфера логического не схватывается одним только дискурсивным мышлением, но охватывает и недискурсивные формы артикуляции смысла. Предметом логики становятся, наряду с понятиями и суждениями, метафоры и символы» [137, с.807]. О.Ф. Больнов посвятил значительную часть своего творчества разработке так называемой «герменевтической логики». У истоков ее стоит Ханс Липпс с его фундаментальным трудом «Исследования по герменевтической логике». Значительный вклад в развитие идей «герменевтической логики» внес также ученик Дильтея Георг Миш. Первооткрывателем в этой сфере был русский философ Г. Шпет. Опираясь на Миша и Липпса, Больнов демонстрирует то обстоятельство, что логика не сводится к понятиям, и что сфера логического должна быть расширена – за счет включения в ее орбиту *внедискурсивных форм артикуляции смысла.* Прививкой против жесткого рационализма выступает дзенское мышление, которое оперирует многозначной логикой, чтобы сбить мышление с привычных рельсов рационализма с его бинарными оппозициями и добиться непосредственного до- или после- вербального проникновения в суть вещей. Дзэном всерьез увлекались К.Г. Юнг (техники психоанализа), А. Арто (искусство сюрреализма). «Некоторые исследователи усматривают черты, типологически сходные с дзенским мышлением, в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, где рационализм замешан

на мистике [147]. Среди украинских герменевтов этой проблемой занимается Е.Н. Юркевич [187].

Невербальное мышление даёт недискурсивному знанию голос, переводя интуитивные ощущения, переживания, эмоции в образную форму посредством особых знаковых конструкций. Невербальные структуры, в которых артикулируется нерациональный опыт, не подчиняются формальной логике, но в них присутствует законосообразность, внутренняя упорядоченность, а значит, и смысл.

Таким образом, нелингвистическое, в особенности, недискурсивное мышление представляет собой «*мышление без слов*», в котором язык (взятый в прямом смысле слова) не участвует. В свою очередь, «мышление без слов» может подразделяться на визуальное, аудиальное и синестезию, которые синтезируются в особых образных формах. Таким образом, это срез непонятийного мышления, процесс которого организуется посредством ряда образов.

Недискурсивное мышление оперирует как конкретными, так и предельно абстрактными мыслеобразами нелинейного порядка (по аналогии с музыкой). Оно является *инорациональным*, с присущей ему *паралогией* (термин Ж.-Ф. Лиотара).

Способность к недискурсивному мышлению представляет собой особую социальную компетенцию, характеризующуюся как «экспрессивная восприимчивость» (Якобсон) или *социальная перцепция*.

«Мышление без слов» обнаруживает себя посредством недискурсивной, или *презентативной символики*, которая структурируется путём *синестезии* (установления межчувственных связей). В свою очередь, презентативный символизм инициирует *стереоскопическое видение мира*, в котором представлены имманентные социуму и индивидуализируемые посредством субъективного опыта социальные отношения.

По нашему мнению, универсальная способность недискурсивного мышления, его структурируемость, всеобщий характер набора презентативной символики, значимость при генезисе социальности и пр.

позволяют поставить теоретическую задачу рассмотрения данного предмета не только с позиций психологии, но и семиотики.

2.2. Особенности нелингвистических знаков

В начале XX века семиотика развивалась в русле структурной лингвистики и основной сферой ее применения выступала литература. В второй половине XX века семиотика распространяется на все объекты действительности, охватывая не только лингвистические знаки, но и активно проникая в сферу нелингвистического. Объектом ее изучения становятся различные невербальные символьные системы, например жесты, визуальные образы, язык музыки, язык реальных бытовых ситуаций**.** Современная семиотика включает различные ответвления проблематик и методов. Это: зоосемиотика; семиотика коммуникации; традиционная медицинская семиология, связанная с изучением симптомов различных заболеваний и проблемами диагностики; паралингвистическая семиотика и пр. Таким образом, семиотика обладает большим полем предметности, которое выходит за рамки собственно языковых или каких-либо конвенциональных систем значений, специально создаваемых с целью коммуникации, но имеет своим фундаментом исследование систем естественного языка.

Семиотики во втором поколении (М. Бахтин, Я. Мукаржовский, Э. Бенвенист, Р. Барт и др.) ориентировались на исследование уже не отдельного знака (слова), а знаковой последовательности, или сложного знака. Это связный текст, произведенный не только из языковых знаков, но и из знаков неязыковых (текстом являются и музыкальные произведения, хореографические, архитектурные, и др.). Вместе с тем, структуралистская семиотика оставалась лингвоцентричной.

В эпоху лингвоцентризма (структурно-лингвистического детерминизма) эталоном коммуникации считалась модель естественного языка. Структурно-лингвистическая модель анализа социо-культурных феноменов считалась универсальной. Фактически все гуманитарные науки (семиотика в

том числе) развивались в условиях универсалима лингвистических моделей теоретической рефлексии, находясь под влиянием структуралистской парадигмы. Большинство исследователей, выросших на структуралистской методологической программе и тяготея к лингвистической модели Соссюра, видят свою основную задачу в том, чтобы включить невербальный материал в общий корпус предметных областей, доступных исследованию средствами лингвистических исследовательских моделей, в то время как «следовало бы рассматривать жест согласно его собственным единицам или законам, если таковые существуют» [162, с.58–66]. Лингвоцентризм обусловил тот факт, что невербальная коммуникация изучалась по образу и подобию языка человеческой речи. Французский структурализм 60-70-х годов связан, прежде всего, с переносом методов исследования естественного языка на другие области исследования культуры. Во всех направлениях («формальная школа» в русском литературоведении и «новая критика» в Англии, ФРГ и Франции 50-60-х годов, Тартуская школа структурно-семиотических исследований культуры, и в особенности, французский структурализм 60-70 - х годов) мы видим либо прямое заимствование приемов и методов исследования языка при анализе весьма разнородного материала культуры, либо апелляции к языку как аналогии, модели, на которой можно изучать свойства объектов, включающих языковый пласт, или целиком мыслимых в качестве структур, подобных языковым структурам. В дискурс-анализе существует тенденция анализировать изображения как лингвистические тексты. Лингвистическая модель ведет семиотиков к поиску таких единиц анализа в аудио-визуальных медиумах, которые были бы аналогичны единицам анализа, используемым в лингвистике.

В рамках лингвоцентризма были предприняты попытки систематического описания «*языка без слов*» (например, кинофильма и проч.) как знаковой системы, построенной по модели естественного языка. Так итальянский писатель, режиссер театра и кино П.П. Пазолини полагал, что звукозрительный язык кино можно описать в терминах грамматики по аналогии с вербальным языком: он разложил кадр (обозначенный им как

«монема») как сложную единицу на составляющие его знаки. Наименьшей значащей единицей киноязыка, по его мнению, являются различные реальные предметы, формы, события и действия реальности – «кинемы», которые составляют кадр, подобно тому как фонемы составляют слово [130]. Ю.М. Лотман, как один из основоположников данного научного направления, писал следующее: «Мы обнаруживаем своеобразную систему сходств и различий, позволяющую видеть в киноязыке разновидность языка как общественного явления» [101, с.102]. Структурно значащей единицей кинотекста Ю. Лотманом признается кадр, как «основной носитель значений киноязыка». Кадр делает кинотекст приближенным к речи в естественном языке, так как вносит в него дискретность, то есть он становится прерывным, повествовательное пространство и время членятся. Кинофильм распадается на кадры, которые соединяются посредством монтажа. Монтаж кадров функционально идентичен соединению морфем в слова и соединению слов в предложения [101, с.102]. Кинорежиссер Л.В. Кулешов считал, что кадр должен быть однозначным, как буква типа иероглифа, а соединение нескольких кадров образует кинематографическое «слово» или даже «фразу» [90]. В I960 годах Р. Бердвистл предложил лингвистическую модель невербальной коммуникации. По его мнению, развертывающееся поведение складывается из кинем элементарных единиц, точно так же, как звуковая человеческая речь организуется из последовательности слов, предложений и сообщений. Кин – мельчайшая единица движения, как бы буква движения тела, например поднимание и опускание бровей, считывая которую можно в итоге интерпретировать передаваемые через жесты или другие движения тела сообщения [194]. Структура жестового кода сравнима со структурой словесного дискурса с его «звуками», «словами», «предложениями», «фразами» и даже «абзацами» (движения бровей могут означать сомнение, вопрос, требование и т. п.).

Вплоть до настоящего времени лингвистичность семиотики довлеет при анализе феномена невербальной коммуникации. Однако при изучении невербальных семиотических систем все больше проявляется уязвимость

лингвоцентрической установки. Лингвистический подход к «невербальному языку» обнаруживает ряд фундаментальных сложностей. Наиболее принципиальными оказались такие проблемы, как «выделение значащих единиц в недискретном потоке телесного поведения (*проблема сегментации* [выделено мной – Лаптиновой Ю.]) и обнаружение характера связи означающего с означаемым в условиях чрезвычайной подвижности того и другого (*проблема механизмов означивания* [выделено мной – Лаптиновой Ю.]). Из этих двух проблем следовала третья: как возможно взаимопонимание между участниками невербального коммуникативного взаимодействия, если сообщение не делится на значащие единицы, не обладает устойчивой семантической и синтаксической структурой и всегда носит уникальный характер?» [13, с.210].

С особой очевидностью ограниченность лингвоцентризма выступила в многочисленных попытках создания дискретного алфавита языка невербальной коммуникации. Невозможность воплощения симультанных смысловых проявлений личности в дискретных равнодушных знаках заранее обрекает на неудачу любые поиски дискретных формализованных словарей жестов и телодвижений и тем самым доказывает необходимость выхода за границы лингвоцентризма [13]. Благодаря критике лингвоцентризма структуралистской семиотики формальные методы анализа в самой лингвистике перестают переноситься в область невербальной коммуникации. Большинство современных теоретиков, занимающихся анализом визуальных репрезентаций, – Л. Прието, К. Метц, У. Эко, П. Пазолини и др. – сделали вывод о невозможности полной аналогии между «языком без слов» и естественным языком. Они признают качественное своеобразие невербального аспекта коммуникативного взаимодействия в его отличии от аспекта вербального и показывают, что «далеко не все коммуникативные феномены можно и нужно объяснять с помощью лингвистических категорий» [183, с.194]. Это замечание У. Эко отдаляет его от тартуско-московской школы, в рамках которой интуитивно признавалась базисность лингвистики. Изображения, являясь знаковыми феноменами, не носят

языковой характер, и, следовательно, не могут быть объяснены исключительно в терминах лингвистики (чем злоупотребляла соссюрианская традиция семиологии). Специалисты в области семиотики выяснили, что именно исследования визуальных феноменов позволяют семиологии обнаружить свою самостоятельность или независимость от лингвистики. Происходит понимание специфичности невербального типа взаимодействий. Появляется необходимость поиска адекватных моделей интерпретации визуальных феноменов (исследования нелингвистических знаковых систем), которые позволили бы эффективно описывать и анализировать в равной мере вербальный и невербальный аспекты.

Ч. Пирс предложил единственную альтернативу лингвистическому универсализму. Но его концепция иконичности была подвергнута критике Льежской группой Мю [137, с.302 Знак иконический]. Дискурс-анализ также пытается развить теорию и метод для анализа полимодальных текстов, а именно текстов, которые используют различные семиотические системы, такие как письменная речь, визуальные образы и звук. «Деконструктивизм в основном нацелен на деконструкцию риторического подхода, т. е. интерпретации текста как сугубо лингвистического феномена» [74, с.73–80]. Современные семиотики предлагают собственные методологические исследования в данной области, стремясь к выходу за рамки лингвистики, понимая язык не столько как систему знаков, сколько как систему отношений, порождающую смысл и значение. А. Греймас дистанцирует семиотику от лингвистики, выходит за рамки грамматики фразы, делая предметом изучения дискурс (то есть сложное высказывание) и текст [56]. Обобщив накопленный опыт, У. Эко приходит к выводу, что нелингвистический код коммуникации не должен с необходимостью строиться по модели языка [200]. По его мнению, проблемы кино должны обсуждаться с акцентом на семиотику иконического знака и анализ его компонентов [200]. В работе «По ту сторону аналогии: изображение» французский теоретик К. Метц продолжает размышлять о специфике визуального знака и возможности применения лингвосемиотики к анализу

фильмического изображения. В настоящее время К. Метцем предложена новая модель анализа нелингвистических феноменов. Лингвосемиотика К. Метца использует не прежние схемы анализа, посредством которых в телевизионных произведениях исследовались только словесные тексты, а применяет методики семиотического анализа, позволяющие изучать телевизионные материалы со всей совокупностью присущих им выразительных средств. Цель К. Метца — попытаться обозначить точки соприкосновения семиологии визуальной и лингвистической, а не следовать их механистическому противопоставлению, якобы основанному на антагонизме слова и изображения. Английским ученым А. Бергером разработана теоретическая матрица семиотического анализа материалов телевидения.

На сегодняшний день, в рамках семиологии как науки о знаках сформированы два базовых подхода к пониманию специфики невербалики – *лингвистический (грамматический) и собственно семиотический*. В основе первого подхода лежит отождествление невербального и вербального языков. В данной работе мы будем придерживаться второго подхода, т. к. он учитывает особенности невербального языка и его исходной базой является речевая деятельность, а не абстрагированная система знаков. Главное внимание семиотического подхода сосредоточено не на отдельных знаках и их лингвистических аналогах, а на связях знаков, их функционировании.

Итак, попытаемся определить специфику нелингвистических знаков и их последовательностей, формирующих презентационное лингвосемиотическое пространство.

Основополагающим в семиотике является вопрос о строении знака. Еще в школе стоиков считали, что суть знака заключается в его двусторонней структуре — неразрывном единстве непосредственно воспринимаемого (означающего) и подразумеваемого (означаемого) [137, с.256 знак]. В лингвистической традиции, восходящей к Ф. де Соссюру и позднейшим работам Л. Ельмслева, знаком называется двусторонняя сущность,

двуединство означающего и означаемого, т. е. термина (его звуковой или письменной формы) и обозначаемого им понятия (идеи) [152].

В лингвистическом знаке в качестве означающего выступает звук, акустический образ слова. В нелингвистическом знаке — чувственный (визуальный, тактильный, акустический, ольфакторный) образ.

Лингвистический знак объединяет не вещь и имя, но концепт и акустический образ, который не является материальным звуком, чисто физической вещью, но психическим отпечатком этого звука, представлением, которому мы придаем смысл.

Нелингвистический знак объединяет концепт (понятие, смысл) и любой образ (тактильный, визуальный, двигательный и др.).

Обе части, составляющие языковой и неязыковой знак, являются в равной степени психическими по существу и соединены в нашем мозгу посредством ассоциативной связи.

Образ называется означающим, а то, что он представляет – означаемым знака. Синонимом «означающего» являются термины «форма» и «план выражения», а в качестве синонимов «означаемого» используются термины «содержание», «значение» и иногда «смысл». Связь между означаемым (значением или понятийным содержанием высказывания, интеллигибельным, «что означает») и означающим (чувственным, словом или наименованием, «что обозначается»), между планом выражения и планом содержания знака (различения, оппозиции — по существу и по форме) — это и есть «*принцип знака* [выделено мной – Лаптиновой Ю.]» [75, с.105 Знак]. Соединение того, что означает, и того, что означается — это не форма и не содержание, а само значение как связующий их процесс. «Значение мыслится как сугубо процессуальный феномен» [75, с.105].

Вопрос о типах возможных отношений между означающим и означаемым, между понятием, значением, смыслом и акустическим (тактильным и др.) образом, между сознанием и бытием, между видимой формой и выраженным в ней содержанием порождал и порождает массу споров и дискуссий. Ни теория φύσει, ни теория θέσει (что значит «по

природе» и «по установлению») в их чистом виде не могут дать исчерпывающего ответа на вопрос о соотношении плана выражения и плана содержания знака в различных системах коммуникации.

Согласно классификации Ч. Пирса, знаки по характеру соотношения означающего и означаемого подразделяются на три группы: 1) знаки-иконы, формируемые на основе подобия означающего и означаемого; 2) знаки-индексы, создаваемые отношением смежности означающего и означаемого; 3) знаки-символы, порождаемые установлением связи означающего и означаемого по условному соглашению [133]. Предполагается, что лингвистическая система обслуживается преимущественно знаками-символами, нелингвистическая – знаками-индексами и знаками-иконами. Самим Пирсом *иконический знак* понимался как знак, обладающий сходством со своим объектом и имеющий те же свойства, что и изображаемый им предмет. Такое понимание иконического знака длительное время принималось как само собой разумеющееся. Однако, Эко в своих работах «Касабланка: культовые фильмы и интертекстуальный коллаж» и «О членениях кинематографического кода» фактически задолго до последовательной критики пирсовского иконизма Льежской группой Мю, отвергает понимание знака, продемонстрированное Пирсом как исходного подобия репрезентируемого им реального объекта, и Моррисом, трактующим иконический знак как обладающий теми же свойствами, что и денотируемый им объект. У. Эко подвергает критике традиционное представление об иконизме, предположив, что изображение не обладает свойствами отображаемого им предмета, а иконический знак столь же произволен, условен и немотивирован, как и знак лингвистический [199]. Постмодернизм избавляется от идеи онтологически заданной связанности означающего с означаемым, в какой бы форме эта идея ни была явлена, – равно, будь она под маской референции, репрезентации, денотации, десигнации, сигнификации, номинации, манифестации и т. п., ибо «имена по случаю, а не по природе» (Демокрит). Современная семиотика в качестве своего основного принципа выдвигает тезис о принципиальной немотивированности

знака, его арбитрарности. Это значит, что между звучанием и значением нет необходимой, принципиальной связи. Принцип немотивированности знака является первым фундаментальным законом семиотики, лингвистики и теории коммуникации [189].

Итак, общим у всех знаков является то, что они состоят из означающего и означаемого и то, что отношение между означающим и означаемым конвенциональное. Нелингвистический знак так же, как и лингвистический, составлен из означаемого и означающего, но отличается от него на уровне субстанции. Знак определяется характером своей субстанции. Материальная субстанция означающего – это средство, носитель или тело, корпус знака. Знак сам по себе не материален, но акт высказывания имеет пространственное и временное измерение, т. е. высказывание всегда обладает материальным существованием, имеет что-то вроде тела (корпус). Согласно Бахтину, смыслы, которыми занимаются все науки о человеке, всегда выражаются в знаках, т. е. должны быть материально оформлены, выражены. «Знак должен быть доступен восприятию, материален» [46, с.32]. «Именно в таком почти физическом состоянии оно (символическое) представляет интерес для семиологии» [113, с.122]. Знаку необходима материальная субстанция, субстрат, телесность, то есть чувственная воспринимаемость. Мы можем помыслить концепт-означаемое-умопостигаемое только посредством чувственной осязаемости означающего. Ум выделяет умопостигаемое из чувственно воспринимаемого. Смыслы, идеи, значения существуют в чувственно воспринимаемом, мыслятся же помимо тел. Именно это чувственно воспринимаемое означающее (корпус, тело, субстанция означающего) различны. Лингвистическое сообщение нетрудно отделить от нелингвистического, т. к. они образованы при помощи различных субстанций, знаковых средств, знаковых проводников (или знаконосителей). «Различные «языки» (живопись, музыка, кино и т. д.) отличаются друг от друга – и с этим прежде всего связана сама их множественность – своими *означающими*, как физическим и перцептивным определением этих последних, так и формальными или структурными

особенностями, которые ими определяются, а вовсе не своими означаемыми, или, во всяком случае, не ими непосредственно» [113, с.122].

Вербальные знаки фиксируется в материальной (физической) форме фонемы или графического изображения буквы, иероглифа, графемы (слово-знак), пиктографической записи, ребуса, и др. Преимущество слова (вербального обозначения содержания мышления) заключается в том, что чувственно-наглядный материал слова сам по себе не имеет никакого иного значения помимо своего семантического содержания; именно поэтому он может быть пластическим носителем содержания мысли в понятиях. «Мы в действительности никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т. д. Мы обычно начинаем замечать слова как звуковые образы только тогда, когда мы перестаем понимать их значение» [146, с.74]. В слове – звуковая субстанция, звук есть, по сути дела, означающая субстанция, «субстанция выражения». В сборнике своих интервью «Позиции» Деррида подчеркивает: «phone на самом деле является означающей субстанцией, которая дается сознанию как наиболее интимно связанная с представлением об обозначаемом понятии. Голос с этой точки зрения репрезентирует само сознание» [63, с.52].

Несловесная субстанция, как средство обозначения содержания сознания, не является прозрачной для значения. Нелингвистическая форма артикуляции содержания сознания или чувства – является не только отвлеченным значением, а и «наглядным чувственным представлением: «дух» отягощен в ней «материей» [146, с.74]. «Нелингвистическое означающее (само по себе лишено содержания) имеет чувственную реальность (в противоположность языковому означающему, имеющему сугубо психическую природу)» [17, с.130]. Обращение к нелингвистическому знаку – это акцент на материальность, на чувственно-наглядный материал.

Нелингвистическое означающее фиксируется в любой значащей форме либо визуального изображения, либо архитектурного сооружения, либо объекта, жеста, поступка, события (рисунок-знак, актерское, театральное,

кинематографическое, фотографическое воплощение или какая-либо иная знаковая материализация). В качестве знака может выступать любое, имеющее значение и служащее средством передачи смысла, материальное выражение, отсылающее сознание к другому предмету.

Термин «нелингвистический знак» может быть успешно и оправданно заменен термином Клайва Белла «значимая форма» («significant form»), понимая под ней форму, способную передавать значение или чувство [192], или пирсовским понятием «репрезентамент» («representament») [134].

Итак, знаки отличаются материальным носителем. Какова же специфика нелингвистических знаконосителей?

2.2.1. *Полисенсорность.* Органы чувств – это единственный канал, который непосредственно связывает человека с внешним миром, и без органов чувств человек не способен ни к познанию, ни к мышлению. Современная цивилизация, стремясь манипулировать человеком, устроила настоящую атаку на все органы чувств. В качестве приманки, для того, чтобы заманить в перцептуальную ловушку, используются иконические знаки. Реципиентом, к которому направлен невербальный знак и которым соответственно переживается его воздействие, является человеческое тело. «Светящаяся живость экрана вызывает перцептуальную зачарованность, порабощение» [166, с.96]. М. Маклюэн считает телевидение «прохладным» средством, включающим в действие сразу все чувства. Известное изречение Маклюэна «The Medium is the Message», в дословном переводе означает «средство является сообщением». Это высказывание представляет собой квинтэссенцию его теории коммуникации, согласно которой телевидение представляется как тактильное средство, осуществляющее воздействие на систему чувств человека не содержанием информации, а способом ее передачи. Всякое коммуникативное средство несет, кроме текста, еще некое «плюс сообщение» – нашему глазу, уху, нервной системе [106].

Более сенсорная нежели интеллектуальная, невербалика становится инструментом прямого воздействия на рецепторы. Невербалика как средство

взаимодействия за пределами дискурсивного употребления понятий, языка и слов, устанавливает связь, посредством которой чувства, переживания, ощущения (не смыслы) «переливаются» от тела к телу. При контакте с нелингвистическим знаком реципиент не столько рефлексирует (созерцает его), но ощупывает глазом, слухом, а иногда и тактильно. Мощный потенциал нелингвистического знака в том, что он задействует все основные сенсорные каналы: визуальный, аудитивный (аудиально-тональный), тактильный, кинестетический, олфакторный, обеспечивая *полисенсорное* взаимодействия человека с внешним миром. Акустический канал невербальной коммуникации, по которому поступает паравербальная информация, функционирует на основе слуха. Оптический канал, транслирующий мимическую и кинесическую информации, формируется на основе зрения. Тактильный канал несловесной практики работает на основе осязания, ольфакторный канал – на основе обоняния, хронемический канал связан с категориями понимания, отношения и использования временного аспекта коммуникации. Все вышеобозначенные элементы единого комплекса невербальной коммуникации тесно взаимосвязаны. Многоканальность передачи информации улучшает ее усвоение и запоминание.

Нейролингвистическое программирование предложило, что человек получает информацию по ряду коммуникативных каналов (аудио, визуальный и т. д.), но ведущим у человека может быть тот или иной доминирующий канал коммуникации. Задолго до появления науки «нейро-лингвистического программирования» П. Флоренский попытался связать устремление к католицизму или протестантизму со зрительным или слуховым психологическими типами: «”Католики”, т. е. католичествующие, — люди зрительного типа, а “протестанты”, т. е. протестантствующие, — слухового. Православие же есть гармония, гармоническое равновесие того и другого, зрительного и слухового типа. И потому в православии пение столь же совершенно онтологично, как и искусство изобразительное — живопись» [165 с.38].

Полисенсорная природа невербального общения обеспечивает не только возможность восприятия человеком практически всех биологически и социально значимых видов информации внешнего мира, но и большую телесно-чувственную захваченность. Нелингвистические знаки в силу чувственной материальности своего носителя, активируют телесность, до-индивидуальное, до-вербальное, до-социальное измерение, через которое поступает вся первичная информация о предметах и явлениях внешнего мира необходимая для дальнейшего рационального познания.

2.2.2. *Эмоциональность*. Лингвистическая информация, которая обращена к левому полушарию, в большей степени апеллирует к сознанию человека, к его рационально-логической сфере. Нелингвистическая информация, которая обращена к правому полушарию, в большей степени адресуется к эмоционально-образной сфере человека и к его подсознанию. Другими словами, вербальные компоненты оказывают воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение). Убеждение связано с вполне осознанными процессами понимания и восприятия информации. Убеждают при помощи логики, доказательств, демонстрации значений обсуждаемых явлений, логически обоснованной аргументации т. е. дискурсивно, при помощи слов (to convince). Возбуждают, вызывают чувства, эмоциональный отклик, переживания при помощи значимой формы без всякого содержания. Невербальные компоненты (например, интонационно-тембровое сопровождение слов, ритм) воздействуют на сознание через эмоциональную сферу, вовлекают в коммуникацию чувственные и иррациональные компоненты сознания, к тому же, оказывают скрытое воздействие на подсознание (суггестия), что создает благоприятные условия для реализации манипулятивных стратегий (to persuade). Посредством визуальных коммуникаций (невербальных знаков с высоким сигнализирующим значением), способных подсознательно воздействовать на глубинные слои личности, легче проводить стратегию не убеждения, а вовлечения [184]. Несмотря на то, что в любой области

человеческой деятельности невербальные средства занимают «вторичный план», они выполняют функцию воздействия с большей эффективностью. Информация в невербализованном виде используется медиатехнологами как более действенная по сравнению с информацией в форме слова. Эффект большинства посланий создается именно невербальной информацией. Такие невербальные факторы (элементы) как походка, выражение лица, взгляд, манеры держаться, стиль одежды, особый характер акустического строения вокальной речи являются не столько средством более адекватной передачи реального факта, сколько средством более сильного воздействия.

Общение включает в себя определенные способы воздействия индивидов друг на друга, ориентированные на подсознательный уровень психических процессов человека. Основные из них – это заражение, внушение, подражание [145]. Если внушение носит вербальный характер, т. е. осуществляется посредством речевого сообщения, то заражение и подражание, напротив, носят, как правило, невербальный характер. Заражение и подражание – являются особыми наиболее характерными приёмами манипулятивного, а не коммуникативного воздействия. Идеология в целях эффективного информационного воздействия прибегает не столько к логически обоснованной аргументации, сколько к технике не-словесно выраженного контекстуального «намека», т. е. к помощи невербальных конструкций, воздействующих на эмоциональную сферу. Нелингвистическое означающее проникает через все коммуникативные каналы (визуальный, тактильный, аудиальный и др.) в подсознательные слои, чтобы функционировать там и магически программировать поведение на обратную связь, немедленную эмоциональную реакцию (чтобы искусственно стимулируя эмоции – чувства радости, горя, гнева, любовно-сексуальных переживаний и др. – формировать определенную психологическую установку) [43].

Таким образом, важнейшая роль в формировании и развитии эмоциональных состояний принадлежит паралингвистическим и

экстралингвистическим средствам общения, в которых экспрессивная и фатическая функции преобладают над информативной.

Нелингвистический знак в силу своей обращенности к правому полушарию обладает не столько убеждающей силой (рациональной), сколько неотразимостью заразительного воздействия. В этом плане говорят о чарующем, гипнотическом, суггестивном воздействии невербальной информации, невольно вызывающей у адресата психо-эмоциональную вовлеченность и телесно-чувственную захваченность**.** Втягивая человека в игру нелингвистических образов, провоцирующую аффекты, чувства, желания, общество добивается послушания гораздо более эффективно, чем прямыми запретами в лингвистической форме [140].

Таким образом, в рамках семиологии как науки о знаках сформированы два базовых подхода к пониманию специфики невербалики – лингвистический и собственно семиотический. В своем исследовании специфики невербалики мы опирались на лингво-семиотический подход, который учитывает особенности невербального языка и его исходной базой является речевая деятельность, а не абстрагированная система знаков.

Лингво-семиотическая модель анализа языковых (коммуникативных) феноменов позволила выявить специфику невербальных знаков. Во-первых, невербальные знаки являются чувственно-воспринимаемым, наглядным материалом, который осуществляет воздействие на систему чувств человека не только содержанием информации, но и способом ее передачи, задействуя все основные сенсорные каналы: визуальный, аудитивный (аудиально-тональный), тактильный, кинестетический, ольфакторный. Во-вторых, невербальные знаки аппелируют к эмоциональной сфере, адресуются не к сознанию человека, к его рационально-логической сфере, а к эмоционально-образной сфере человека и к его подсознанию.

Социальный потенциал нелингвистического знака (информации в невербализованном виде) в том, что он, с одной стороны, в силу чувственной материальности своего носителя, обеспечивает большую телесно-чувственную захваченность, активизирует телесность, до-индивидуальное,

до-вербальное, до-социальное измерение, а, с другой стороны, в силу своего воздействия на правое полушарие мозга, несёт в себе мощный эмоциональный заряд, который вовлекает в коммуникацию чувственные и иррациональные компоненты сознания, к тому же, оказывает скрытое воздействие на подсознание, что создает благоприятные условия для реализации манипулятивных стратегий. Таким образом, нелингвистическая система построения высказывания является альтернативным медийным способом конструирования социальной реальности, рассчитанным на определенный эффект – полисенсорное чувственное воздействие, вовлекающее телесность, и эмоциональное воздействие, вызывающее заражение и подражание. Вызывая перцептуальную (сенсорную) вовлеченность, и эмоциональную зачарованность, захваченность, несловесный знак создает в современной культуре перевес чувственного над интеллектуальным.

2.3. Коды в нелингвистических знаковых системах. Конвенции и интерпретации

В определенном смысле все средства передачи социальной информации могут быть охарактеризованы как языки, если относить к ним не только универсальные, «лингвистические» знаковые системы, но и надстраивающиеся над ними «языки». Нелингвистическая семиотическая система знаков с заданной интерсубъективной семантикой, которая не является природным, априори заданным человеку свойством, а формируется во взаимодействиях совместно живущих людей, квалифицируется нами в некотором смысле как «язык без слов».

Мы подчеркиваем относительный характер определений нелингвистической знаковой системы как языка. Типичные свойства языка связаны с тем, что он, как особый способ выражения, может быть «описан» только посредством модели, содержащей не один, а два перечня: перечень разрешенных комбинаций элементов («грамматика» или совокупность

«правил») и перечень разрешенных элементов, которые представляют собой «алфавит» или «словарь» [113, с.238]. О «языке» можно говорить при наличии словаря и грамматики.

Рассмотрим самую известную разновидность недискурсивного символа – изображение. Во-первых, в несловесном медиуме отсутствует словарь, нет универсальных строительных элементов, нет единицы, соответствующей слову. Подобно языку оно (изображение) состоит из элементов, представляющих в объекте разнообразные относительные составляющие; но эти элементы не являются единицами, обладающими независимым значением. Участки света и тени, составляющие портрет или, например, фотографию, сами по себе никакого значения не имеют. В отдельности мы можем считать их просто пятнами. Однако они являются несомненными представителями визуальных элементов, составляющих наблюдаемый объект [96]. Все естественные языки состоят из относительно стабильных и дискретных единиц, в случае невербальной коммуникации выделение единиц «семантически значимой информации» (значимой единицы аналогичной слову или морфеме) затруднено. Однако различные попытки решения этой задачи предпринимались. В частности, шведский ученый К. Бирдвистл предложил выделить единицу телодвижений человека – кин, или кинему (по аналогии с фонемой в лингвистике). Из кинем образуются кине-морфы (нечто подобное фразам), которые и воспринимаются в ситуации общения [195]. Было построено немало своего рода «словарей» кинов. Однако удовлетворительный словарь телодвижений создать в итоге не удалось [159]. «Выявилась очевидная невозможность воплотить одномоментные динамические смысловые системы личности в дискретных «бездушных» значениях разного рода словарей» [162, с.11]**.** Очевидно, символика со столь многими элементами, с мириадами отношений между ними не может быть разбита на базовые единицы. Невозможно найти мельчайший независимый символ и идентифицировать его, в то время как такая же единица встречается в других контекстах. Нелингвистические знаки, так же как и лингвистические, обладают значением, но в отличие от последних они, как

правило, не фиксируются ни в каких толковых словарях. Итак, несловесный медиум не имеет лексики (словаря), если понимать под нею конечный список фиксированных элементов. Нет и не может быть определенного словаря нелингвистических знаков, т. е. унификации элементов, подобной алфавиту вербального языка, ибо они (нелингвистические элементы) наделены функцией и приобретают смысл только в системе каждого конкретного текста и не могут быть вычленены из последнего без утери важнейших свойств. Поэтому попытки создать алфавит и словарь нелингвистического языка, который служил бы ключом к этой реальности, были безуспешны.

Невербальные сообщения не имеют определенного словаря знаков подобно вербальной системе, но они включают разнообразные элементы, множество разнородных единиц и их организацию по правилам определенной медиальной грамматики [166]. Грамматика – это правила, согласно которым знаковые элементы располагаются, образуя значимые фразы и предложения. В невербальной знаковой системе присутствует грамматика, однако она радикально отличается от грамматики естественного языка. По Джеймсу Монако, «у фильма нет грамматики», и он предлагает критический анализ правдоподобных аналогий между техниками фильма и грамматикой естественного языка [209]. Кристиан Метц считает грамматику кино не собственно грамматикой, а скорее риторикой, поскольку здесь минимальная единица (план) не является определенной, а правила касаются скорее крупных единиц [114, с.102–135]. Относительно «языка без слов» правильнее было бы говорить о технике, а не грамматике. Техника «языка без слов» – это то, как передается содержание, как используются различные комбинации нелингвистических элементов для его творческого выражения. Весь механизм сопоставлений и различий, связывающий нелингвистические знаки в повествование, может быть охарактеризован как принадлежащий технике «языка без слов». «Существует, конечно, техника изображаемых объектов, но закон, управляющий этой техникой, не может надлежащим образом называться «синтаксисом», так как не существует никаких

предметов, которые могли бы называться в метафорическом смысле «словами» портретной живописи» [96, с.67].

Таким образом, получается, что хотя на различные средства невербального воспроизведения часто ссылаются как на ясные «языки», в действительности они не являются жестко фиксированными знаковыми системами, в которых из условных обозначений при помощи грамматических правил строятся осмысленные лексические единицы и предложения.

«Язык без слов» или «презентативная символика» существенно отличается от дискурсивной символики, или собственно «языка» т. к. не имеет словаря и грамматики. Поскольку невозможно выделить минимальную единицу, которая находила бы непосредственное выражение в том или ином нелингвистическом знаковом средстве и невозможно обозначить правила их организации (правила определенной медиальной грамматики), можно утверждать, что нет «языка без слов» как абстрагированной системы, со своими знаковыми элементами и способами их организации.

Однако, любое несловесное сообщение не может осуществляться без понимания, а это означает, что оно неизбежно пользуется неким *кодом* для шифровки своих сообщений. Невербальная коммуникация означает соблюдение неких общих конвенций визуальной, аудиальной репрезентации, обеспечивающих полноту информации и гарантирующих ее «правильное» прочтение. Мы отбираем нелингвистические ресурсы, организовываем нелингвистический материал (недискурсивные символы), следуя определенным законам этой формы взаимодействия, которые не изучены, не прописаны в словарях, но интуитивно постигаются. Люди разных культур вырабатывают собственные правила относительно того, как строить свое невербальное взаимодействие.

Все элементы невербального со-общения сами по себе знаками не являются (т. к. не имеют точного собственного значения), но будучи наделенными значением, *образуют значимые формы*. Мы распознаем сообщение (изображение), пользуясь кодом узнавания. Невербальное сообщение как система означаемых оказывается некой значащей (пустой)

формой, которой приписываются самые разнообразные значения, которая наделяется смыслом на основе того или иного кода. Значащая форма остается неизменной, но значение изменяется в зависимости от того, каким кодом пользуются. Само по себе значение не фиксировано в визуальных образах, а приписывается им в рамках определенной культурной конвенции, то есть реляционно и культурно детерминировано. Другими словами, пространство невербальных знаков всегда подчиняется определённой коду, в отличие от рефлекторных реакций, которые могут казаться нам полностью абсурдными. Каждая из систем невербальной коммуникации использует свою собственную знаковую систему, которая не может быть описана с точки зрения грамматики и лексики, но которую можно рассмотреть как определенный код. Виктор Бургин (Берджин) в своей книге «Осмысляя фотографию» утверждает, что нет и не может быть «грамматики» и «лексики» невербального медиума, скорее, гетерогенный комплекс кодов, на которых может основываться бессловесное сообщение [198]. Отличие вербальной, дискурсивной и невербальной, презентативной символики заключается в том, что первая обладает своим словарем, своим синтаксисом, а вторая — кодом.

Под кодами в данном случае будем понимать, с одной стороны, «те формы, [...] через которые идет возникновение смыслов текста, [т. е.] пути смыслообразования» [124, с.534], а с другой стороны — «систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов), и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилами комбинаторики, определяющими порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) выстроены синтагматически» [183, с.280]. Код представляет собой определенную структуру правил означивания, имеющую свою историю (т. е. отсылающую к пра-текстам) и конституирующую определенную неравновероятностную конфигурацию содержания. В семиотическом истолковании *код – это конвенциональная система знаков*, т. е. является плодом общественной договоренности

(конвенции), утверждается и канонизируется данным социумом. Отсюда становится видна решающая роль текущих социо-культурных конвенций в процессе продуцирования значений. Культура представляет собой своеобразную кодифицирующую систему, организующую наше понимание и взаимопонимание в социуме посредством формирования конкретных «смысловых образцов».

Мы отмечаем существование специального и уникального нелингвистического кода (отличного от лингвистического), который управляет схемами восприятия, обменами, формами выражения и воспроизведения. Этот код не менее важный, нежели лингвистический. Люди другой культуры кроме владения специфическим вербальным языком владеют своим собственным невербальным кодом. В любом общении всегда присутствуют вербальный язык и невербальный код. Организация всех компонент речевого события и акта коммуникации в целом определяется избранным для этого кодом. Ла Барр приводит пример переговоров при помощи пятитональной флейты, которой пользуются индейцы Южной Америки. «Речь идет о существовании некоего постлингвистического кода, в случае перевода словесных сообщений в чисто тональные, например, на язык барабанной дроби или свиста» [183, с.281]. «Информация передается не одним, а двумя передатчиками, и принимается двумя приемниками, настроенными на лингвистический и на некий до-лингвистический код соответственно» [183, с.281]**.** Так же как вербальное сообщение мы можем прочитать, владея языком, на котором оно написано, если участник коммуникации владеет соответствующим кодом, ему остается лишь «расшифровать» конкретное невербальное сообщение и придать определенное смысловое выражение. Иными словами, выявление значения, зашифрованного в знаковом сообщении, осуществляется путем *декодирования*. Без более или менее устойчивого кода невозможно взаимодействие. Даже если жесты и тоны голоса не имеют сложившегося формализуемого значения, они в любом случае понимаются как условные сигналы, ориентирующие адресата на тот или иной коннотативный код,

дешифрующий несловесное сообщение, и, стало быть, их роль указателей кода семиологически очень важна. Медиа сообщение, согласно Эко, «есть комплекс знаковых средств, построенных на основе одного или более кодов с целью передачи определенных смыслов, и поддающихся интерпретации и интерпретируемых на основе этих же или других кодов» [182, с.35]. Мы полагаем, что существует множество нелингвистических кодов, посредством которых формируется многоуровневая структура кодирования визуальных, аудиальных, тактильных сообщений. Собственно невербальное сообщение создается при помощи нелингвистических кодов, к числу которых относятся тактильные, вкусовые, сенсорные, визуальные, аудиальные.

Знание кода достигается как «генетически», так и путем научения. С одной стороны, нелингвистический код понимается интуитивно, интуитивно схватывается теми, кто им пользуется, живя в данном обществе. Как в речи мы пользуемся синтаксисом, специально о нем не думая и не всегда будучи в состоянии сформулировать правила, которые неосознанно соблюдаем. Мы выучиваем свойственные культуре (специфические для культуры) законы, неформальный свод законов, управляющий невербальным поведением, точно так же, как мы усваиваем вербальный язык. В то время как большая часть нашего сознательного внимания тратится на восприятие и интерпретацию слов и форм языка, употребляемых нами и другими людьми, считывать и интерпретировать очень важные невербальные составляющие мы учимся, в основном, бессознательно и автоматически. Невербальные «слова» произносятся молча, а процессы их интерпретации бессознательны и автоматичны. В повседневном взаимодействии, когда люди говорят и действуют, они локально придают смысл тому, что воспринимают, интерпретируют вещи как знаки в значительной степени бессознательно, связывая их со знакомыми системами конвенций, усвоенными в ходе социализации. С другой стороны, распознавание нелингвистических кодов во многом зависит не только от культурного кругозора и интуиции (чутья) интерпретатора (воспринимающего), но и требует для своего понимания специального обучения, специальной подготовки. Не будучи всем доступным

и понятным, нелингвистический код необходимо изучать, чтобы читать «бессловесный язык» и эффективно взаимодействовать. Конвенциональная природа кодов как варьирующихся наборов условностей, действующих исключительно в силу договоренности между сторонами отправителя и получателя значит, что они должны быть изучены. Таким образом, некоторые семиотики говорят об обучении «чтения» фотографий, телевидения или фильмов, изучения конвенциональных систем в кино, комиксах, в произведениях живописи. Создаются специальные дисциплины с целью истолкования и объяснения нелингвистического кода, используемого в коммуникации особого рода.

К 50-м годам XX в. в результате объединенных усилий американских антропологов, психоаналитиков и психологов была намечена новая сфера исследований: жестовое поведение как код особого рода. Новая наука о жестовости, изучающая суперсегментные свойства (тоны голоса) и факультативные варианты, дополняющие словесное общение и представляющие собой системы конвенций, которые, даже считаясь «естественными», все же поддаются какой-то систематизации, называется *паралингвистикой*. Возникшая в недрах семиотических исследований, паралингвистика (от греч. para «около»), является новой языковедческой семиотической и лингвистической дисциплиной. В настоящее время название «паралингвистика» прочно утвердилось в языкознании для обозначения отрасли науки, занимающейся в целом сферой несловесной коммуникации. Представителем паралингвистического направления является Дж. Трейгер. Понятие паралингвистики было введено в конце 1940-х гг. американским лингвистом А. Хиллом, однако соответствующие явления привлекли внимание советского языковеда Н.В. Юшманова ещё в 1930-х годах, о чём свидетельствует его работа «Экстранормальная фонетика» [36].

Обычно к паралингвистике причисляют и кинесику, которая понимается как изучение жестов и телодвижений, наделенных конвенциональной значимостью. Рождение американской кинесики связано с работами Ф. Боаса, Д. Эфрона, У.Ла Бара, Б. Малиновского, М. Мид,

Л. Блумфилда, Д. Трейджера, П. Смита, Э. Сепира. Кинесика, выступающая в качестве разновидности лингвистической антропологии, упорядочивает и истолковывает совокупность базовых данных (значимых жестов, мимических и пантомимических движений, иначе говоря, кинем), как некий специфический код. «Кинесика как методология изучает коммуникативные аспекты заученных и структурированных телодвижений как частей человеческого поведения» – пишет американский кинесиолог Рей Бердуистел [195]. Антрополог Р. Бердуистел, который изучал, как люди общаются через позы, жесты, позиции и движения, предложил свой подход к невербальной интеракции с позиций структурного анализа. Его книга «Введение в кинесику» знаменовала собой начало структурного анализа телодвижений.

В последнее время принято более узко специализировать объекты исследования невербалики. Появился целый ряд самостоятельных направлений научного поиска в специальных областях психологии невербального поведения: проксемика, такесика, окулесика, гаптика, гастика, ольфакция, хронемика, и др. Задачей этих дисциплин является кодификация нелингвистических феноменов, т. е. сведение их в некую систему в качестве единиц значения (организация этих «конфигураций» или «экспрессивных» феноменов в систему конвенций или значащих оппозиций). Находящаяся в стадии своего становления в качестве отдельной науки проксемика, например, «исследует каким образом субъект жестикуляции организует свое пространство, предстающее как система, кодируемая в процессе коммуникации» [89, с.114-135]. Основатель проксемики Э. Холл называет проксемику «пространственной психологией» [204].

Таким образом, паралингвистические элементы подчиняются полностью или частично коду особого рода. Пока еще невозможно утверждать, что нелингвистический код (код «языка без слов») разработан так же совершенно, как вербальный, его «законы» еще не открыты, а «правила», которым подчиняется невербальное поведение, пока еще не удалось выявить. Про язык одежды Барт сказал: «всем известный, но еще никем не изученный язык» [19, с.59].

В чем же специфика нелингвистического кода? Во-первых: «каждый внеязыковой код, – говорит Барт, – функционирует только через посредство естественного языка, а потому наука о языке поглощает в себе изучение всех этих кодов» [20, с.54]. Он даже сделал известный вывод о семиотике как части лингвистики. Современное общество представляется французскому мыслителю в высшей степени цивилизацией языка, речи и письма, где все предметы не только выполняют ту или иную функцию, но и становятся значащими, символическими системами, каковыми их делает язык, выступая для них «не только моделью смысла, но и его фундаментом». Язык охватывает и пронизывает все предметы и явления, и вне его нет ничего: «язык – повсюду, все есть язык» [20, с.9]. Барт определяет культуру как «поле дисперсии языков». Во-вторых: важное свойство иконических кодов, по мнению Эко, состоит в том, что это (и здесь также очевидно их отличие от вербальных кодов) коды наиболее слабые и неустойчивые, переходного характера, постоянно трансформируемые, ограниченные узкими рамками восприятия отдельных лиц. Эко считает «язык без слов» очень неустойчивой системой, которая постоянно трансформирует правила коммуникации, а посему опирается на «слабые коды временного характера, которые, часто видоизменяясь, все равно существуют» [183, с.282].

Понятие кода, трактуемое достаточно широко, с необходимостью предполагает идею упорядоченности и артикулированности, что в то же время не означает тотального детерминизма. Эко считает, что при восприятии иконических сообщений мы имеем дело с вереницей идиолектов — специфических кодов данного произведения, создающих ситуации неоднозначности на всех его уровнях. Идиолекты предлагают возможность множественности интерпретаций предлагаемого изображения [183]. Не предполагая взаимооднозначного соответствия невербального элемента какому-то одному означаемому (из-за неопределенности значения жестового знака, его полисемии), «язык без слов» нуждается в истолковании, требует не столько декодирования, однозначного для всех, владеющих данным языковым кодом, сколько поддаётся лишь той или иной интерпретации.

Интерпретация предполагает не однозначно-объективное, вневременное декодирование со стороны дешифровщика, но бесконечное множество исторически изменчивых прочтений со стороны интерпретатора. В этом контексте читатель конституируется как фигура декодировщика, дешифровщика невербального текста. Процесс дешифровки невербального текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер**.** Многозначные, полисемичные невербальные сообщения постоянно заставляют сомневаться в самом наличии кода. «Если мы не обнаруживаем этого кода, это отнюдь не означает, что его нет – просто его предстоит найти» [137, с.405].

Значения отдельных элементов «языка без слов» рождаются в процессе их интерпретации и не существуют вне его. Невербальное взаимодействие не имеет того же уровня кодификации, в нём часто сообщение создается совместно с кодом. По убеждению Барта, большинство невербальных сообщений вообще не управляется никакими предустановленными кодами, правилами. Эти правила создаются вместе с сообщением. Барт приходит к выводу, что «знаки иконического сообщения не черпаются из некоей кладовой знаков, они не принадлежат какому-то определенному коду, в результате чего мы оказываемся перед лицом парадоксального феномена... – перед лицом сообщения без кода» [20, с.301]. Об этом же говорят и исследователи киноязыка: «если деятельность писателя – это чисто художественное творчество, то деятельность автора фильма – творчество вначале лингвистическое, а уже потом художественное» [130, с.48]. При создании или восприятии невербальных высказываний мы вынуждены вырабатывать собственный код, устанавливать в конечном счете новый код, в котором адресату или адресанту надлежит разобраться. Произведение этого нового кода происходит благодаря системе уже сложившихся кодов. Невербальные сообщения (картины, здания, скульптуры, театральные постановки) «создают столь необычные соотношения между знаками, что приходится всякий раз искать новый код и даже применять новые процедуры поиска и расшифровки этого кода» [137, с.22 Артикуляция тройная].

Бахтин утверждает, что «Семиотика занята преимущественно передачей готового сообщения с помощью готового кода. В живой же речи сообщение, строго говоря, впервые создается в процессе передачи и никакого кода, в сущности, нет» [23, с.103]. Говоря о коде, он противопоставляет его понятию «контекст», который, в отличие от кода, является открытым и бесконечным: «Контекст потенциально незавершим, код должен быть завершимым. Код — только техническое средство информации, он не имеет познавательного творческого значения. Код — нарочито установленный, умерщвленный творческий контекст» [23, с.103].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что «язык без слов» не является языком в собственном смысле слова, а представляет собой речевую деятельность, разновидность несловесной речи (речевое действие), процесс высказывания-говорения, а также «сигнификативную практику» (практику означивания), нелингвистическую смыслообразующую процедуру, стратегию смыслопорождения, нелингвистическую означивающую практику («письмо»), лежащую в основе «со-в-местного» существования. «Разумеется, – пишет Ю. Кристева – жест передает некое сообщение в рамках данной группы людей, и лишь в этом смысле его можно назвать «речью»; однако жест есть не столько готовое, наличное сообщение, сколько процесс его выработки (процесс, который он сам же и позволяет проследить); жест есть работа, предшествующая созданию знака (смысла) в ходе коммуникации» [89, с.114].

«Язык без слов» выполняет в рамках высказывания и текста те же основные функции коммуникации, что и вербальный: информационную, экспрессивную (эмотивную или эмоционально-экспрессивную), прагматическую и другие специализированные: регулятивную, фатическую (контактоустанавливающую), эстетическую, апеллятивную, побудительную, волеизъявительную, ритуальную, перформативную, иллюстративную, дейктическую, риторическую, оценочную, акциональную.

Эмотивная (экспрессивная) функция связана с адресантом и имеет целью выражение его отношения к тому, что он говорит. Конативная

функция отражает ориентацию на адресата. Она выражает непосредственное воздействие на собеседника. Фатическая функция сориентирована на контакт, для нее важна не передача информации, а поддержание контакта. Поэтическая функция направлена на сообщение (внимание к форме, не к содержанию). Референтивная (денотативная, когнитивная) функция сориентирована на контекст и представляет собой отсылку на объект, о котором идет речь в сообщении [190, с.198]. Так, в словесном сообщении может содержаться экспрессивная или прагматическая функция, а в визуальном (изобразительном) – эстетическая.

Таким образом, мы приходим к выводу, что поскольку «язык без слов» не имеет четкого словаря, являясь «открытой системой» и не имеет грамматики, скорее технику, мы не можем квалифицировать набор нелингвистических знаков как язык в собственном смысле слова. Не существует совокупности нелингвистических знаков (элементов), находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную знаковую систему, выполняющую познавательную и коммуникативную функцию. В связи с чем, в методических целях необходимо сохранять название «языка» за словесным медиумом, а несловесный медиум трактовать как особый тип письма. В этом плане, феномен невербального языка предстает не фиксированной, завершенной семиотической системой значений, абстрагированной системой знаков, а динамичной, актуальной практикой означивания с бесконечной процессуальностью смыслопорождения, речевой деятельностью, возникающей и развивающейся в контексте социальных взаимодействий, конституированной сознательными и бессознательными элементами и выполняющей в рамках высказывания и текста те же основные функции коммуникации, что и словесный язык. «Язык без слов» – это процесс говорения – процесс оформления мыслей, эмоций, воли или любых других актов или состояний сознания нелингвистическими средствами, это «речь без языка», построенная на основе своего собственного кода. Нелингвистический код, во-первых, функционирует только через посредство естественного языка

(основывается на лингвистическом, т. е. не обладает автономией), а во-вторых, является более слабым, подвижным, неустойчивым или каждый раз заново создаваемым. «Речь без языка» — это неустойчивая, искаженная структура, параструктура.

2.4. Нелингвистическая реальность социума: игровые конструкты интеракций и манипуляций

Люди погружены в поток разрозненных, в принципе никак иерархически неупорядоченных невербальных сообщений, в процессуальность плюральных игр нелингвистического означающего. Их телодвижения, выражение лица, манера речи, эмоции, стиль одежды, увлечения, привязанности, осознанные и подсознательные поступки и убеждения, обстановка, рекламные плакаты, внутренний и внешний дизайн – все это беспрестанно посылает невербальные сигналы.

Любая нелингвистическая передача смысла есть *операция означивания*. Процесс нелингвистического означивания не описывает, не отражает то, что есть, а провоцирует, подталкивает, инициирует, совращает, порождает на свет то, чего еще нет. Неязыковые ресурсы позволяют не просто описывать какую-либо ситуацию внешнего мира, но и интерпретировать ее, задавая нужное видение мира, управлять восприятием ситуации и навязывать ее положительную или отрицательную оценку. Медийная трансляция, строго говоря, не передает, а производит. Можно говорить не об отражении невербальными структурами некого смысла, а о его конструировании. Любая презентация (трансляция**)** смыслов есть на самом деле их изобретение. Невербальная репрезентация не означает переход от чувственного к лежащему «за ним» смыслу, а представляет возможность проявиться смыслу из самого чувственного воплощения. Нелингвистический медиум стремится проявить смыслы в семантических эффектах, аллюзиях, аналогиях, ассоциациях.

В феномене невербального медиума мы усматриваем властный механизм, конституирующий особую, отличную от символического языкового мира нелингвистическую реальность, пара-дискурсивную, сверх-дискурсивную, в которую погружен человек. Иной нелингвистический вариант мира – нелингвистическая семиотическая реальность – является продуктом осуществляемых нелингвистических «сигнификативных практик» (практик означивания), нелингвистических смыслообразующих процедур.

Способ функционирования и конструирования не-лингвистической реальности коренным образом отличается от лингвистической системы репрезентации. В качестве опорного элемента такой медийной конструкции выступает чувственный (аудиально-визуально-тактильный) образ (пластическая, графическая, музыкальная или иная репрезентация), который становится необходимым конституирующим механизмом (и – одновременно – материалом).

В пространстве обмена нелингвистических знаков, в котором со-общение (получение основной массы информации) осуществляется не формально-логическими конструкциями, но какими-то иными «гештальтами», энергетическими квантами, визуальными образами, невозможна (рациональная) коммуникация**.** Под процессом коммуникации, в первую очередь, подразумевается смысловой аспект. Коммуникативная деятельность, как известно, представляет собой движение смыслов в социальном пространстве. Процесс, предстающий в виде коммуникации – это обмен знаками, обмен значениями. Соответственно, коммуникация становится возможной за счет создания людьми общих знаковых (понятийных) символов**.** Хотя невербальное общение представляет собой непосредственный канал передачи конкретных, вполне определенных смысловых ассоциаций и чувственных переживаний, т. е. основано на смыслах, а не стимулах, понятие «невербальная коммуникация» кажется в этом случае не очень уместным. Дело в том, что, во-первых, при языковом (словесном) общении процесс передачи и приема информации осознается обеими сторонами, тогда как при невербальном осуществляется на

бессознательном или подсознательном уровнях. Невербальное сообщение определенно несет информацию, однако она может не осознаваться индивидом, не являться объектом рефлексии, воздействуя на подсознание, поэтому эффект невербального сообщения иного рода и менее заметен для реципиента. В случае невербального сообщения мы постоянно сталкиваемся с тем, что не покрывается областью сознательного и рационального в общении. В отличие от языка слов, «язык без слов» используется большинством людей не вполне осознанно. Невербальные единицы несут в себе гораздо меньше доступной осознанию информации, нежели вербальные, содержат имплицитную информацию, которая не воспринимается столь же сознательно и критично, как информация, представленная в вербализованном виде. Во-вторых, коммуникация определяется сознательным намерением адресанта сообщить нечто адресату и столь же сознательной готовностью последнего воспринять это сообщение, осуществляющееся с помощью знаков. Лингвистический знак производится намеренно, с сознательной целью сообщить нечто другому. Подавляющее большинство нелингвистических знаков, к которым прибегает человек при общении с другими людьми, применяются неинтенционально, неумышленно, непроизвольно т. е. без понимания того, что эти знаки произведут определенное действие. Знаки-индексы возникают непроизвольно, несознательно используются в качестве средств выражения чувств, отношений к окружающим вещам, к собеседнику и т. д. У человека примером индекса будет покраснение лица, выступающее симптомом смущения. Индексом являются такие непроизвольные проявления удрученности, как опущенные плечи, сгорбленная спина; человек, пребывающий в подобном состоянии, далеко не всегда осознает «знаковость» своей осанки [138]. Очевидно, что нелингвистические знаки в большинстве своем вовсе не предназначены для открытых целей коммуникации и потому не выполняют важнейшей (с точки зрения функционализма) языковой функции – коммуникативной. Влюбленный, читающий невольные знаки, подаваемые любимым человеком, гадатель,

толкующий приметы – примеры знаковой деятельности без коммуникации [20]. Знаковая деятельность без коммуникации представлена в теории «уликовой парадигмы» К. Гинзбурга (охотник, сыщик, врач-диагност – чтение следов, улик, симптомов, мелких, случайных, бросовых знаков-признаков, которые не связаны с кодом, никем не отправлены) [53, с.189–241]. В учении А. Щюца об «интенциональности» понимающего действия само «понимающее действие» подразделяется на два вида: один — не имеющий своей целью коммуникацию и другой — совершаемый с целью коммуникации. «Примером первого может служить «рубка дерева». Скажем, я наблюдаю за другим субъектом, занятым заготовкой дров. Примером второго является «беседа» между двумя субъектами: «Я» и «другим Я» [180]. Невербальные сообщения являются не коммуникативными, а знаковыми феноменами. По причине того, что знаковые системы, осуществляющие задачи отличные от коммуникативных, должны быть исключены из области подлинной семиологии, семиология Барта была объявлена Ж. Мунен «некорректной» по самой своей сути [20]. В интерпретации Лангер искусство, в особенности музыка, превращается в арсенал абстрактных, символических форм и перестает быть языком общения. Поскольку искусство относится к недискурсивному типу символизма, оно принципиально не переводится на язык рациональной логики и имеет скорее экспрессивную, чем коммуникативную функцию.

Итак, «все определения коммуникации в той или иной степени включают в себя такие ее характеристики, как осознанность и интенциональность» [137, с.930 Язык тела]. Если согласиться с этими доводами, то применительно к нелингвистическим знакам (когда речь идет о невербальном взаимодействии) будет корректнее использовать понятие «невербальная интеракция».

Для наших целей более продуктивным будет условно выделять во взаимодействии три стороны: коммуникативную (лингвистическую), интерактивную (нелингвистическую) и перцептивную. Разделение взаимодействия на отдельные составляющие в определенной степени

условно, поскольку на практике они, как правило, тесно связаны друг с другом.

Перцептивная сторона взаимодействия – это взаимодействие на основе стимулов, перцептивно-моторное, рефлекторное поведение. Это уровень аффективных интенсивностей, предшествующих значению, пресемиотический уровень.

Коммуникативная сторона взаимодействия – это сознательное, интенциональное, рациональное использование лингвистических знаков. Коммуникация требует, прежде всего, словесной фиксации, т. е. осуществляется в дискурсивной форме, с помощью логических категорий, рассудочных понятий и, следовательно, может стать предметом критической рефлексии (предметом контроля, проверки). Само коммуникативное взаимодействие рассматривается как осознанное и рациональное. Отличительной особенностью коммуникации является ее рациональный характер. Рациональное следует понимать как рефлексивное (вербализованное), существующее посредством вербальных форм коммуникации. Коммуникация возможна лишь при условии, что информация не просто принята, но и понята, осмыслена. Суть коммуникативного процесса – не просто взаимное информирование, но совместное постижение предмета. Хабермас убежден в том, что именно в коммуникативном действии, ориентированном на понимание и взаимное признание притязаний на значимость, язык находит то применение, для которого он фундаментально предназначен [170]. В монографии украинского языковеда Скубашевской О.С. рассмотрена роль языковых стратегий в достижении эффективной коммуникации в информационном обществе Украины [151].

Интерактивная сторона поведения представляет собой взаимодействие на основе значений, получаемых в интерпретациях нелингвистических знаков. Взаимодействие или интеракция – это условный термин, обозначающий совместную деятельность людей посредством невербальных знаковых систем, последовательность развернутых во времени реакций людей на действия друг друга. Интеракция, как и коммуникация,

состоит в совершении ряда символических действий (т. е. действий, которым приписываются определенные значения). Интеракции – это практики означивания (сигнификации), т. е. это сигнификативная деятельность, семиотическая, знаковая деятельность по передаче друг другу непонятийных смыслов, невербализуемых значений. Информация передается с помощью набора невербальных символов (статистический уровень), упорядоченных использованием кода (синтаксический уровень), для передачи значащего сообщения (семантический уровень), которое вызывает целенаправленную ответную реакцию (прагматический уровень). Так возникает *интеракция*. Любое действие совершается в поле социальных смыслов и участвует в его (поле) воспроизводстве и конструировании. В социальном взаимодействии мы имеем дело не с объектами, а с дефинициями объектов (т. е. с символами, знаками). Человек живет в мире значимостей, символов, а не только стимулов. Он действует, а не только реагирует. В основе любого знака лежит разумная (символическая), а не только инстинктивная деятельность. С точки зрения Г. Блумера, взаимодействие – это не обмен действиями, а непрерывный диалог, поскольку взаимодействие происходит тогда, когда действие еще не совершено, но намерения субъекта уже осознаны, проинтерпретированы человеком и вызвали у него соответствующие состояния, стремления и ответные реакции [196]. Интерактивная деятельность представляет собой движение непонятийных смыслов, аллюзий, ассоциаций, семантических эффектов в социальном пространстве, и результатом этой деятельности является распространение представлений (ощущений, впечатлений), формирование общественного мнения и общественных настроений и т. д.

В процессе интеракции индивиды трактуют нелингвистические сообщения (высказывания) посредством невербального мышления. Невербальное сообщение не мыслится, оно понимается. Этот род понимания непосредственно отражается в форме физической реакции, импульса и инстинкта, волевого побуждения. Поэтому невербальное сообщение может быть столь захватывающим. Имплицитная информация в нелингвистическом

виде не усваивается адресатами сознательно и критично, поэтому сила и качество эмоционального воздействия вербального и невербального сообщения будут различаться. Нелингвистический знак переводит взаимодействие из русла рационального понимания в русло эмоционального воздействия, усилив его интерактивный параметр и снизив коммуникативный параметр. Если коммуникация – это общение, основывающееся на взаимопонимании, дискуссии, то интеракция – это взаимодействие, основывающееся на взаимовоздействии. Главным психологическим законом интеракции является взаимность партнеров, наличие того, что К.С. Станиславский называл «встречным током» [155].

Доминирующей функцией нелингвистического медиума является оказание воздействия и вовлечения (установления психологического контакта с адресатом). Вербальные компоненты оказывают воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение). Убеждение связано с вполне осознанными процессами понимания и восприятия информации. Убеждают при помощи логики, доказательств, демонстрации значений обсуждаемых явлений, логически обоснованной аргументации т. е. дискурсивно, при помощи слов (to convince). Речь (слово) расценивается по сути как средство уговаривания и убеждения. Цель невербального со-общения – не убедить слушателя, оппонента в приемлемости предлагаемых прагматических интерпретаций тех или иных событий или явлений как основы для принятия решений, а принудить, подчинить, соблазнить, вовлечь.

Неслучайно современные масс-медиа, социальные институты и сами индивиды в поисках средства выражения и инструмента общественного (информационного) контроля довольно часто прибегают к использованию комплекса невербальных систем обозначения, активно оперируют изобразительными, выразительными, информативными возможностями невербального языка в целях эффективного информационного воздействия. Феномены визуальности выступают не просто сферой художественного творчества, но и средством идеологии, одним из самых эффективных

механизмов воздействия на массы. Графические символы, образные знаки с высоким сигнализирующим значением способны эффективно выражать идеи и понятия, оформлять и кодировать мысли и чувства, передавать эмоции, ощущения с большей непосредственностью, подсознательно воздействуя на глубинные слои личности.

Создавая дискурс, масс-медиа имеет возможность отбирать не- или экстра-, пара-языковые ресурсы (рисунки, фотографии, цветовое оформление, музыкальное сопровождение), с помощью которых исполняется власть. Отбор и совершенствование языковых и не-языковых медийных средств и приемов идет по принципу усиления интеллектуального, эмоционального или волевого воздействия на адресата (реципиента). В отличие, например, от власти-насилия, которая проявляет себя непосредственным образом, в том числе и в виде физического насилия, такие формы власти как доминирование, авторитет, господство, контроль и др. часто предстают опосредованно в форме достаточно ясно воспринимаемых нелингвистических знаков (символов). Медийная сфера расширяет, обновляет выразительные возможности нелингвистического медиума, увеличивает и совершенствует производительность своих медийных средств (набор символов, знаков, технических приемов, способов и технологий организации и передачи сообщений) для реализации властных интенций. В «Истории клиники» Фуко клиника — это место локализации и вербализации безумия, где формируется и функционирует специфический взгляд врача, направленный в сердцевину болезни, отыскивающий ее причину, локализующий болезнь в мертвое анатомическое тело. «Важным моментом истории клиники кажется то обстоятельство, что здесь исследуется не столько знание, сколько дисциплинарное пространство с его интерьерами и вещами: скальпель, клизма, стетоскоп и сами стены больницы как такие структуры, которые заставляют видеть, говорить, переживать и вести себя определенным, заданным больницей образом, что бесконечно важнее дискурса медицины» [110, с.270].

Нелингвистические знаки обеспечивают некоммуникативный характер универсума языковых игр, который ориентирован не на согласие, устранение различий, консенсус, но на интеракцию, принуждение, вовлечение. Интеракция сводится к несловесной передаче информации и не является процессом достижения согласия как понимания (в классическом герменевтическом смысле этого слова как реконструкции имманентного смысла любого речевого акта и текста). Интеракция принципиально некоммуникативна (нерефлексивна) и в этом отношении не предполагает понимание как взаимопонимание, но предполагает взаимовоздействие. Невербальные сообщения являются не столько феноменом эстетического свойства, сколько прагматическими инструментами воздействия. Если вербальное сообщение по своему определению предназначено для понимания, то невербальное сообщение – для воздействия на мотивационную, эмоциональную, поведенческую сферы человека. Можно вполне согласиться с мнением Бодрийяра о преобладании сегодня не столько визуальной, сколько «тактильной коммуникации, когда нас обследуют-ощупывают (массажируют), тестируют» [32, с.112]. Невербальное сообщение привлекает внимание реципиента, вызывает эмоциональный, эстетический, интеллектуальный отклик, провоцирует прочные ассоциации (ассоциативные образы), аллюзии, воспоминания, активирует эмоции, чувства, желания**,** стимулирует воображение, фантазии, актуализирует знания и представления, связанные с прошлым культурным опытом, сообщает о намерениях и интенциях отправителя, передает вместе со смыслом (потенциальным значением) физические (чувственные) ощущения, помимо информационной нагрузки и суггестивную энергию. Внерациональное суггестивное воздействие нелингвистических знаков столь эффективно, что мы не можем от него отказаться или сопротивляться, не можем избежать захваченности, вовлеченности. Результатом суггестивного воздействия оказывается репрессивное, навязчивое втягивание, стягивание, вовлечение индивидов (реципиентов) в некое эмоционально-чувственное, интерактивное целое, в котором доминирует недискурсивное мышление. Агент, как мы уже сказали,

не всегда знает о том, во что он вовлечен. Таким образом, идея интеракции вытесняет идею субъекта, а вместе с ним и идею действия. Член сообщества представляется не как субъект, а как коррелят совокупности интерактивных акций. Понятие коммуникативного действия включает, прежде всего, представление о действующем лице – субъекте, производящем действие. Понятие интеракции включает представление об интерактанте – *функции недискурсивного механизма*. Невербальный знак, и вообще невербальное сообщение в силу своей специфики (способности подсознательно воздействовать на глубинные слои личности) требует не столько рационального понимания, сколько интерактивной вовлеченности, захваченности, эмоциональной и интеллектуальной включенности в процессуальность взаимодействия. Манипулирование нелингвистическими знаками в(при)водит потребителей (реципиентов, адресатов) в некое состояние недискурсивного информационного взаимообмена. Потенциальные значения, семантические эффекты от звучания голоса, жеста, взгляда, изображения, интонации, света, цвета, запаха, касания репрессивно проникают во все пространство коллективного взаимодействия, превращая каждого индивида в участника общего интерактивного действа. Эффективность коммуникации измеряется пониманием. Эффективность интеракции измеряется именно тем, насколько удалось это подчиняющее воздействие.

В целом, невербализованная информация обладает большим манипулятивным потенциалом. Специфика нелингвистического знака – полисенсорность, эмоциональность, обращение к невербальному сознанию – все это делает его, в принципе, выигрышным средством манипулятивного воздействия. Парадискурс, как совокупность невербальных ходов-высказываний, как огромное разнообразие используемых нелингвистических знаковых конструкций, предстает языковой манипулирующей машиной, программирующей определенное мировосприятие, эмоции, ощущения и, следовательно, действия.

Таким образом, на наш взгляд, нелингвистический медиум как альтернативный вариант кодирования значений вовсе не исчерпывается функцией пропаганды идеологических позиций. В феномене невербального медиума мы усматриваем властный механизм, конституирующий особую, отличную от символического языкового мира нелингвистическую реальность, пара-дискурсивную, сверх-дискурсивную, отклоняющуюся от рациональной (коммуникативной) реальности. Совокупность многообразных нелингвистических форм манифестации значений открывает пространство интеракции, которая представляет собой неотъемлемый от социального опыта инорациональный стихийный аспект. Можно утверждать стратегию дополнения коммуникативных отношений интерактивными, при которых разум и рациональность не отрицаются, а частично замещаются недискурсивным реагированием, свободным от критической активности (рациональной рефлексии), необходимой для коммуникативного действия. Интеракция не предполагает понимание как взаимопонимание, но предполагает воздействие на мотивационную, эмоциональную, поведенческую сферы человека (на тело, аффекты, чувства, желания).

Лингвистическому (коммуникативному) и нелингвистическому (интерактивному) взаимодействиям соответствуют разные виды логики. Отклонившись от традиционной логики, нелингвистическое взаимодействие осуществляется по имманентным внутриязыковым законам, функционирует согласно паралогике. Вследствие паралогики невербальная интеракция сравнительно с вербальной коммуникацией оказывается психологически более емкой и легкой, но менее систематичной и рациональной, социально – более массовой и доступной, но менее стабильной и однонаправленной. Интерактивность вносит во взаимодействие нестабильность, противоречивость, фрагментарность и случайность, то, что не подчиняется строгому контролю и объяснению.

2.5. «Стихийный конструктивизм» интерактивной социальности

Социальность устанавливается, институционализируется как способ или как тип со-существования. Состояние со-вместности, со-общности возникает в тот момент, когда индивиды участвуют во взаимных информационных (символических) обменах, включаются во взаимные интенциональные переживания и во взаимные интерпретации мыслительных проектов друг друга. Собственно, социальность – некое состояние общности, вызываемое интерпретационной деятельностью. Интерпретационная деятельность возможна в конвенциональном пространстве, где одни члены организации ожидают от других действий в соответствии с договоренностями и интерпретациями, обусловленными этими договоренностями. Конвенциональное пространство мыслится той первичной реальностью, которая в конечном счете делает возможным как саму социальную коммуникацию, так и «прочтение» смысла любого социального действия [52]. Сформулированное в рамках символического интеракционизма понятие символического действия предвосхитило теорию символизации А. Шюца, которую, в свою очередь, ученики и последователи А. Шюца П. Бергер и Т. Лукман развили в концепции символического универсума. А понятие символического универсума является провозвестником ныне широко распространенных и обретших большую объяснительную силу понятий символической системы, символического капитала и символических полей известного французского социолога П. Бурдье [38]. Отсутствие общих, распознаваемых семиотических средств (общего семиотического пространства, общего, разделяемого использования символов, общего символического капитала) не позволяет говорить о наличии социальности.

Индустрия интерактивных развлечений и услуг нового поколения направляют мощный потенциал своих современных нелингвистических масс-медийных технологий не на установление коммуникативных отношений и достижение понимания, а на конструирование моментальных, постоянно возникающих и распадающихся конкретных, чувственно-воспринимаемых ситуаций взаимодействия**.** Интерактивность, как взаимодействие

посредством невербальных знаков, не равносильна социальной смерти, не приводит к деструкции социальности. Социальность, по нашему мнению, становится возможной исключительно благодаря тому, что интеракция субъектов осуществляется по некоторым «правилам», точнее, кодам, обеспечивающим взаимное понимание индивидов. Неформализованные «правила» и способы взаимодействия, зафиксированные в нелингвистических символических системах, объединяют отдельных индивидов в различные более или менее устойчивые формы сообществ. Концептуальные фреймы, социо-культурные образцы, конвенции и нормы проявляются как в категориальных структурах философии и научных классификациях, так и в нелингвистических (визуальных, аудиальных) кодах, которые позволяют более или менее правильно интерпретировать поведение других людей, а значит, определенным образом организовывать совместное поведение [57]. Для целей структурирования, контроля и координирования используют нелингвистический код. При этом код, фигурируя как медиум понимания и передачи культурного знания, выступает еще и как средство социальности и социальной интеграции, как условие образования социального целого, несводимого к сумме индивидуальных сознаний. Добровольно-принудительное втягивание индивидов в мультимедийные игры нелингвистическими знаками это своего рода специфический способ овладения нелингвистическим кодом допуска в общность. Код обладает солидаризирующим эффектом, он связывает, консолидирует и концентрирует вокруг себя казалось бы разрозненных, никак не организованных индивидов в общность. Каждый участник взаимодействий потенциально – через нелингвистические коды – сообщается со всеми, включается в информационное поле (социальный порядок).

Мы настаиваем на том, что социальность не следует отождествлять со сплоченностью или солидарностью. Правомерно ли тогда употребление понятия социальности, одним из смыслов которого является обеспечение общности. Мы считаем, что речь не о конце социальности, а о расширении самого понятия «социальности», которое переходит на всю совокупность

взаимодействий, даже там, где они заканчиваются как разумные и рациональные. Любое общество одновременно есть в той или иной мере и разобщенность. В условиях нерефлексивной интеракции происходит не распад социальности, а конструирование принципиально иной формы совместного общежития. Нелингвистические практики помимо того, что являются своеобразными инструментами формирования общественного мнения, средствами моделирования информационной картины мира, адаптации к конкретным социальным условиям и, соответственно, инструментами обеспечения более эффективного процесса управления и господства, они еще оцениваются нами как эффективная технология формирования особого состояния совместности. Интеракция понимается как конститутивный элемент социальности, деятельности и социальных отношений, а не только как простой обмен социализирующей информацией и репрезентативное отражение внешней действительности, объектов в мире «вещей».

Особенность строения любой сложной системы, каков бы ни был характер ее происхождения, зависит не только от того, какие элементы входят в ее состав, но и от того, каким образом они между собою соединены, связаны, какое влияние они оказывают друг на друга. По существу, именно характер связи межу элементами задает возможность целостности системы. Нелингвистические практики подменяют коммуникативные отношения, основанные на понимании интерактивными связями, основанными на взаимовоздействии.

Это приводит нас к мнению о дисфункции интеракции в плане интеграции и социализации общества. Интеракция является ведущим фактором социальной де-интеграции, выполняет деструктивную функцию в социальной системе. Индивиды, интерактивно взаимодействующие, лишаются чувства сопричастности, солидарности. Социальность из общности превращается в совместность, в общежитие без общности.

Совместность, обретаемая на основе нелингвистических знаковых (символических) взаимодействий, недискурсивное состояние совместного

бытия определяется нами термином «нелингвистическая социальность». Основным конституирующим фактором, собирающим нелингвистическую совместность, мы считаем недискурсивный обмен, покоящийся именно на нелингвистическом символическом коде (капитале). Принцип, который мы предлагаем для определения нелингвистической социальности – есть интеракция, вовлекающая в процесс соучастия. Этот принцип мы определяем как основной организующий принцип нелингвистической социальности. Основной социальной дисфункцией интеракции является поддержание и развитие сообщества без общности. Нелингвистические практики означивания, в условиях которых создается парадискурс (репертуар эмоций, чувств, переживаний), генерируют текстуальную интеракцию, в рамках которой и формируется новая нелингвистическая форма социальности. Само наличное социальное общежитие представляет собой весьма специфический тип общности, функционирующий не на основании механизма рациональной коммуникации (рефлексии), а на основании механизма недискурсивного вовлечения**,** сохраняя приверженность принципу приоритетности интерактивного воздействия, а не коммуникативного понимания.

Мы различаем дискурсивные и недискурсивные социальности, отличающиеся друг от друга практиками означивания, посредством которых конституируются семиотические миры.

В социально-философских исследованиях тема различения типов социальности является одной из дискуссионных. В социально-философском знании существует традиция противопоставления полярных типов социальных систем. Социология Ф. Тенниса отразила разделение социальной жизни на две формы – общественную и общностную **(**общинную) [156], Э. Дюркгейм предложил концепцию «органической» и «механической» солидарности [67]. А. Бергсон разделил «закрытую» и «открытую» социальности [25] К. Поппер описал отличия «открытого» общества от «закрытого» [136]. М. Маффесоли говорит об инволюции «общества» в «общности» [112]. Ф. Ницше полагал, что могут существовать два типа культурной ориентации: «аполлонийская» и «дионисийская» [122]. У Гегеля

различие между восточной и западной социальностью проходит красной нитью через всю его «Философию истории» [49]. В этой связи характерно учение славянофилов А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, которые, разделяя соотношение Запада и России, выделяют два типа социальности: органическую и искусственную, формирующие соответственно два типа общества – русский (коллективистский, органический) и западный (индивидуалистический, искусственный) [176]. Согласно формационному подходу К. Маркса и Ф. Энгельса, различают пять общественно-экономических формаций (докапиталистические формации, капиталистическая и коммунистическая формации) [111, с.161–162 (Т. 21)]. Таким образом, К. Маркс выделяет три основных исторических типа социальности: отношения личной зависимости, отношения вещной зависимости и отношения свободных индивидуальностей (разделение на доклассовое, классовое и бесклассовое общество). Вебер выделил три типа общественного устройства (традиционное, харизматическое, рациональное) [40]. Одной из наиболее распространенных является дифференциация типов общества на индивидуалистический и коллективистский типы (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, А. Бергсон, К. Поппер и другие) [12]. Известно, что противопоставление традиционных и модерных обществ имеет конститутивный характер для социально-философской традиции, приобретая при этом различное категориальное выражение [171].

Согласно положениям нашей концепции, социальность сама по себе, как континуум непрерывно взаимодействующих между собой участников, представляется расщепленной на два противостоящих друг другу, но взаимодействующих друг с другом измерения – дискурсивное и недискурсивное, различающиеся двумя разными способами образования социального порядка – лингвистическим языком или нелингвистическим кодом. Речь идет не о специфических конкретно-исторических формах организации совместной жизни, а о внеисторической *двумерности социальности*. Социальность характеризуется двумя взаимосвязанными (смежными), но не сводимыми друг к другу измерениями. Наряду с

коммуникативной (дискурсивной) компонентой, практическая реальность социального мира включает интерактивное (недискурсивное) пространство взаимных отношений. Это не дихотомия, а двумерность, двуслойность социальной жизни. Социальность слоиста, она образуется взаимодействием дискурсивных и недискурсивных потоков. Так же как два канала – вербальный и невербальный – функционируют параллельно друг другу, являясь равноправными составляющими процесса общения, точно так же интерактивность (недискурсивность) и коммуникативность (дискурсивность) предстают хотя и отдельными, но во многих отношениях неразделимыми, интегральными частями одной коммуникативно-интерактивной социальности. В социальной системе дискурсивные и недискурсивные слои тесно взаимосвязаны и в равной степени необходимы для существования и развития социальности.

Определенному типу деятельности соответствует своя рациональность. Так, коммуникативная социальность, конституированная лингвистическими семиотическими практиками, обнаруживает коммуникативную рациональность [82]. Интерактивный социальный порядок координируется законами не столько коммуникативной рациональности, сколько взаимодействием иных сил. Парадискурсивные операции высказывания и взаимодействия, выходящие за рамки предсказуемых и контролируемых законом состояний, не вписываются в классический тип рациональности, не подчиняются правилам Логоса, выходят за пределы регулируемой логосом сферы традиционно понятой рациональности, переносят рациональность на иной уровень, придают ей иной характер. Предполагается, что пространство интерактивности является так или иначе законодательно упорядоченным, однако, здесь на место власти рациональной коммуникации приходит диктатура закона внерационального воздействия. Не законы, рожденные классической рациональностью, а некие новые взаимно принятые условия и правила игры управляют интерактивностью. Интеракция может рассматриваться как область воплощения иной рациональности, более глубокой и фундаментальной, нежели классическая.

Ограниченность классической рациональности, как это было замечено уже Гегелем, связана с преобладанием в ней рассудка и рассудочности, рассудительности как дискурсивности: «... то, что мы обычно называем рациональным, принадлежит на самом деле области рассудка, а то, что мы называем иррациональным, есть скорее начало и след разумности» [51, с.416-417).]. В данном фрагменте Гегель предвосхищает, пожалуй, все самое существенное в проблематике постмодерного мышления: от прозрений об ограниченности классической науки в ее пристрастии к рассудочным (внутридискурсивным) определениям и метафизически проведенным различиям, включая необходимость постоянных «контрабандных» заимствований в ходе научного познания из иных, внешних научной рациональности областей (например, обыденного сознания, иррационального или инорационального) вплоть до применения базовой категории «след» для обозначения взаимопричастности иррационального и разумного. И фактически вся тематика дифферанса у Ж. Деррида может быть выведена из гегелевской фразы «иррациональное есть начало и след разумности». Изображая разум как тотальность, как силу, господствующую над жизнью, мы забываем о трансформации рациональности. Разум не может быть просто отброшен. Он нуждается в том, что Деррида называл деконструкцией, которую он стал понимать как процедуру не только отрицания, а и все больше сохранения [109].

В определенном смысле во второй половине XX века происходит возвращение, «рождение» доклассических форм рациональности, существовавших «по ту сторону» Просвещения и классицизма с их культом дискурсивного разума. Здесь, в частности, имеется в виду концепция «двух логосов» – необходимо сосуществующих в европейской культуре и равно участвующих в конституировании рациональности: один из них есть логос дискурсивности, понятийной и языковой выраженности и закрепленности, а другой – логос мистической интуиции единства бытия и т. д. [4].

Изменение классического понимания разума осуществляется в направлении дисперсии универсального логоса [179]. Логос как

универсальное основание бытия и познания лишается статуса абсолюта и распадается на различные типы рациональности, стили мышления, дискурсивные практики. По словам П. Гайденко, на месте одного разума возникло много типов рациональности: «закрытая», «открытая», «универсальная», «специальная», «мягкая», «сверхрациональность» и пр. [48]. М.К. Мамардашвили в своей концепции классического и неклассического видов рациональности говорит о диверсификации видов разума [106].

В современную эпоху социально-философская мысль находится в познавательной ситуации поиска образа новой рациональности**,** нового типа рациональности, отвечающей более полно тенденции информатизации общества. В постнеклассическом социологическом подходе рациональность понимаемается как единство рациональных и иррациональных компонентов. Иррациональное лишается своей отрицательной оценки, понимается как интуитивные, схватываемые фантазией, чувством, как неосознаваемые грани самого разума. Чувства стали рассматриваться в качестве возможных «ингредиентов» рациональности. В новой рациональности таким проявлениям нерациональных сил, как чувствам, эмоциям, побуждениям воли, подсказкам подсознательного, безотчетным душевным порывам и рационально не осмысленным решениям, иррациональной интуиции, бессознательным побуждениям придано не меньшее значение, чем разуму, холодной деятельности рассудка. В область разума привнесено много такого, что традиционно относилось к «эмоциям» или к той сумеречной глубине ума, где, как считают, рождается «интуиция». Приток этих новых содержаний взламывает границы традиционного образа рациональности. В новый, расширенный объем понятия «рациональность» включены интуиция, неопределенность, эвристика и другие не традиционные для классического рационализма прагматические характеристики, например, польза, удобство, эффективность. Новый постнеклассический тип рациональности активно использует новые ориентации: нелинейность, необратимость, неравновесность, хаосомность и пр., что до сих пор неуверенно признавались

в качестве равноправных членов концептуального анализа. В новой рациональности расширяется объектная сфера за счет включений в нее систем типа: «искусственный интеллект», «виртуальная реальность», «киборг-отношения», которые сами являются порождениями научно-технического прогресса [107].

Усилия Хабермаса направлены также на поиски новой рациональности, но не в сфере науки и техники, а в сфере «интеракции». Поиск нового образа рациональности на концептуальном уровне воплотился в понятии коммуникативной рациональности, которая направлена против урезывания разума до понятийно-когнитивно-инструментального. Н.С. Автономова, рассматривая рациональность как философскую проблему, различает прагматико-функционалистический и ценностно-гуманитаристический подходы к пониманию рациональности в философии и обосновывает необходимость концепции единой рациональности, понимая рациональность как единство рассудка и разума, выражающее, по сути, единство рациональных и иррациональных содержаний [4]. Исследования Вандельфейса стали попыткой развить некую «открытую диалектику» или нового рода рациональность, которая бы выходила за пределы всеохватывающего диалога (рациональность, не останавливающаяся на уровне понятий, а доведенная до уровня образов). Нового вида рациональность обозначается Вандельфейсом как «респонзитивная рациональность» (responsive Rationalitaet) [41, с.39-50]. «Это не господство единого разума, а пространство встречи множества рациональностей, каждая из которых является рациональностью ограниченного порядка. В основе этой новой рациональности лежит возможный и действительный ответ» («Регистр ответов») [124, с.70]. Ответ всегда раньше вопроса. Ответ — это не наполнение интенции спрашивающего неким содержанием, как это понимал Гуссерль, и не удовлетворение притязания, в понимании Хабермаса. Ответ — это всегда отношение к Другому, реакция на его вызов (термин response первоначально заимствован из бихевиоризма). Респонзитивная рациональность охватывает ограниченный ряд способов и средств ответа,

начиная с доязыковых модуляций и заканчивая языковыми модальностями. Телесное отношение играет определяющую роль в этой рациональности. «Ответом являются так же чувства и телесное желание, а не только слово» [39, с.70].

На наш взгляд, в рамках социально-философского дискурса понятие респонзитивной рациональности выступает необходимым и эффективным теоретическим инструментом изучения различных недискурсивных аспектов социальной реальности, интерактивных качеств социума.

Мы видим, таким образом, что делаются попытки построить единую систему социальной рациональности как сферы действия разума с его дискурсивными и недискурсивными моментами.

Сквозь призму классической рациональности мир представал как законосообразный, структурно-организованный, саморазвивающийся, целостный, иерархично структурированный, центрированный и гармонично упорядоченный. Но в постнеклассической рациональности организация совместной жизни представляет собой не столько утвердившийся порядок, сколько более сложное, неопределенное, хаотическое, динамичное состояние дискурсивного и недискурсивного взаимообмена, протекающее в неясных, смутных, «сопутствующих», спонтанно-хаотических эмоционально-аффектных актах чувствования и мысли. Общество исчезает, а на его месте возникают фрагментарные, случайные и неструктурированные стратегии интерактивных контактов. «Каждый из нас сам для себя бывает недостаточен и имеет нужду во многих» – писал Платон [135, с.309]. Отсюда необходимость возникновения общежития, или «города», «когда один из нас привлекает других либо для той, либо для иной потребности; когда, имея нужду во многом, мы располагаем к сожитию многих сообщников и помощников: тогда это сожитие получает у нас название города» [135, с.309]. В современном мире распадающихся коммуникативных отношений сожитие индивидуумов фиксируется термином «нелингвистическая социальность». В определенной мере можно говорить о своего рода суррогате, имитации общества. Это не общество контроля и не общество дисциплинарного

насилия, а параструктурная совместность контактирующих, совместное общежитие интерактивного контакта – постобщество Постмодерна, лишенное измерений глубины и высоты, где господствует обмен, имеющий некоммуникативную структуру (параструктуру). Речь идет об инаковости (патологичности) социальности, помысленной не через слово, понятие, речь, а через недискурсивность как субстратегию (субмеханизм) разума, его побочный эффект.

Нелингвистическая социальность принимает форму отклонения, приобретает патологические черты, наиболее примечательными из которых являются: 1) создание нелингвистической (семиотической) реальности (парадискурс); 2) доминирование интерактивных связей; 3) отсутствие признаков общности, целостности, солидарности (разобщенность). Создание нелингвистической социальной (семиотической) реальности проявляется в расширении и активном использовании невербальных медийных средств. Преобладают картинки, рисунки, изображения, музыкально-световое оформление. Невербалика как механизм контроля в обществе, что скрепляет и обеспечивает общественный порядок, без сомнения, существовала в прошлом. Активизация использования нелингвистических знаков с целью формирования общественного восприятия и общественного настроения связана с распространением новых информационных технологий, стимулирующих интеракцию. Интерактивность связей нагляднее всего проявляется в стремлении при общении воздействовать друг на друга, а не в стремление к пониманию, что является основной задачей коммуникации. Интерактивные отношения воздействия, подчинения, соблазна подменили коммуникативные отношения понимания, согласия. Похожее мнение можно найти у Н. Лумана, который полагает, что «функции… массмедиа состоят в непрерывном порождении и переработке раздражений, а не в умножении познания, социализации или прививании нормативного конформизма» [103, с.89].

Мы отмечаем трансформацию общества как коммуникативной организации в нелингвистическую социальность – пространство

недискурсивного взаимообмена, для которого свойственными являются еще-не-рациональность и манипулируемость. Нелингвистическая социальность понимается как спонтанная, рассеянная, неустойчивая собранность на основе внерациональных семантических эффектах, ассоциациях, аллюзия, представлений и переживаний. Нелингвистическая социальность рассматривается не в качестве продукта взаимодеятельности, но в качестве самой невербально-знаковой деятельности в ее разворачивающейся процессуальности, как постоянно возникающий и существующий эффект совместной и разделенной деятельности по обмену нелингвистическими знаками. С этих позиций социальность предстает в виде своеобразного рационально неоформленного состояния связанности, совместности, недискурсивного состояния совместного бытия, которое достигается общим разделяемым использованием нелингвистических конвенциональных знаковых систем. Такое состояние не является состоянием хаоса, а выступает как своеобразная разновидность порядка, как динамичный процесс, для которого подходит аналогия любой интерактивной игры, например, флэш-моб. Недискурсивно организованная социальность превращается в «гигантский флеш-моб», состоящий из разрозненных и отчужденных индивидуумов, добровольно-принудительно втянутых в мультимедийные игры нелингвистическими знаками. Последние создают свой контекст значений, текстовое пространство со своим собственным кодом, который временно удерживает индивидуумов вместе, обеспечивает стабильность в условиях дефицита упорядоченности. Нелингвистические коды, обрабатывая не только мысли, но и волю, телесные желания и потребности, становятся средством (парасмысловой) интеграции всех отдаленных друг от друга участников нелингвистического обмена, своеобразным «клеем», связывающим разрозненных индивидов в некое знаковое взаимодействие и как следствие скрепляющим их в некое еще-не-рациональное, парарациональное состояние совместности, внутренне противоречивое и парадоксальное, одновременно подвижное и регламентированное, в котором нет структуры (системы), нет единства, согласия, нет смысла и нет

последовательности, и которое сбивает с толку созерцающего, равно как и наблюдатель флеш-моб акции, не понимая цели и причин многих действий, входит в состояние помешательства.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать принципиально новый взгляд на роль нелингвистического медиума (как средства интеракции) в жизни общества. Наша концепция отводит нелингвистическому медиуму не только роль транслятора экспертного знания массе потребителей-наблюдателей, роль носителя кода, но и роль создателя в обществе пространства для интерактивного (не коммуникативного) взаимодействия. Мы говорим не о содержании значений, а о том, что сам новый (неязыковой) медиум, в котором закреплены социальные образцы, устанавливает принципиально иную форму некоммуникативного взаимообмена, которая в свою очередь организует специфическое пространство совместного бытия. Невербальный медийный язык, фигурируя как медиум понимания и передачи культурного знания, выступает одновременно средством социальной интеграции/социализации и деинтеграции/десоциализации, условием образования социального разобщения – ощежития без общности. Такие особенности нелингвистической интеракции как нестабильность, противоречивость, фрагментарность, случайность формируют ее социокультурную дисфункцию – создания недискурсивного состояния совместности, которое фиксируется термином «нелингвистическая социальность».

Если модерная социальность – это структура, постмодерная социальность – это ризоматическая структура, то нелингвистическая социальность – это параструктурная организация совместной жизни, в которой коммуникативные структуры искажаются, принимая вид интерактивных параструктур.

Нелингвистическая социальность характеризуется нами как специфически сложная форма совместности, внутри которой весьма многочисленные действия и реакции регулируются респонзитивной рациональностью, разработанной Б.Вандельфейсом в его «теории ответа». В

рамках нашего исследования применение понятия респонзитивной рациональности выступает необходимым теоретическим инструментом изучения различных аспектов невербального взаимодействия. Социальность, управляемая некими новыми взаимно принятыми условиями и правилами игры, рожденными «респонзитивной рациональностью», предстает не устойчивым коммуникативным порядком, организованной системой элементов (общество как «сфера принципиальной координации» — в структурном функционализме), и не хаотичным переплетением множества языковых игр (общество как ризома), а как параструктурное состояние (процесс) недискурсивного взаимообмена, для которого подходит аналогия флеш-моба. Мы обращаемся к метафоре «флеш-моб» для описания внегосударственного «общежития без общности», в котором коммуникативные отношения вытеснены интерактивными контактами, общность – совместностью.

Выводы ко второму разделу

Социальность как совместное бытие не может существовать без общего разделяемого всеми семиотического пространства, в котором возможно взаимопонимание действий друг друга. Выделяем две стратегии создания семиотического пространства, а значит и две стратеги установления социальности: дискурсивную (лингвистическую) и недискурсивную (нелингвистическую). Софисты продемонстрировали грекам огромные и политические, и культурные возможности языка, его амбивалентность, способность привести к конфликту или консенсусу общественной жизни. Современные медиа технологи демонстрируют впечатляющие возможности невербального медиума в плане социального строительства.

Возможности невербалики исходят из ее специфики: невербальные знаки выступают не только средством выражения, но и условием протекания непонятийного мышления («мышления без слов») – альтернативной мыслительной активностью (познавательной способностью), протекающей в

образах; в силу материальной чувственности несловесного знаконосителя реципиентами невербальних знаков становятся тело и эмоциональная сфера сознания; «язык без слов» предстаёт «речью без языка», выполняющей в рамках высказывания и текста те же основные функции коммуникации, что и словесный язык: информативную, перформативную, эстетическую, регуляторную и проч.

Специфика невербалики (невербального медиума) инициирует нелингвистическую реальность, недискурсивное семиотическое пространство, которое вызывает абстрактные смыслы, семантические эффекты, ассоциации, аллюзии, переживания, и которое не менее важно, чем дискурсивное пространство с его понятийными смыслами. В недискурсивном знаковом пространстве невозможна рациональная коммуникация, под которой понимается осмысленное взаимодействие посредством вербальных знаков. Невербальные медийные средства задают нелингвистическую реальность, в режиме которой коммуникативные отношения вытесняются интерактивным контактом – особым видом взаимозависимости внерационального (еще-не-рационального), нерефлексивного, невербализованного характера. Если задачей коммуникативного действия является достижение понимания в общении, то задача интерактивной акции – установить контакт. Так, в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса коммуникация ориентирована на достижение, сохранение или обновление консенсуса как основного фактора солидарности и стабильности общества. С нашей точки зрения, интеракция ориентирована на установление контакта как основного фактора совместности, которая обеспечивает формальные, но не истинно значимые связи человека с человеком. «В контакте» стал принципом жизни человека, его социальной стратегией.

Из этого следует, что интеракция как невербальная знаковая деятельность, направленная на производство недискурсивных значений (непонятийных смыслов), признается фактором, объединяющим индивидов в недискурсивное состояние совместности – специфическую форму

человеческого общежития, определяемого нами термином «нелингвистическая социальность».

Модерная социальность предстает в виде структуры, постмодерная – в виде ризоматической структуры, нелингвистическая социальность – в виде параструктуры. Концепт «недискурсивности» используемый нами для обоснования современного социального устройства, предполагает представление о социальности как о параструктурированной совокупности человеческих индивидов, объединенных интерактивным контактом. Нелингвитсическая социальность выступает неким суррогатом (имитацией, паталогией) коммуникативного сообщества.

Мы наблюдаем не просто аудио-визуализацию информационного пространства, насыщение его невербаликой, а появление новой формы социальной организации, которая принципиально отличается от социальности, рожденной в античном полисе, с ценностью слова, риторики, обсуждений. В современном мире происходит движение от нелингвистических текстов к «нелингвистическому социуму» [185]. На смену языковой (структурной, ризоматичной) общности приходит параязыковая совместность, внутри которой весьма многочисленные действия и реакции не регулируются коммуникативной рациональностью. Наиболее примечательными чертами нелингвистической социальности являются: 1) создание нелингвистической (семиотической) реальности; 2) доминирование интерактивных связей; 3) отсутствие общности, солидарности, взаимности.

Принцип интерактивного вовлечения становится основным принципом построения нелингвистической социальности, для которой подходит аналогия флеш-моба. Мы обращаемся к метафоре «флеш-моба» для характеристики современной социальности, которая предстает состоянием совместности без общности, когда открытая коммуникативность сменилась скрытыми техниками соблазна, манипулирования, а понимание, согласие, взаимность – интерактивным контактом.

РАЗДЕЛ 3. ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ: РАЗНОВИДНОСТИ И СЕМИОТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Социальность представляет собой человеческое общение, основанное на системе условных знаков с закрепленными за ними значениями, в совокупности образующими язык. Формировать общественное мнение, коллективные вкусовые предпочтения, стереотипы поведения, моду, модели образа жизни, ценности, стимулировать стандарты социальной адекватности и престижности можно как вербальным, так и невербальным медийными языками. Параязыковая система выражения выступает одним из способов реализации непонятийных значений (настроений, ощущений, восприятий), которые определяют или конституируют культуру, являясь частью общего семиотического универсума.

Технический прогресс предоставляет все большие возможности для использования ресурсов невербалики в качестве механизма контроля, того, что скрепляет и обеспечивает общественный порядок. Сегодня невербальный носитель сообщения становится очень сложным технологически, усложняя осуществление взаимодействий. Невербалику следует рассматривать с точки зрения присущего ей особого взаимодействия – интеракции. Внедрение невербальных технологий трансляции информации в социальную сферу приводит к усилению ее интерактивности. Следовательно, интерактивность рассматривается нами как процесс социальный, но опосредованный невербальным медиумом и без него невозможный.

Существует много классификаций ситуаций взаимодействия. Это могут быть официальные социальные события, случайные эпизодические встречи, формальные контакты на работе и в быту, асимметричные ситуации (в обучении, руководстве и пр.). К явлениям интеракций можно отнести такие феномены как: танцы в клубах, просмотр кинофильмов, шопинг, мода, фитнесс, боди-арт, графитти, компьютерные игры, общение «он-лайн» в Интернете, участие в том, что относится к «искусству действия» (перфомансы, хеппенинги, акции, современные театральные постановки).

Все эти социальные действия представляют собой форму стандартизированного массового интерактивного поведения, которое возникает стихийно под воздействием настроений, вкусов, предпочтений, доминирующих в обществе.

Интеракции, являясь знаковой (семиотической) практикой взаимодействия, связывают индивида со всем социумом на основе общих ярких переживаний, представлений, ощущений. Представители интеграции осваивают похожие способы не столько миропонимания, сколько мировосприятия, у них формируется не столько общее мировоззрение, сколько общее мироощущение, мирочувствование. Интеракции, осуществляющиеся в современном обществе, позволяют человеку почувствовать тесную и неразрывную связь, соединяющую человека с социумом. Однако форма этой семиотической связи внерациональная, неструктурная, антикоммуникативная, прагматическая, перцептивная. Система отношений, устанавливающаяся в современном обществе, это система взаимных контактов, интеракций, предполагающих перцептуальность, прагматичность, семиотичность, внерациональную связность (на основе невербализуемых смыслов). В отличие от коммуникации, интеракция не линейна, порождает непонятийные смыслы, функционирует по законам паралогики. Невербальные взаимодействия упорядочивают взаимодействия людей параструктурно, откляняя их от коммуникативности, рациональности. Интеракция не воспринимается в относительно жестко структурированной форме, интерактивные связи осуществляются в параструктурированной форме, часто несвязанны друг с другом, максимально хаотичны и подчиняются паралогике. Интеракция выступает в роли деструктора социальности, дестабилизирующим фактором (т. к. она не целерациональна), катализатором трансформации самих общественных структур и связей, причем в сторону создания параструктурной социальности. Переформатирование общества рассматривается нами как параструктуризация социальной системы, вследствие появления в ней новых интерактивных форм взаимодействий. В

классических (модерных) своих трактовках социальность выступала в качестве жесткой иерархической (вертикальной) структуры. В постмодерных представлениях – в качестве ризоматической (горизонтальной) структуры. Мы рассматриваем социальность как параструктуру. Приставка пара-, указывает на отклонение от чего-либо (паранормальный, парамагнитный). Понятием «параструктурная социальность» определяется социальность, отклоняющаяся от рациональной социальной организации, т. е. свободно коммуницирующего общества – идеала общества по Хабермасу. Итог социальный эволюции, по Хабермасу, – общество, свободное от извращенных коммуникативных форм. Это означает, что идеи открыто выдвигаются, отстаиваются, критикуются, развитие мысли регулируют свободные соглашения [201].

Паттерн интеракции меняет взгляд на принципы организации и устройства социальной системы. Связи и отношения, в которых индивиды находятся друг к другу имеют параструктурный характер. Интеракция обрушивает вертикаль, иерархию и корректирует ризому параструктурными элементами, вносит в ризому параструктурность, как отклонение, извращение от стандарта структурности. Сами индивиды постоянно «извращают», искажают структуры своего общения, отклоняют взаимодействия от коммуникативного стандарта из-за своих часто меняющихся интересов, искусственно культивированных желаний и страстей, стимулированных потребностей.

Таким образом, интерактивность все больше и больше входит в нашу жизнь, способствует появлению нового социального порядка. Общество не исчезает, но переопределяется, изменяется его социальный порядок. Процесс замещения коммуникативных практик интерактивными разрушает коммуникативную структуру общества, вносит патологические черты, превращая социум в эфемерную, нестабильную, параструктурную организацию, описываемую термином «нелингвистическая социальность».

Нелингвистическая социальность, будучи продуктом недискурсивных связей, представляется похожей на «негативную совокупность TV-

аудитории», о которой писал Сартр [208]. Недискурсивность (перцептуальность, прагматичность, семиотичность, внерациональность), выступая сущностной характеристикой постсовременности, становится знаком исчезновения «социальности» как пространства коммуникативных связей людей, взаимности и рефлексивности их отношений и признаком появления весьма специфического типа общности: пассивного единства фактически инертных социальных связей, антиобщности или *негативной социальности*.

Согласно нашей установке, интерактивность представляет собой своеобразное пространство, в котором развивается новое патологическое качество социальной жизни – отсутствие общности, солидарности, сотрудничества. Слово «коммуникация» (от лат. communicatio) в переводе означает «делать общим, связывать, общаться», и в одном из значений, представленных в толковом словаре, выступает как «акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании». Вытеснение, замещение коммуникативности интерактивностью позволяет нам говорить о появлении новой формы совместности, которой чужды взаимность, солидарность, общность. Правомерно ли при наличии таких характерных черт взаимодействий употребление понятия социальность, основным смыслом которого является осмысленное *взаимо*-действие (социальность традиционно связывалась с Логосом, агорой, феноменом со-общения и обсуждения). Когда коммунитарное бытие (общность) подменяется интерактивным бытием вместе, вероятно, следует говорить не о социальности, а о неком суррогате, симуляции (фикции) социальности. Нелингвистическая социальность предстает пародийной, патологической (мутантной, атрофированной) формой социальности, все больше превращаясь в своеобразный гигантский «флеш-моб» (GFM – англ. «Global Flash Mob»). Flash mob (флэш-моб) переводится как «вспышка толпы», «мгновенная толпа» или, «умная толпа» – феномен, появление которого связывают с книгой американского социолога Говарда Рейнгольда «Умная толпа: следующая социальная революция» о том, как современные

технологии влияют на людей [140]. Основной принцип, лежащий в основе устройства флеш-моба, это спонтанность; отсутствие централизованного руководства; отсутствие каких-либо целей, задач и смысла («по приколу» – это главное условие флэш-моба); деперсонификация (участники флешмоба абсолютно незнакомые люди); абсурдность (действия мобберов не должны поддаваться логическому объяснению); анти(де)коммуникативность (участники не должны общаться вживую до, во время и после акций); отсутствие всякой структуры, организации, аудитории; анонимность. Подробнее с феноменом флэш-мобов можно познакомиться на тематических сайтах, например, flashmob.ru или fmob.ru.

Метафора флеш-моба, на наш взгляд, кажется удачной, т. к. хорошо демонстрирует взаимоустремленность человека к человеку, к причастности и соучастии в жизни другого, в жизни сообщества. Однако форма соучастия может быть абсурдной, анонимной, спонтанной, стихийной, бесструктурной, бесцельной, беспричинной. В самом широком смысле «флеш-моб» может служить образом социальности, в которой отсутствует коммуникативное (осмысленное, рациональное) общение, и присутствует совместно выполняемые действия без особых целей, принуждений и результатов, без причин и без последствий, без постоянной формы и постоянного содержания, без переживания, без выбора, без авторства, без всякой причинности и без всякой диалектики. Можно так описать нелингвистическую социальность: индивиды (моберы) – социальные агенты (участники флешмоба) – случайно оказались в определенном месте и просто так решили что-то сделать, разыграть ситуацию по определенному сценарию, не общаясь вживую до, во время и после акции, просто поучаствовать в выполнении некоего порядка действий абсурдного характера, не поддающихся логическому объяснению. «Флэш-моб может рассматриваться не как сверхновое явление экзистенциального интерфейса, а скорее в качестве финальной вспышки, пульсации или конвульсии растрачивающих себя мыслящих миров и коммуникации» [143, с.34].

Итак, наш основной тезис состоит в том, что интеракции – нелингвистические практики (практики использования нелингвистических знаковых систем) – будучи механизмом производства настроений, впечатлений, представлений, ощущений, восприятий, устанавливают недискурсивную форму совместности, определяемую термином «нелингвистическая социальность». Образом недискурсивной формы социальности может служить флеш-моб.

Мы попытались выявить признаки интерактивности, декоммуникативности, параструктурности в некоторых сферах общества. В данном исследовании внимание фокусируется не на исследовании (дешифровки или раскодировании) смыслов (денотативных или коннотативных), возникающих в пределах каждого нелингвистического знака, а в наблюдении тех интеракций (нелингвистических семиотических практик означивания), которые (пере)определяют форму совместного бытия. Для нас основная задача – исследовать не набор пред-смыслов, еще-не-смыслов, не-до-смыслов и представлений, с помощью которых конструируется реальность, а подвергнуть теоретическому осмыслению те интеракции, которые конституируют нелингвистическую форму социальности, определяемую метафорой флеш-моб.

3.1. Полит-моб

Политика является благодатным местом для эффективной интеракции, понимаемой как действия, осуществляемые с помощью невербальных знаков, способных производить социальное. При этом в сфере политики происходят процессы активизации интерактивности, нелингвистический знаковый обмен становится «действующей силой», позволяющей реализоваться власти и политикам.

С точки зрения Ю. Хабермаса, в обществе необходимо обеспечить простор для обмена мнениями, т. к. за счет дискуссий разрешаются многие конфликтные ситуации. Рациональная дискуссии, настаивает Хабермас,

необходима для достижения согласия людей. Однако, в борьбе за власть нет места эффективному коммуникативному диалогу, нет места для дискуссии и для конструктивного созидания, для интересных предложений или серьезной полемики, для обмена мнениями. Есть только интерактивная игра по взаимному воздействию, манипулированию. Полноценное участие в коммуникации предполагает выполнение контрольной и директивной функций, то есть формулирование оценки происходящего, предложение путей решения обсуждаемых проблем, требования выбора определенного из них, контроль за соответствующими действиями субъектов, уполномоченных принимать решения. В современном политическом пространстве происходит подмена общений по существу, по поводу актуальных жизненных проблем взаимообменом развлекающей, отвлекающей, далекой от жизни людей информацией. Никто не подключен к совместному рациональному разговору, но каждый вовлечен в совместно выполняемые недискурсивные действия. Единственно рациональной формой дискуссии становится нелогичная, неструктурированная, но эффективная презентация образа идеи или теории. Политика осуществляется посредством рекламных акций в телестудии и на концертной площадке. Происходит замена реальных политических позиций и действий их образами.

Если политический успех больше зависит от образов, невербальных акций, чем от реальных коммуникативных действий, если невербалика более действена, чем коммуникативный диалог, то можно утверждать, что социальные отношения переходят в режим паракоммуникации (псевдокоммуникации). В политике происходит не диалог, а интеракция (недискурсивный обмен привлекательности, уверенности, стильности, уникальности, респектабельности). Политика сейчас – уже не предприятие по поиску истины, но род параязыковых игр, состязаний в манипулировании нелингвистическими знаковыми системами. План подлинных социальных взаимосвязей замещен состоянием интерактивной игры. Кандидаты, политические партии, ведущие вещательные сети имеют свою команду, состоящую из режиссёров, сценаристов, людей, помогающих с организацией

интерактивного шоу, своего рода флеш-моба. Политика превращена в флешмобовскую акцию, шоу-постановку, которую проводят сами политики и политические партии для создания имиджа, поднятия рейтинга, привлечения внимания прессы и воздействия на общественность. Используемый реквизит представляет собой нелингвистические знаковые системы, которые существенно влияют на информативное содержание сообщения и на эмоционально-оценочные характеристики его восприятия т. к. нацелены на зрелищность, эстетику. *Проксемика* как специальная нелингвистическая знаковая система (пространственная подсистема), занимается нормами пространственной и временной организации общения, характеристиками межличностной дистанции. *Оптико-кинетическая* подсистема (то, что называют кинесикой или кинетикой) включает в себя: мимику (выражение лица), пантомимику (позы, телодвижения, жесты, походка, осанка), движения глаз (частота и длительность фиксации глаз другого человека). *Паралингвистическая или околоречевая* подсистема включает вокальные качества голоса, его диапазон, тональность, тембр, высоту, интенсивность звука, темп, громкость, мелодику, диалектные, социальные или идиолектные особенности артикуляции звуков, а так же заполнители пауз. *Экстралингвистическая или внеречевая* подсистема, к которой относятся неязыковые звуки: вскрики, стоны, оханья, смех, покашливание, плач, запинки, оговорки, паузы и молчание.

Все эти невербальные приемы (так называемый флешмобовский реквизит): проксемические, кинетические, пара- и экстра-лингвистичекие стратегические средства, все компоненты четырех подсистем – это значимые и неотъемлемые составляющие интеракции. Они фиксируют определенные характеристики конкретной культуры, сигнализируют об эмоциональном состоянии, передают оценочный фактор (установки) и интеллектуально-волевые процессы, информируют о настроении, привычках и вкусах, выражают целый диапазон субъективных чувств и смыслов, при этом, отражают не столько индивидуально-психологические, сколько социальные характеристики, в частности, общественный статус, гендерную специфику,

отношения власти и подчинения, культурные представления и убеждения, указывают на социо-культурную принадлежность, статусно-ролевой репертуар, маркируют принадлежность говорящих к той или иной социальной среде, другими словами, увеличивают семантически значимую информацию, используются для достижения цели при воздействии на реципиента и, таким образом, являются частью целостного интерактивного акта. «… выразительное движение перестает быть просто органической реакцией; в процессе общения оно само становится действием и притом общественным действием, существеннейшим актом воздействия на людей» [146, с.570].

Все элементы перечисленных подсистем выступают в роли знаков, имеющих ограниченный круг значений (выполняют функции сообщения), а значит, становятся предметом интерпретации в межличностном общении как единый «визуальный текст общения». Информация извлекается адресатом в силу языковых конвенций, социальных стереотипов, особенностей мышления. Процессы интерпретации невербальных сообщений бессознательны и автоматичны. Бессознательные фильтры и процессы обработки, посредством которых мы интерпретируем невербальное поведение других людей, остаются активно задействованными, вне зависимости от того, осознаем мы это или нет. Каждый из нас в той или иной степени чувствителен к невербальным проявлениям, к нелингвистическим знакам. «Считывание» информации побуждает реципиента к ответной реакции, которая в данном случае предполагает некоторое имплицитное действие, т. е. изменение в чувствах, мыслях, что не обязательно находит вербальное выражение. На базе умения считывать информацию развивается способность к интерактивному (эмоциональному) контакту. Способность интерпретировать невербализованную информцию (в невербализованном виде) делает возможным интеракцию как семиотическое взаимодействие, взаимовлияние. Таким образом, целью нелингвистической информационно-знаковой системы является передача определенной информации, а сам знак – способом установления интеракции между отправителем и получателем.

В электоральном дискурсе внимание практически полностью сосредоточено на том, как выглядят кандидаты, на определении наиболее удачного времени для выступлений и создании имиджа. Призыв обращать внимание не на имидж, а на основные положения программы и сущность избирательной кампании, остается наивным. Для человека то, что он проживает и что происходит с ним, оказывается равнозначно тому, как он выглядит. Политик не разговаривает, не общается, не обменивается мнениями, не дискутирует, он демонстрирует свою власть, статус, имидж посредством невербалики, симулирует социальный статус посредством приобретения вещей, которые являются символом принадлежности к элитарным социальным группам. «Передний план» (или «стэндинг») человека общества потребления (его внешний вид, окружающие его вещи, квартира, машина и т. п.) воспринимаются социальной аудиторией как самый надежный критерий, посредством которого можно определить качество «социального достоинства» человека. Как полагает Ж. Бодрийяр, при наличии соответствующего желания любой человек может симулировать (театрально проиграть) любой «передний план», идеализируя (возвышая) свой социальный статус посредством вещного антуража (реквизита), взятого напрокат (в кредит) [30].

Особую роль в рекламных текстах играют предвыборные фотографии кандидатов, особенно в наших условиях, когда только 5% избирателей знакомятся с программами. Р. Барт пишет о предвыборной фотографии как о такой, которая создает личностную связь между кандидатом и избирателями: «кандидат представляет на их суд не просто программу, он предлагает им особую телесную атмосферу, совокупность своих бытовых предпочтений, проявляющихся в чертах его лица, одежде, позе» [19, с.320]. И далее: «в фотографиях выражаются не намерения кандидата, а его побуждения – все те семейные, психические, даже эротические обстоятельства, весь тот стиль жизни, продуктом и привлекательным примером которого он является» [19, с.320]. Язык политики не сводится только к словам. То, что политики считают значимым или не значимым, так или иначе находит отражение в

стиле жизни нации. «Политика – это одежда, еда, жилище, развлечения, литература, кино и отпуск – в такой же мере, как речи и статьи. Бутылочка с приправой на обеденном столе сэра Гарольда Вильсона в резиденции на Даунинг-стрит 10 была частью языка лейбористов в течение его срока пребывания у власти. С ее помощью он как бы публично заявлял, что предпочитает разделять вкусы простых людей и избегает элитизма. Никакие слова не могли бы лучше выразить эту мысль» [205, с.112].

Политики находятся в состоянии перманентного флеш-моба, совершая публичные действия посредством нелингвистического медийного языка. Главная цель таких действий — установить контакт с публикой, аудиторией, массой, воздействовать на нее, создать впечатление, удивить, ввести в замешательство, вызвать чувство интереса, тревоги, ввергнуть в полное непонимание происходящего абсурда. «Общество спектакля», где каждый из нас участник социального действа и зритель (наблюдатель) одновременно, сменилось на социальность флеш-моба, где политики действуют подобно моберам, политические кампании развиваются по логике флеш-мобов, политический дискурс является разыгрываемым по заданному сценарию абсурдным представлением, а массы (так называемые фомичи) воспринимают происходящее серьёзно, как будто в разыгрываемой ситуации есть какой-то смысл, который они пытаются отыскать.

Понимание общества как театрализованной реальности и социальных акторов как исполнителей определенных социальных можно встретить в работах представителей символического интеракционизма Ч. Кули, Д.Г. Мида; в философских построениях У. Джемса и Д. Сантаяны. Однако более масштабные и углубленные рефлексии над природой «общества спектакля» можно обнаружить в работах «Представление себя другим в повседневной жизни» канадско-американского социолога И. Гофмана, «Общество спектакля» французского философа и политического деятеля Ги Дебора, «Общество потребления. Его мифы и структуры» французского социолога и философа Ж. Бодрийяра и «Бытие единичное множественное» французского философа Ж.-Л. Нанси.

Выход из коммуникативного кризиса видится в привлечении общества к участию в коммуникации и в формировании у СМИ готовности организовывать такую работу и умения делать это. Только при условии, что в социальное пространство вернется коммуникативный диалог, можно говорить об эффективности социальных реформ и улучшении жизни человека.

3.2. Шоппинг-моб

Шоппинг-моб – является самой известной и самой массовой интерактивной акцией потребления в повседневной жизни.

Современный социолог З. Бауман считает, что для современного человека-потребителя «походы в торговые центры – это экспедиции в иной мир, разительно отличающийся от обычной жизни, в то самое «куда-то», где можно на короткое время испытать ту уверенность в себе и ту аутентичность, которых человек тщетно ищет в рутине повседневного бытия» [22, с.128]. Он причисляет походы за покупками к «суррогатом времяпрепровождения», которые призваны заполнять образовавшуюся у человека пустоту. Шоппинг как путешествие в Иное становится в современной реальности суррогатом трансценденции. Он пытается выполнить те же функции, что и трансценденция в традиционном понимании: выход за пределы повседневности, фактичности в Иное, трансформация и проверка себя на идентичность [22, с.128].

Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймисон, П. Бурдье, М. Фуко и другие авторы с разных методологических позиций анализировали семиотический характер потребительских отношений. Бодрийяр строго придерживался теоремы консюмеризма: «Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками» [31, с.82]. У структуралистов Бодрийяр взял идею видения системы потребительских товаров через призму кода сигнификации (смысла), осуществляющего контроль как над предметами, так и индивидами

общества. Предметы потребления являются частью знаковой системы. Поэтому можно утверждать, что когда люди потребляют предметы, они потребляют и знаки. То, что мы потребляем, зачастую не является предметами в собственном смысле слова, а лишь знаками. Потребление, согласно Бодрийяру, является систематическим актом манипуляции знаками. Чтобы стать предметом потребления, предмет изначально должен стать знаком [191]. В потребительском обществе нет таких символов, которые бы не были товаром. Все символы – пиво и сигареты, высокое искусство и сексуальные акты, абстрактные теории и автомобили – производятся, обмениваются и продаются.

Люди перестают различаться по социальному происхождению или положению. Основой их дифференциации становятся потребляемые ими знаки. Более того, через потребление конкретных знаков мы уподобляемся тем, кто потребляет сходные знаки, и, напротив, становится отличными от тех людей, кто данные знаки не потребляет.

Потребление рассматривается как своего рода ритуальное действие, поскольку человек стремится купить не только какую-то вещь или услугу. По словам одного из героев романа В. Пелевина «Generation «П»», «…всегда рекламируются не вещи, а простое человеческое счастье. Всегда показывают одинаково счастливых людей, только в разных случаях это счастье вызвано разными приобретениями. Поэтому человек идет в магазин не за вещами, а за этим счастьем, а его там не продают» [132, с.240]. В таком аспекте консюмеризм сводится не к потреблению самих вещей, но лишь опосредуемого ими содержания (например, социального статуса). Вещь становится элементом своеобразного символического конструктора. Шопинг превращен в вид недискурсивной практики, посредством которой индивид пытается стать счастливым, завоевать удовлетворяющее его место в иерархии общественных статусов, или хотя бы создает алиби своей интегрированности. Обладание превращается, как о том и говорит Бодрийяр, в вид социальной службы, в удостоверение гражданина, в доказательство легитимности его социального положения [32, с.41].

В обществе постмодерна люди не покупают то, в чем они нуждаются. Скорее, код контролирует и принуждает их делать те или иные покупки. Предметы утрачивают функцию полезности. Потребительская стоимость заменяется символической стоимостью: индивиды начинают приобретать товары, потому что они являются символами престижа, власти, благополучия. Эти символы не столько удовлетворяют конкретные потребности, сколько служат дифференцирующими знаками, свидетельствующими о принадлежности к конкретной группе равных. Так, постепенно из потребляемых символов складывается «язык», позволяющий значимо общаться с окружающими: потребляемые товары могут «красноречиво» рассказать практически все об их владельцах, принадлежащих к определенной «потребительской массе».

Причем, именно код контролирует, какие предметы люди потребляют, что они делают. Индивидам может казаться, что, имея деньги, они могут приобрести все, что угодно, все, что они могут захотеть. Но дело-то в том, что они могут захотеть лишь то, что потребляет группа, к которой они принадлежат, точнее, то, что диктует характерный для данной группы код сигнификации. В этом весь смысл потребительского общества: людям кажется, что они полностью свободны в потреблении, но в действительности код сигнификации ограничивает их свободу. Потребление – это акт захвата Большим Другим, который и есть символический порядок общества, объективные структуры власти и языка. Симптомы этой ассимиляции субъекта, образное выражение этого захвата субъекта объективными структурами, большим Другим, Вещью, структурами власти и языка представлены в книге С. Жижека «Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм» [68]. Вместо традиционного «Я» именно Другой сегодня обретает статус субъекта всех человеческих актов. Даже желает и наслаждается «вместо» самого человека Другой. Инстанция человеческого «я» становится медиатором символического порядка общества, всего лишь «моделью, болванкой, чистой разметкой, выполняющей функцию освобожденного от референции означающего, проводника бесконечной

символической метонимии» [68, с.76]. Славой Жижек дополняет понятие «интерактивность» его темным двойником, понятием «*интерпассивность*» и спрашивает: «Но разве изнанкой интерактивности не является интерпассивность? Разве необходимым дополнением моего взаимодействия с объектом вместо пассивного следования шоу не является ситуация, когда объект лишает меня моей собственной пассивной реакции удовлетворения (скорби или смеха), когда объект сам непосредственно «наслаждается шоу» вместо меня, освобождая меня от наложенной сверх-я обязанности наслаждаться самому? Разве мы не являемся свидетелями «интерпассивности» в форме современного телевидения или рекламных щитов, которые на самом деле пассивно наслаждаются продукцией вместо нас? (Упаковки «Кока-колы», на которых написано «Ого! Вот это вкус!», упреждают реакцию идеального потребителя.)» [68, с.76]. Увеличивая количество интерактивных элементов СМИ, мы оказываемся в пространстве парадокса: интерактивность оказывается прямо пропорциональна интерпассивности (чем активнее взаимодействуем, тем пассивнее становимся). Интерактивность превращается в свою противоположность.

3.3. Интернет-моб

Интернет-моб (i-mob) – общее название для всех видов интерактивных акций, проводимых в Интернете (форумы, ICQ, e-mail, вебсайты, чаты, блоги, социальные сети, виртуальные игры, портал YouTube и.т. п.). Интернет стал механизмом социальной эксплозии – распространения самых разнообразных виртуальных сообществ: от клубов знакомств до виртуальных городов. Интерактивное киберпространство – это место встречи людей, среда человеческого контакта, мир повседневного. Для многих людей виртуальное общество даже более реально, чем «реальный» социум, поскольку виртуальная жизнь становится прибежищем эскапизма, бегства от мрачной обыденности в мир иллюзий. Более того, анимационный персонаж из мультисериалов или компьютерных игр становится «роднее» и понятнее

реальных людей из реального окружения. Привлекательность различных видов интерактивного виртуального общения связана с тем, что они являются воплощением игры в том культурном значении, в каком ее рассматривал Й. Хейзинга. «Различные виды общения – электронная почта, форумы, чаты, рассылки, виртуальные открытки – проникнуты духом авантюризма, веселья и экспериментирования – «игривостью» («playfullness») в терминологии Д. Бренда» [153, с.703интерактивность]. Игривость – это концентрированная интерактивность в сумме с возможностью замаскироваться, спрятаться, создать иллюзорную идентичность, в какой-то мере позволяющая преодолеть грань коммуникативного отчуждения, столь убедительно проанализированную Бодрийаром.

Информационный обмен он-лайн и взаимное сотрудничество сайтов происходит с невиданной раньше интенсивностью. Однако за игривостью и интенсивностью не замечается «кибернетическая иллюзия» коммуникации и полноценного взаимодействия. Интерактивный, сетевой контакт вызывает ложный эффект участия в коммуникативном со-бытии, ложный эффект непосредственного и заинтересованного общения с адресатом. «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрывают самые тонкие механизмы постановки коммуникации» [153, с.703].

Каждый новый пользователь сети одновременно становится и новым порталом, новым сервером. «Он не только может смотреть реалити-шоу в прямом эфире, но и демонстрировать реалити-шоу со своего места и у компьютера, и тогда все пользователи сети смогут увидеть как он сидит перед экраном и смотрит, как кто-то другой сидит перед экраном и так в периоде… Для разнообразия можно состроить гримасу или хихикнуть. Так созидается новое общество» [65].

Электронное общение нельзя назвать «живым», ибо интеракция опосредуется машинным взаимодействием. Онлайновские контакты людей друг с другом представляют собой отношения двух живых машин,

использующих друг друга. Собеседник по интернету во многом утрачивают свою человеческую жизненность и предметность: живой человеческий лик превращается в некое абстрактное электронное свечение, в эрзац-собеседника, муляж. В качестве адресата может выступать симулякр, эрзац-собеседник, любой «другой», которого говорящий принимает за Другого. Поэтому спор, диалог превращается в «лечение речью» в странной монологической форме, при которой не важна личность и слово адресата. Обращаясь к нему, на самом деле обращаются к общественному закону. Но поскольку, согласно общепринятому постулату психоанализа, «лечение монологом» в отсутствие слушателя в принципе невозможно, подобные монодиалоги приносят только временное облегчение. По сути онлайновские отношения носят внешний характер, создавая видимость дружелюбия, любви и порядочности, за которыми скрывается взаимная отчужденность, недоверие и равнодушие. Этот вид отчуждения приводит к потере человеком духовных, личностных связей. При наличии внешних контактов в человеческих взаимоотношениях отсутствуют со-причастность, со-переживание, со-бытие с Другим. Именно эта форма отчуждения, связанная с нарушением коммуникативных связей, особенно обостряет ситуацию одиночества.

Интерактивность предполагает принцип обратной связи, однако обратимость, обратная связь (feed-back) как главный принцип интерактивности не имеет ничего общего с обоюдностью, взаимностью, антагонизмом и амбивалентностью коммуникативного обмена. Это инсценировка коммуникации, инсценировка обмена смыслом. В интернете нельзя быть по-настоящему обманутым, обиженным или оскорбленным, ведь мало что является настоящим. Единственная цель он-лайн общения – поддержание общения. Коммуникативная функция замещается аффективной, экспрессивной и фатической. Коммуникативное событие это всегда обмен и рождение смысла. При контакте в сети формальная интенсивность инфо-обмена замещает содержательные процессы смысло-порождения. Смысл редуцируется до точки интерактивного контакта. Происходит

«деконцентрация смысла» в Интернете (О.В. Романов). Практически все находящиеся в сети документы – «распыленные, раздробленные, разбросанные, жидкие, они… распыляют даже те множественные конкретные мысли, которые доступны для представления на бумаге»; эта деконцентрация идет по следующим основным направлениям: «виртуализация реальности; децентрация гипертекста; деконструкция концепта и замещение его ризомой; разрушение дискурса свободной игрой ассоциаций; замена точного выражения мысли в классическом тексте – «гипермыслью» как неким смысловым облаком или туманностью, клубящейся вокруг и около гипертекста; замена линейного мышления ризомной сетевой структурой; замена закрытых логик – открытыми; деконцентрация субъекта мышления» [144, с.38]. В противоположность корневым смыслам стали превалировать ризоматические смыслы и формы отношений. Зрелищные технологии в оформлении контактов прогрессируют очень стремительно, все больше затушевывая смысл происходящего. В потребительском же обществе необходимость в нем отпала, а вместе с ним отпала потребность в дискурсивных (рациональных) усилиях, что привило к изменениям в отношениях. Фатическая функция, функция контакта вытесняет функцию смыслопорождения. Контактирующие обмениваются «по горизонтали и по вертикали инфемами, квантами ничего не означающей информации, что создает симуляцию действия и процесса при отсутствии какой бы то ни было поступательности или накопительности (этот путь «вперед» уже заблокирован выросшим до гигантских размеров ничто)» [68]. Липовецки отмечает, что, «чем больше у современного человека тяга к самовыражению, к субъектности, тем меньше смысла в этих выражениях, больше анонимности и пустоты, вообще перестает сообщаться что-либо» [99, с.59]. «Контакт ради контакта становится родом пустого соблазна языка, когда ему уже просто нечего сказать… это мы нуждаемся в функции «контакта», тогда как в иных культурах она не имеет ни смысла, ни какого-либо специального обозначения» [33, с.211]. Говорящий на языке без слов – создатель новой информации, неожиданной для аудитории и непонятной ей.

«Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [35, с.26]. Информация везде, она не столько способствует ускоренному обращению смысла и создает прибавочную стоимость смысла, сколько непосредственно разрушает или нейтрализует смысл и сигнификацию. Информация пожирает свой собственный контент, коммуникацию и социальное. И это происходит, считает Бодрийяр, по двум причинам: «Вместо того, чтобы создавать коммуникацию, информация исчерпывает свои силы в инсценировке коммуникации. … Круговая схема, в которой на сцене разыгрывают то, чего желает аудитория, антитеатр коммуникации, который, как известно, всегда является лишь повторным использованием через отрицание традиционного института, интегрированной отрицательной схемой. В дополнение к этому, чрезмерной инсценировкой коммуникации СМИ усиленно добиваются информацией непреодолимой деструктуризации безотзывного социального» [35, с.26]. Информация разлагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность, обреченную вовсе не на рост нового, а наоборот, на тотальную энтропию. Таким образом, средства массовой информации – это движители не социализации, а как раз наоборот, имплозии социального в массах.

Интересен вопрос: СМИ нейтрализуют смысл и продуцируют «бесформенную» [informe] или информированную [informee] массу, или это массы удачно сопротивляются средствам информации, отвергая или поглощая без ответа все сообщения, которые те продуцируют? Является ли молчание масс пассивным сопротивлением? В «Реквиеме по массмедиа» Бодрийяр проанализировал и описал СМИ как институт ирреверсивной модели коммуникации без ответа [34]. В «симулякрах и симуляции» это отсутствие ответа можно понять уже не как стратегию власти, а как контрстратегию самих масс, направленную против власти. Не медиа вводят массы в состояние гипноза, а, наоборот, массы заставляют медиа превращаться в бессмысленное зрелище [35, с.28].

Опустошительно-разрушительная сила сетевого общения в том, что оно уничтожает коммуникативные связи. Общество конструируется на основании «идеологии контакта», которая, по словам Бодрийяра, подменяет понятие общественного отношения. Здесь возникает проблема разрушения «взаимности», «согласия», смыслопорождения, формирующих подлинные социальные взаимодействия. Отношения «в контакте» рассматриваются как категория, составляющая все более мощную конкуренцию человеческим отношениям, без которых социальное бытие обесценивается, социальность заменяется «постсоциальностью», а социальный опыт человека может привести к его самоотчуждению, к «онтологической смерти», поскольку становится все более реальна тотальная атомизация и обезличивание человека [99].

Социальность означает возможность вступать в социальное отношение с другими, а социальное отношение, как указывает Ортега-и-Гассет, — это «*когда я имею дело с вероятной взаимностью "Другого"* . Этот «другой» — Человек — есть прежде всего некий индивид, любой «Другой», о котором только и известно, что он способен реально или потенциально отвечать на мое действие, адресованное ему, что в свою очередь обязывает и меня предварительно учитывать ответ, реакцию другого, принявшего в расчет мое действие» [127, с.506].

Одна из отличительных особенностей современной жизни состоит в том, что встает вопрос о том, действительно ли другие люди являются наиболее интересным элементом окружающей среды – тем, на который люди тоньше и охотнее всего реагируют и которому они уделяют наибольшее внимание. Компьютер может рассматриваться как третий участник общения, поскольку он активно и со своей точки зрения способствует формированию «отзывчивой» виртуальной среды взаимодействия (установление настроек, выбор параметров сообщения и т. д.). Длительное дружеское общение с компьютером приводит к своеобразному симбиозу человека и машины. Нелингвистическая социальность демонстрирует эту обсессивную тягу к общению с компьютером. Для многих такое общение более удобное, чем с

людьми, потому что оно проще и понятнее, чем другие люди. Talk to Me: Design and the Communication Between People and Objects («Поговори со мной: дизайн и взаимодействие людей и объектов») – одна из многих выставок, проводившаяся в Museum of Modern Art в Нью-Йорке. Согласно официальному пресс-релизу, Talk to Me посвящена взаимодействию человека и объекта: как следствие, материалом или основной для произведений искусства здесь служат подобные «коммуникативные» предметы, использующиеся нами в повседневности, такие как телефоны, компьютеры, информационные системы, интерфейсы тех или иных компьютерных программ. Проект демонстрирует, каким образом эти объекты образуют эмоциональную, чувственную или интеллектуальную связь со своим владельцем или пользователем. В некоторых случаях объекты говорят сами за себя, в других художники и дизайнеры домысливают пути, с помощью которых эти объекты помогают нам в общении. Цифровые коммуникации функционально избыточны, они не служат лишь для контакта, для передачи сигналов. В виртуальной интерактивной среде можно создавать объекты и целые миры. Из чего, как минимум, следует, что компьютер перестал быть медиумом, средством информации. Компьютер теперь больше чем медиум, он стал (со)творцом, агентом, он стимулирует действия и различные виды активности. Его цель, скорее, в анализе событий и инициировании действий. Взаимодействие с компьютером как интеракция больше походит на диалог с партнером, чем на серию монологов с участием печатной машинки или холста. «Компьютер – это не медиум и не инструмент, но новый тип социо-культурного агента – цифровой депутат, которому поручена рефигурация социальных взаимодействий» [138, с.703]. Именно особый тип функциональности позволяет достичь эффекта преображения электронного медиума в социального агента. Мы сталкиваемся с новым видом связи, а именно, с со-действием человека и компьютера, в котором два участника выступают его со-творцами, то есть содействием, в которое вовлечен, вплетен ответ другого и которое, по сути, взаимо-действие. Эра массовых электронных коммуникаций, по мнению Куцепал С.В., приводит к

изменению традиционной модели взаимоотношений «Я» – «Другой», когда место реального собеседника занимает экран компьютера, с помощью которого разыгрывается спектакль коммуникации, происходит симуляция разговора. Результатом «общения» с компьютером становится «значительное уменьшение непосредственного общения между людьми, замены его коротким (или обширным) электронным посланием, простой sms-кою или общением с помощью ICQ. Привычная коммуникация с собеседником заменяется симулякром общения с человеком-образом, человеком-фото» [93, с.89].

Участники он-лайн общения обмениваются фотографиями, комментариями, ссылками, сидят в аськах, чатах, форумах, блогах. Сообщества, возникающие на основе компьютерных интеракций, существуют и действуют преимущественно как движение текстов и образов на плоскости экрана. Поэтому в современном обществе, где информационное производство начинает играть одну из главных ролей, текст – как исходный материал и продукт производства – приобретает статус универсального средства обмена. Широкие мультимедийные возможности вебстраниц позволяют дополнять текстовое содержание фото-, видео- и аудиофайлами, а также графическими и анимационными изображениями, создавать индивидуальный визуальный и музыкальный дизайн сообщения. На смену текстовому актуализируется визуальный тип предоставления информации, картинка теснит предложение, впечатление теснит разъяснение, обратное происходило, когда так же, по описанию В. Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери», печатный станок потеснил собор.

Электронный текст представляет собой особую знаковую систему, посредством которой осуществляется интеракция. Компьютерное тестовое сообщение организовывает внимание получателя, удерживает интерес, обеспечивает понимание и запоминание содержания, формирует определенное мнение. Электронное сообщение относится к тем видам текстов, которые призваны оказать по возможности более прямое и непосредственное воздействие на получателя. Для воплощения этой задачи

авторы используют определённые механизмы воздействия на получателя информации, а именно осуществляют намеренный отбор лингвистических и нелингвистических средств. Смыслы и значения (авторские интенции, интеллектуальная и модально-эмоциональная информация) могут быть зашифрованы как на лексико-семантическом и синтаксическом уровне, так и на паралингвистическом уровне организации текста. Паралингвистические средства образуют поле паралингвистических средств текста. В данное поле входят: графическая сегментация текста и его расположение на странице, длина строки, пробелы, шрифт, цвет, курсив, подчеркивания, графические символы, цифры, необычная орфография слов и расстановка пунктуационных знаков, формат страницы, ширина полей, графо- и цветосемантика (по аналогии с «фоносемантикой» – впечатление от цвета и графической формы изображений), средства иконического языка (рисунок, визуальное изображение, иллюстрации, фотография, карикатура, таблица, схема, чертеж, смайлики, значки) и другие средства, набор которых не является жестко фиксированным и может варьироваться в зависимости от характера конкретного текста.

Авторская пунктуация выполняет разнообразные функции, основной из которой является кодирование авторской интонации в графической форме текста. Курсивное выделение применяется для обозначения авторских ремарок. Увеличение размера букв воспринимается как иконический знак увеличения силы голоса. Необычный шрифт (имитация китайских иероглифов), способен вызывать у реципиента ассоциации с определенной нацией, исторической эпохой, историческими традициями, стариной, фольклором. Некие абстрактные смыслы рождаются ощущениями от цвета и графической формы изображений (например, стрела связана с такими символическими значениями, как импульс, быстрота, угроза и целенаправленность). «… знаки с горизонтально-вертикальной структурой производят впечатление статичности, оборонительности, консервативности, в то время как знаки с акцентом на диагоналях связаны с динамическо-агрессивными движениями» [28, с.129]. Л.Ф. Компанцева считает, что

необходимо расширить содержание понятия «паралингвистические средства», поскольку в поле таких средств вошли не только графические, но и аудиальные и мультимедийные компоненты. Она предлагает следующую классификацию паралингвистических средств оформления электронного текста: 1) иконические (графические) средства, а именно: фотографии, рисунки, таблицы, формулы, символы; 2) аудиальные (звуковые) средства: музыкальные, речевые фрагменты; 3) мультимедийные средства, которые представляют собой интеграцию графики, звука и динамики [83, с.34].

Паралингвистические средства текста могут быть самоценными, эксплицировать авторский замысел и задавать необходимый настрой для читательского восприятия еще до чтения вербального текста сообщения. Они передают семантическую и эмоционально-экспрессивную информацию, то есть на визуальном уровне подкрепляют импликативный подтекст сверхсловесным выражением авторских интенций. Включенность в тексты паралингвистических и экстралингвистических средств наряду с лингвистическими придает текстовым формам большую лаконичность, прагматичность и экспрессивность. Компьютерный текст представляет собой пример максимально эффективного использования не-языковых средств и может рассматриваться как паралингвистически активный текст.

В структуре любого (телевизионного, радио, фото) коммуникативного сообщения можно выделить вербальные и невербальные элементы. Текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой) и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык, получил статус *креолизованного текста*. Креолизованный текст есть «особый лингвовизуальный феномен, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [7, с.71]. Роль креолизованных текстов стремительно возрастает и знаменует собой качественно новый процесс развития коммуникации, отвечающий потребностям современного общества.

Совокупность креолизованных текстов создает мультимедийность информационного пространства. Если говорить обобщенно, то мультимедиа – это сочетание разных сред (или средств) представления информации: текст, графика, звук, устное и печатное слово, музыка, видео и фото, графическая анимация, а также интерактивные и гипертекстовые элементы. В последнее время появились такие мультимедийные формы, как аудиослайдфильм, интерактивная видеоколонка, инфографика и др.

Паралингвистически активный текст как семантически организованная последовательность знаков перестает восприниматься в относительно жестко структурированной форме, становится просто роением, теряя структуру «тезис-аргументы-вывод». Активные пользователи интернета более склонны к net-мышлению, не боятся хаоса, интуитивно понимают стохастические закономерности. Невербалика стимулирует человеческую интуицию, правополушарное мышление.

Именно многообразие используемых разноплановых нелингвистических семиотических средств и делает компьютерный текст наиболее эффективным средством воздействия. Проведенное исследование показало, что звуковой фон сообщения, музыкальное сопровождение и шумы привлекают дополнительное внимание к электронному тексту и усиливают его воздействие на реципиента. Разнообразные невербальные элементы можно отнести к средствам фиксации внимания и оказания воздействия. Они подчинены задаче привлечения внимания и выполняют контактоустанавливающую функцию, которую можно определить как совокупность эмотивной (вызывает определенную эмоциональную реакцию, мотивирует), эстетической (воздействие сообщения как произведения искусства, здесь играет роль сама форма обращения) и убеждающей функций. Таким образом, речь идет не о коммуникативном отношении, а об интерактивном контакте. «Интернет играет положительную роль в поддержании контактных связей на расстоянии, а также помогает обозначить присутствие без вступления в более глубокое взаимодействие, для которого не всегда хватает запаса эмоциональной энергии» [79, с.174].

Амбивалентность сложившейся для человека ситуации проявляется и в том, что, с одной стороны, «сетевая культура» предоставляет потенциально неограниченный круг общения, а с другой, это общение превращается в контакт, интерактивный обмен фотографиями, комментариями, ссылками, смайликами. Интернет способствует внутрисоциальному взаимодействию и одновременно способствует отчуждению людей друг от друга, постепенно изменяя социум в целом. У. Эко утверждает, что значение метафоры «глобальная деревня» незаслуженно преувеличено, и истинная проблема заключается как раз в том, что будущее обещает стать «обществом одиноких людей» [184].

3.4. Сити-моб

Сити-моб – городская толпа — это совокупность людей на улицах города, на площади, в транспорте, стадионе, киноконцертном зале, супермаркете, клубе. Город – это одна гигантская площадка для флеш-мобовских акций в виде концертов на площадях, футбольных матчей на стадионах, просмотров фильмов в кинотеатрах, шопингов в торгово-развлекательных центрах, танц-полов в клубах, когда собираются группы людей и по заданному сценарию, не общаясь друг с другом, совершают некие действия без определенных целей и результатов.

Флеш-мобы – это язык новой социальности, которая конституируется современным городским энвайронментом. Собственно флешмобы выступают симптоматичными признаками нелингвистической социальности. Современная параструктурная (нелингвистическая) социальность говорит, выражает себя посредством интерактивного языка, практик интеракций. Переход от иерархического, структурного общества к ризоматическому сопровождался созданием дискурсов, мини нарративов, переход к параструктурной нелингвистической социальности сопровождается появлением парадискурсов или практик недискурсивного, интерактивного обмена.

Городской ландшафт из улиц, площадей, парков, клубов, стадионов, торгово-развлекательных центров, перенасыщенных невербальными носителями информации, непроизвольно, само собой генерирует недискурсивность (интерактивность / интерпассивность) масс. Множество каналов поступления невербальной информации, масса вариантов изложения событий реальности, отсутствие четкого критерия разделения информации на «лингвистическую» и «нелингвистическую» помещают типичного представителя аудитории СМИ в ситуацию интеракции, когда информация, бомбардирующая перцептивные рецепторы, забивает эти каналы чувственного восприятия, не оставляя шанса на усвоение информации в полном объеме и осмысление ее в момент получения сообщения. Интенсивная подача невербальной информации, стимулирующая восприятие нежели осмысление, вызывает у аудитории чувство эмоциональной захваченности, ощущение телесной вовлеченности и убежденность в невозможности что-либо изменить, при этом уже не приходится говорить о какой-либо активной социальной позиции индивида.

Многие исследователи обращают внимание на то, что с распространением невербалики резко возрастает значение визуального мышления – «умственной деятельности, в основе которой лежит оперирование наглядными графиками, пространственно структурированными схемами» [80, с.43]. Предполагается, что невербалика способствует взаимопроникновению и взаимоусилению рационального и внерациональных способов освоения действительности. Городской энвайронмент, среда обитания современного человека, насыщенная невербаликой, требует гаптически-ощупывающего аудио-визуального восприятия, а не рефлексирующей мысли. Созерцание, критическое мышление, уступает место гаптическому, тактильному, в широком смысле слова, отношению индивида со знаковой поверхностью. Художественно-эстетическое мировосприятие отчасти вытесняет собой дискурсивное мышление, значит рациональная коммуникация замещается недискурсивной интеракцией. Коммуникативное действие на основе понятийного мышления

вырабатывает общие смыслы, приводит к согласию или конфликту. В отличие от коммуникативных общений, в интерактивном контакте не вырабатывается общность. Интерактивные практики связывают без признаков общности, солидарности. Главное свойство интерактивности заключается в совместном, коллективном действовании, секрет которого находится в самой природе человека. Феномен интерактивности возник из потребности человека быть вместе, быть сопричастным окружающим. Это естественное стремление к коллективному действованию, к общности поддерживается интеракцией. Только теперь эта общность приобретает искаженную форму. Интерактивный контакт очерчивает и прорисовывает особое пространство, где люди сохраняют свою взаимообусловленность и взаимосвязь, однако утрачивают общие цели, солидарность, сочувствие, взаимность. Единственная цель интеракции – это сама интеракция. Индивид разделяет с себе подобными функции, роли и знаки социальности, и в этом разделении полностью выражается его бытие. В клубе, спортивном стадионе, торгово-развлекательном центре, концертном зале человек ощущает свою вовлеченность в общее движение, включенность в совместное бытие без общности целей, ценностных ориентаций. Причем ощущение включенности, вовлеченности возникает в результате общего разделяемого семиотического пространства. Семиотические средства невербальной природы отсылают зрителя к вторичным коннотативным значениям, вызывают семантические эффекты, порождают некие абстрактные смыслы, которые улавливаются интуитивно, разворачивают ряд нужных ассоциаций и аллюзий, внушают чувственные ощущения, провоцируют сенсорное раздражение, эмоционально заражают и формируют через эмоции соответствующие установки и переживания [16]. Через элементы невербального языка передается многозначная чувственно-смысловая информационная нагрузка и суггестивная энергия, которая побуждает реципиента к ответной реакции. В своей совокупности невербальные компоненты создают особый инструмент (язык) суггестивного воздействия на сознание или подсознание через эмоциональную сферу. Именно благодаря переживаниям, полученным в

процессе интеракции, возникает ощущение совместности, общности с другими присутствующими. Если коммуникация способствует солидарности на основе общих жизненных ценностей, то интеракция способствует совместности, которая рождает со-участников, а не единомышленников. Индивид в поисках форм общения находит контакт. Любовь, уже не сводимая к супружеству, приобретает все более причудливые формы сексуальных контактов. Город живет скоростью и многообразием контактов, которые не дают удовлетворения человеку, ибо являются слишком быстрыми и вместе с тем поверхностными, обостряющими одиночество и индифферентность других. Реклама, зрелища интенсифицируют зрение и будят желания, однако за всем этим скрывается глубокая апатия. Люди забегают выпить чашку кофе, обмениваются телефонными сообщениями, е-мейлами, фотографиями, сидят в аське, в контакте, скайпе, тусуются в клубах. Длительное и глубокое общение становится архаизмом. Роль центральной фигуры городской среды отводена «контактирующему». Контактировать значит устанавливать контакты, связи, обмениваться информацией, скользить по поверхности. Контакты разбивают жизнь на эпизоды – без прошлого и без обстоятельств. Это встречи-репетиции, без эффектов, обязательств и последствий. При наличии внешних контактов в человеческих взаимоотношениях отсутствуют со-причастность, со-переживание, со-бытие с Другим. Именно эта форма отчуждения, связанная с нарушением коммуникативных связей, особенно обостряет ситуацию одиночества.

Типичным мировым городом современности является Нью-Йорк. Но если посмотреть на его «агору» — центр, где тусуется молодежь, то «отличием современной агоры от классической является отсутствие артикулированных речей» [110, с.89]. «Наррация у современной молодежи считается чем-то неприличным и явным признаком безумия или старческого маразма. Так они протестуют против господства языка. Однако в том, что современные люди выбрали молчание, виновато и устройство города. Его шумные улицы и площади, транспорт, кафе, магазины не располагают к

дружескому общению. Но чувство симпатии реализуется на визуальном уровне. Вместо долгих завлекательных разговоров молодые люди обмениваются взглядами и улыбками. Они вспыхивают и гаснут, как огни рекламы, и поддерживают человека в мире, где реальность и иллюзия неразличимы» [110, с.89].

Массы и особенно молодежные массы, переставшие понимать «большие нарративы», с удовольствием погружаются в дионисийскую стихию социального разложения, дефрагментации, регруппировки по маленьким коллективам (компаниям), за пределами которых мир и общество существуют гадательно и вероятностно. Отсюда стремление молодежи к *искажению языка*, к изобретению *нового арго*, которое призвано разрушить грамматические нормативы. С позиции логоса – это чистые ошибки. Но с точки зрения мифа – это попытка воссоздать риторику в ее фундаментальном качестве – как язык параллельной логики, язык мифа. Интернет и живой журнал дает этому множество примеров. Популярный в интернет-России «албанский язык», некоторое время назад чрезвычайно популярный в Live Journal – яркий пример этого. «Выражения «превед», «кросавчег», «аффтар жжот» и т. д. представляют собой насыщенный смутными, но выразительными мифемами, возгласы, находящиеся между логемой (упорядочивающий с помощью таких интернет-«похрюкиваний» окружающий микро мир, поднимающий настроение, уверяющийся в коллективной принадлежности к интернет-сообществу и т. д.) и чистым бессознательным. «Албанский» язык – это спонтанное открытие мощи катахрезы, являющейся важнейшим инструментом ноктюрна» [65].

Последняя книга Мишеля Маффесоли называется «Апокалипсис» и описывает фундаментальные перемены в современном обществе при переходе к парадигме Постмодерна. «Малые группы – “племена” – отныне свободно растекаются по гладкому пространству, погружаясь в негу наступающей бессмысленности, коверкая язык и упраздняя социальные институты, лукаво пуская слюни и заставляя учителей принимать это за правильный ответ на экзамене. Снос трансценденции становятся похоронами

логоса, и вместе с тем опечатанным крахом диурна – его инициатива провалилась, логема не состоятельна, мир погружается в мать, мать восходит над миром» [65].

Городской ландшафт представляет собой интерактивное пространство, которое организует, упорядочивает и в каком-то смысле формирует новое социальное тело – интеграцию изолированных автономизированных и конкурирующих индивидов, связанных друг с другом недискурсивным символическим обменом. Интеграция не как целостность или единство, а как синтез – способ бытия-вместе больше, чем сумма изолированных и не связанных друг с другом дисциплин, но и меньше, чем их единство. Невербалика интегрирует/соединяет участников в коллективное недискурсивное тело. Не содержание аудвизуальных текстов, а сам медиум, форма выражения, подачи информации, создающая настроение, ощущения, впечатления, аппелирующая к восприятию, эмоциональности, генерирует нелингвистическую совместность. Назначение невербалики не в том, чтобы информировать и манипулировать, пропагандировать. Задача невербалики – интеграция атомизированных индивидов в совместность. «Множества» (multitudes) все более тяготеют к освобождению от каких-либо логических свойств, стремятся высвободить аффект, спонтанную креативность и нецензурированные желания [175].

Мы называем эту недискурсивную/интерпассивную «общность» со-участников «нелингвистической социальностью». Речь идет о бесструктурном/деструктивном содействовании, участники которого лишены динамики осмысления и смыслообразования, какой-либо общей цели, способной сплотить их в единое целое. Это опыт переживания не фундаментальной общности интересов, ценностей, единства и равенства, а производство случайных совместных действий по заданному сценарию. Нечто подобное флеш-мобу, нелогичные действия незнакомых, необщающихся между собой людей без целей и результатов. Основная черта такой совместности – непонятийность, недискурсивность, некоммуникативность, интерпассивность, связность.

Угасание коммунитарного подъема грозит социальности превращением в гигантский флеш-моб – совокуность интерактивных акций.

Необходимо отметить, что нелингвистический интерактивный обмен был присущ обществу всегда, человек всегда жил, погруженный в феномен невербального взаимодействия, однако невербальный медиум никогда прежде не имел таких широких возможностей как в современный век электронных технологий. Интерактивные связи существовали всегда, нелингвистическая социальность – это феномен нашего времени.

Выводы к третьему разделу

Экспансия электронных аудиовизуальных медийных технологий передачи информации знаменует собой трансформацию коммуникативных отношений в интерактивные взаимодействия. Отличие интеракции от коммуникации заключается в том, что при интеракции происходит рождение и обмен непонятийными смыслами.

В информационном пространстве, насыщенном нелингвистическими знаковыми носителями, возникают интерактивные связи, которые вносят параструктурные элементы в ризоматическую структуру социальности. Таким образом, интерактивность (паракоммуникативность, паралингвистичность) как отклонение от коммуникативности все больше и больше входит в нашу жизнь, способствует появлению нового параструктурного социального порядка. Модерная социальность предстала исследователям как иерархически вертикально организованная структура, постмодерная – как ризоматически структурированная. С нашей точки зрения социальность видется параструктурой, искажением, отклонением, извращенной формой коммуникативных структур социального общежития. Сегодняшняя социальность все более отклоняется от коммуникативности – структурированной совокупности человеческих индивидов, рационально комуницирующих в целях достижения согласия, – превращаясь в

параструктурную социальную организацию, которую мы определяем термином «нелингвистическая социальность».

По сути, нелингвистическая социальность как постоянно возникающий и существующий эффект совместной и разделенной деятельности индивидов по обмену невербализованной информацией предстает своеобразным внерациональным состоянием совместности, в котором развивается новое качество социальной жизни – отсутствие общности, солидарности, взаимности. Интерактивность в конечном итоге выступает деструктором социальности, приводит к совместности без общности, к псевдосоциальности, негативной социальности (параобщности). Совместность, собранная из интерактивных контактов, превращается в суррогат социальности. Для обозначения патологичности (параструктурности), масштабности, анонимности, бесцельности, некоммуникативности современной социальности в противовес коммуникативной обоюдности, общности и взаимности подлинной социальности мы используем метафору флеш-моба. «Флеш-моб» представляет собой не совокупность нелингвистических знаков (образов), но некоммуникативные (неструктурные) отношения/связи между людьми, опосредованные нелингвистическим символическим обменом.

Из множества интерактивных взаимодействий, которые дают нам право характеризовать нелингвистическую социальность как гигантский флеш-моб, мы рассматриваем политику, шоппинг, сетевое общение он-лайн и массовые городские взаимодействия в клубах, концерт-залах, спорт-стадионах, торгово-развлекательных центрах.

Политические действия напоминают флеш-моб акции с их заранее спланированным сценарием, театральностью, бесцельностью и безрезультативностью, непониманием со стороны наблюдающих (зрительской аудитории). Каждый индивид помещен не в ситуацию открытого обсуждения, а в состояние взаимного манипулятивного воздействия.

Шопинг становится практикой потребления знаковых структур, которые захватывают индивида, превращая в свою функцию. Интерактивность как взаимность, наличие обратной связи превращается в свою противоположность – интерпассивность.

Он-лайновый контакт в форме блога, чата, icq, e-mail, форума исключает возможность коммуникативных отношений, т. к. при общении он-лайн происходит подмена субъект-субъектного диалога субъект-объектным, а также истощение смыслообразовательных процедур. Немой, анонимный разговор с компьютером – это негласная флеш-моб акция, когда миллионы людей, будучи в здравом рассудке, сидят перед экранами мониторов в интерактивном контакте друг с другом.

Сити-моб представляет собой совокупность индивидов (горожан), взаимодействующих посредством невербальных семиотических систем. Интерактивность, недискурсивность продуцируется, стимулируется, генерируется разного рода дисциплинарными местами: клубами, стадионами, кинозалами, площадями, торгово-развлекательными центрами, интерактивными театрами, в пространстве которых происходит постепенное разложение лингвистического сознания, потеря восприимчивости к аргументам разума и риторическим фигурам речи, подмена коммуникативных отношений интерактивным обменом абстрактными смыслами, ассоциациями, аллюзиями, впечатлениями, семантическими эффектами и проч.

Политика, шопинг, он-лайн контакт, сити-моб как практкики интеракции, практики нелингвистического символического обмена инициируют нелингвистическую социальнось, которая функционирует, подменяя негативной совокупностью (интерпассивной совместностью) подлинное общество и возможность неподдельной человеческой солидарности, моральной, эстетической, религиозной взаимности.

ВЫВОДЫ

Данное диссертационное исследование представляет собой попытку концептуализации современной социальности как формы смыслоозначенного бытия вместе.

Основой для современного теоретического осмысления социальности стало обращение к истокам концептуализации социальности мыслителями предшествующих эпох.

Методологическую основу всех рационалистических теорий социальности составила парадигма логоса, в рамках которой устройство общественной жизни объяснялось с точки зрения разумных (дискурсивных) сил, обеспечивающих общность и целостность.

Концепт «Логос» приобретает несколько отличные значения в различных западных теориях, однако его смысловое ядро остается неизменным.

Для мыслителей *античности* объединяющим упорядочивающим началом (принципом) выступал безличностный абсолют, «божественный строй вещей», «общий» законопорядок, неотвратимый и неписаный закон, логос, который находил выражение в слове, критическом обсуждении, рациональном мышлении, основанном на диалектике. Поэтому, с одной стороны, общественная жизнь была результатом действия сверхъестественных метафизических механизмов, объективных законов развития и понималась как разумно устроенная и упорядоченная, логически и иерархически организованная система линейных связей, а с другой – определялась участием граждан в публичных дискуссиях, обсуждениях, зависела от слова, языка, общения. Вторая исследовательская позиция представляется наиболее плодотворной для наших теоретических поисков, т. к. взращивает идею изменчивости, спонтанности, непредсказуемости социальности.

С*редневековыми* мыслителями термин «логос» был переосмыслен, как слово личного и живого Бога, которое структурирует действия человека, наполняет моральным смыслом его жизнь и выступает объединяющим началом. Средневековая социальность рождается не через участие в

рациональном диалоге, обсуждении, дискуссии, а через сопричастность соверующих к Единому Слову Божьему, в которое верят, а не поддают критическому обсуждению.

Идея рождения социальности из ее собственных оснований не рассматривалась средневековыми мыслителями.

Нововременная социальность опирается на данные каждому человеку от природы неотчуждаемые и неотъемлемые «естественные права» и природно-естественное-разумное начало в виде договора – творение человека разумного (результат сознательной и целенаправленной деятельности людей) и следствие действия морального естественного закона, движимого Божьей волей и трансцендентного по природе. Социальность рассматривалась как правовая, организованная сообщность людей, рационально самоупорядоченная и внутренне осмысленная целокупность.

Идея языка, общения как основы смысловой общности людей не рассматривалась средневековыми мыслителями.

Модерное видение социальной реальности отказывается от трансцендентной, всё определяющей сущности и обращается к «прозводственным отношениям» (Маркс), «социальному действию» (Вебер), «социальным формам» (Зиммель), «социальным фактам» (Дюркгейм) как порождающим социальность внутренним механизмам. Объединяющим началом смысловой ориентации множества людей становятся «метанарративы» как имплицитная и нерефлексируемая система координат, парадигмальная интерпретационная матрица, задающая легитимизацию определенного типа рациональности, языка, знания, социальных институтов, стиля мышления и т. п.

В модерных трактовках социальный мир предстает как логически выстроенная рациональная конструкция, овеществленная институциональная структура, независимая от устремлений индивидов.

Постмодерные (рационалистические) установки на место упорядочивающего принципа в основании социальности выдвигают нерефлектированные человеком глубинные смысловые структуры

подсознания, которые организованы как язык, отождествляются со структурами мышления, им приписывается характер законов, адекватных принципам организации мира, существующего по правилам «универсальной грамматики». В постмодернизме мининарративы (множество языковых игр) вытеснили метанарративы (претендующие на универсальное значение).

В постмодерных трактовках социальность предстает ризоматической структурой и представляет собой не столько утвердившийся порядок, сколько более сложное, неопределенное, непредсказуемое хаотическое, динамичное состояние дискурсивного взаимообмена, протекающее в неясных, смутных, «сопутствующих», спонтанно-хаотических эмоционально-аффектных актах чувствования и мысли, в которых место безличной логики занято эмоциями и аффектами («интенсивностями», пульсациями, энергиями), место порядка — случайностью; место целостности — фрагментарностью; место слаженного ансамбля — нечто разнородным и взаимоприлаживанию не поддающимся.

В нашем исследовании общий методологический сдвиг в видении социальности проявляется прежде всего в том, что мы дополняем концепт логоса (языка, дискурсивности, рациональности) идеей *недискурсивности*, что не означает отказ от логоса и переход на позиции иррационального. Недискурсивность следует рассматривать не как антипод Логоса, иррациональную, природно-стихийную, витальную, доразумную, магическую силу, разрушающую единство, порядок и целостность, а как инорациональную (парарациональную) субстратегию дискурсивности, спонтанный механизм, производящий специфическую форму социального общежития.

Под непосредственным воздействием идеи «недискурсивности» (что дополняет и уточняет концепт «логоса») в данной работе формируется *теоретическая модель нелингвистической социальности*.

Недискурсивность раскрывается через понятия «нелингвистическое мышление», «нелингвистический знак», «язык без слов», «нелингвистическая реальность», «интеракция».

В социальной реальности необходимо наличествуют как оформленные (вербализованные рефлексивные и структурированные содержания), так и бесформенные содержания (некогнитивные, неструктурированные, нерефлексивные), представляющие собой хаотичные и непредсказуемые по своим последствиям проявления еще-не-рационального, инорационального, которые недоступны понятийному мышлению, но воспринимаются *мышлением без слов* – альтернативной познавательной способностью разума, которая оперирует образами и не подчиняется законам логики. Условием протекания невербального мышления является *презентативная символика*, которая служит для представления, выражения и понимания импульсивной, инстинктивной и чувственной жизни.

Реципиентами, к которым направлена невербалика и которыми соответственно переживается ее воздействие, являются сенсорные каналы и эмоциональная сфера. В силу чувственной материальности своего носителя, нелингвистические знаки активируют телесность – до-индивидуальное, до-вербальное, до-социальное измерение, вовлекают чувственные и иррациональные компоненты сознания, к тому же, оказывают скрытое воздействие на подсознание, что создает благоприятные условия для реализации манипулятивных стратегий.

Совокупность нелингвистических знаков уподобляется *речевому механизму без языка.* Аналогичная языку своей структурирующей способностью нелингвистическая означивающая практика (практика смыслопорождения) не может быть описана с точки зрения грамматики и лексики, но может быть рассмотрена как определенный код (слабый и неустойчивый, переходного характера, постоянно трансформируемый), лежащий в основе «со-в-местного» существования.

Нелингвистическая речевая деятельность без слов («сигнификативная практика») не переводится на язык рациональной логики, обладает не столько убеждающей силой, сколько неотразимостью заразительного воздействия и суггестивного вовлечения и выполняет в рамках высказывания

и текста скорее *интерактивную* (установления психологического контакта с адресатом), нежели коммуникативную (достижения понимания) функцию. Невербалика как средство взаимодействия за пределами дискурсивного употребления понятий, языка и слов, утверждает интерактивность, в которой все дологично, предлогично или сверхлогично, внелогично. Опыт взаимодействующих невербально ризоматичен, нелинеен, децентрирован, внерационален, импульсивен. Мысль не выражена в строгих понятиях, а воплощается в неких несловесных конструкциях, которые провоцируют ассоциации, семантические эффекты, аллюзии, предчувствия, ощущения, другими словами, непонятийные смыслы, предсмыслы, недосмыслы, доступные не через рефлектирующую мысль, а через мышление без слов.

В условиях нерефлексивной интеракции (когда происходит недискурсивный информационный обмен) происходит не распад (деструкция) социальности, а конструирование принципиально иной формы совместного общежития. Коммунитарное бытие (общность) подменяется интерактивным бытием вместе без признаков общности, целостности, солидарности. Социальность переходит в нечто радикально отличное от себя, трансформируется в негативную со-вместность, антиобщность, общежитие без общности. Вероятно, следует говорить не о социальности, а о некой суррогатной, пародийной, симулятивной (ложной), мутантной, атрофированной форме социальности, которая определяется нами термином «нелингвистическая социальность».

В классических (модерных) своих трактовках социальность выступала в качестве жесткой иерархической (вертикальной) структуры. В постмодерных представлениях – в качестве *ризоматической (горизонтальной) структуры*. В нашей концепции ризоматическая (мозаичная) социальность превращается в *параструктурную*, приобретает характер искаженной, извращенной структуры. Недискурсивность выступает той дестабилизирующей силой (негативным формообразующим принципом), которая выполняет деструктурирующую функцию или дисфункцию – порождает параструктурную общность, патологическую, отклоняющуюся от

структурной (рациональной) социальной организации свободно коммуницирующего общества – идеала общества по Хабермасу.

Коллективистической социальности, построенной на принципе коммуникативности (общности) мы противопоставили негативную форму общественного устройства – нелингвистическую социальность, в которой вместо коммуникативных отношений, основанных на понимании – интерактивные контакты, основанные на манипулятивном воздействии; вместо общности, солидарности — совместность, собранность; вместо общественного форума – интерактивная масса; вместо законов — правила; вместо норм и ценностей — прагматика интересов, склонностей, ожиданий.

Своей концепцией «нелингвистической социальности» мы пытаемся продемонстрировать то, что происходит сейчас в современном пространстве – это «движение от нелингвистических текстов к нелингвистическому социуму» [185]. Общество в самой своей основе становится нелингвистичным. «Нелингвистичность» представляет собой не совокупность нелингвистических практик означивания, но некоммуникативные общественные отношения между людьми, демонстрирующие отсутствие признаков общности, отсутствие таких характеристик, как сопричастность, солидарность, взаимопонимание, общность и проч.

Мы наблюдаем не просто аудио-визуализацию информационного пространства, а столкновение двух типов социальной организации. Той, которая родилась в античном полисе, с ценностью *слова* (обладающим большой силой убеждения, основанной на логике и аргументации), риторики, обсуждений, публичных дискуссий, с идеалами обоснования и доказательности, позволяющими отличить знание от мнения – и той, которая родилась в современном мире, использующая всё *разнообразие знаковых медийных средств*, чтобы манипулировать индивидуумами во имя контроля над ними. Социальное общежитие управляется не «сословием философов», а группой медиакратической элиты, контролирующей всё финансово-

экономическое пространство мира, используя изощренный арсенал медийных технологий для создания выгодных им самим медиапродуктов.

Современная социальность, характеризующаяся отсутствием публичной сферы (общественного форума) как свободного рынка идей и отсутствием государственной субъектности (государственных механизмов для принятия решений или разрешения конфликтов), предстает в виде своеобразного рационально неоформленного состояния связанности, совместности. При этом речь не идет о превращении социальности в разновидность иррациональной совокупности, в которой царствует беспорядок, энтропия и хаос, неподдающиеся рациональному объяснению и познанию. Скорее это свободная, сверхсложная инорациональная совместность, в которой все связи множества взаимодействующих индивидуумов находятся в параструктурном (искаженном) взаимоотношении друг с другом. Для характеристики нелингвистической социальности мы используем метафору флеш-моба, с помощью которой подчеркиваем взаимоустремленность человека к соучастию в жизни другого, в жизни сообщества. Однако форма соучастия предстает абсурдной, анонимной, спонтанной, бесструктурной, бесцельной. Метафора флеш-моба демонстрирует ситуацию, когда внешне стремящееся к интеграции сообщество на самом деле является глубоко фрагментированным образованием. Недискурсивно организованная социальность превращается в «гигантский флеш-моб», состоящий из множества моб-акций – спонтанных массовых действий: полит-моб, шопинг-моб, интернет-моб, стрит-моб и др., в которых разрозненные и отчужденные индивидуумы, основываясь на своих случайных интересах, склонностях, ожиданиях вовлечены в недискурсивный интерактивный обмен без централизованного руководства, без цели, причин и последствий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Августин Аврелий, блаж. Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия / Аврелий Августин. – СПб. : Библиополис, 2006. – 512 с.
2. Августин. Творения: в 4 т. / Августин ; [пер. Киевской духовной академии. Сост. С.И. Еремеева]. – СПб. : Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998.– Т. 3. О граде Божием. Кн. 1-13. – 1998. – 595 с.
3. .Аверинцев С.С. Две исторические формы европейского рационализма / Аверинцев С.С. // Вопросы философии. – М.: Наука,1990. – №2. – С. 3–13.
4. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность / Н.С. Автономова. – М. : Наука, 1988. – 287 с.
5. Современная западная философия / [сост. Малахов В.С., Филатов В.П.]. – М. : ТОН – Остожье, – 1998. – 544 с.
6. Адорно Т.В. Негативная диалектика / Т.В. Адорно. – М. : Научный мир, 2003. – 374 с.
7. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е.Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – №1. – С. 71–79.
8. Антология мировой философии: в 4-х томах [ред. коллегия: В.В. Соколов и др.]. – М. : Мысль, 1970. – Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – 1970. – 776 с.
9. Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни / Х. Арендт ; [пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. Д.М. Носова]. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
10. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / Р. Арнхейм ; [сокр. пер. с англ. В.Н. Самохина, общ. ред. и вст. ст. В.П. Шестакова]. – М. : Прогресс, 1974. – 180 с.
11. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства / Р. Арнхейм – М. : Прометей, 1994. – 352 с.

12. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон [общ, ред. и предисл. П.С. Гуревича]. — М. : Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992. — 608 с.
13. Асмолов А.Х. По ту сторону сознания; методологические проблемы неклассической психологии / А.Х. Асмолов – М. : Смысл, 2002. – 480 с.
14. Асмус В.Ф. Историко-философские этюды / В.Ф. Асмус – М. : Мысль, 1984. – 318 с.
15. Атватер И. Невербальное общение / И. Атватер // Психология влияния: Хрестоматия [сост. А.В. Морозов]. – СПб. : Питер, 2000. – 506 с.
16. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт [пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина]. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
17. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против». Сб. ст. [ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова]. – М. : Прогресс, 1975. – 469 с.
18. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. [перевод с французского Григория Косикова]. – М. : МГУ, 1987. – 512 с.
19. : Барт Р. Мифологии / Р. Барт – М. : Директ-Медиа, 2007. – 459 с.
20. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
21. Бауман З. Спор о постмодернизме / З. Бауман // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 70–79.
22. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; [пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева]. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
23. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
24. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; [под ред. Ю.С. Степанова]. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с. – (Серия: Языковеды мира).

25. 27.Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – 1408 с.
26. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Бердяев Н.А. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
27. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М. : Политиздат, 1990. – 413 с.
28. Бидерман Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерман ; [пер. с нем. Общ. ред. и предисл. Свенцицкой И.С.]. – М. :Республика, 1996. – 335 с.
29. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийяр – Екатеринбург: изд Уральского университета, 2000. – 95 с.
30. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; [пер.с фр].– М. : Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
31. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудомино, 2001. – 109 с.
32. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М. : Библион-Русская книга, 2003. – 272 с.
33. Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр ; [пер. с французского А. Гараджи]. – М. : Ad Marginem, 2000. – 317 с.
34. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. Поэтика и политика / Ж. Бодрийяр. — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб. : Алетейя, 1999. – 350 с.
35. Бодрийяр Ж. Симулякры и Симуляции. Процессия Симулякров / Ж. Бодрийяр. -
36. Большая советская энциклопедия Леонтьев А. А. Паралингвистика
37. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. I. От Илиады до Парфенона / А. Боннар ; [пер. с франц. О.В. Волкова; предисл. проф. В.И. Авдиева]. — М. : Искусство, 1992 — 269 с.
38. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдье. – Thesis, 1993. – Вып. 2. - С. 137-150.

39. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос : Социология. Антропология. Метафизика : Сборник. Вып.1: Общество и сферы смысла [Сост. и общ. ред. Винокурова В.В., Филиппова А.Ф.]. – М. : Прогресс, 1991. – 478 с.
40. Вебер М. Хозяйство и общество / М. Вебер ; [пер. с нем. под научн. ред. Л.Г. Ионина]. — М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2007. – 377 с.
41. Веллмер А. Модели свободы в современном мире / А. Веллмер // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. — М. : Прогресс, 1991. — 478 с.
42. Вельш В. Наш постмодерний модерн / Вольфґанґ Вельш [пер. с нем. А.Л. Богачева, М.Д. Култаева, Л.А. Сытниченко]. – К. : Альтрпрес, 2004. – 328 с.
43. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан ; [пер. с фр. Общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича]. – М. : Прогресс, 1988.— 224 с.
44. Визуальное (как) насилие: Сб. науч. трудов / [отв. ред. А.Р. Усманова]. – Вильнюс: ЕГУ, 2007 – 380 с.
45. Вирильо П. Машина зрения / П. Вирильо ; [пер. А. Шестаков]. – С-Пб. : Наука, 2004. – 140 с.
46. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 10 т. / В.Г. Власов. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 2009 с.
47. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов. – М. : Лабиринт, 1993. – 188 с.
48. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М. : Лабиринт. – 1999. — 352 с.
49. Гайденко П.П. Проблема рациональности на исходе XX века / П. Гайденко // Вопросы философии. – 1991. – №6. – С. 5.
50. Гегель Г.В.Ф. Философия истории / Г. Гегель. – М. : Наука, 1993. – 480 с.
51. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

52. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3-х томах /Г. Гегель. – М. : Мысль, 1974. – (Сер. Философское наследие). – Т. 1. Наука логики. – 1974. – 452 с.
53. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации.— 2-е изд. / Э. Гидденс. – М. : Академический Проект, 2005. — 528 с.— («Концепции»).
54. Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история / К. Гинзбург. – М. : Новое издательство, 2004. – 348 с.
55. Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х тт. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1964. – Т. 1. – 1964. – 583 с.
56. Горкуша О. Роль концепта «Логос» в общехристианской парадигме / О. Горкуша // Вопросы религии и религиоведения. Выпуск 6. Антология отечественного религиоведения. Религиоведение Украины. Часть 2: Религиоведение Украины конца XX- начала XXI в. – Наукчно-теоретическое приложение к журналу «Государство, религия, церковь в России и за рубежом». – М. : ООО ИД МедиаПром, 2010. – С. 121–128.
57. Греймас А. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А. Греймас А., Ж. Курте // Семиотика. Сб. ст. [ред. Ю.С. Степанова]. – М. : Радуга, 1983. – 638 с.
58. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация Текст. / Т.А. ван Дейк ; [пер. с англ.; составитель В. В. Петрова; под ред В. И. Герасимова]. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
59. Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; [пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с. – (Philosophy).
60. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; [пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина]. – М. : Институт экспериментальной социологии; Спб. : Алетейя, 1998. – 260с.
61. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.

62. Дементьева В.В. Понятие «конституция римского государства» в категориальном аппарате современной романтистики / В. Дементьева // Древнее право. Ivs antiqvvm. – М. : Спарк, 2004. – № 2 (14). – С. 92–115.
63. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму ; [сост., вступит. ст. и перевод Г.К. Косикова]. – М. : ИГ «Прогресс», 2000. – 536 с.
64. Деррида Ж. Позиции / Ж. Деррида ; [пер. с фр. В.В. Бибихина]. – М. : Академический Проект, 2007. – 160 с.
65. Дилтс Р. Стратегии гениев. Т. 2. Альберт Эйнштейн / Р. Дилтс ; [пер. с англ. Н.Е. Ивановой]. — М. : Независимая фирма «Класс», 1998. — 192 с. — (Серия: Библиотека психологии и психотерапии).
66. Дугин А. Лекция №11 Постобщество (Структурная социология). – режим доступу : http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/180509095406.xhtml
67. Дьяков А.В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности / А.В. Дьяков. — Курск : Курск. гос. ун-т, 2006. — 246 с.
68. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; [пер. с фр. А. Б. Гофмана]. — М. : Канон, 1996. – 432 с.

69. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / С. Жижек. – СПб. : Алетейя, 2005. – 156 с.
70. Жильсон Э. Избранное. / Э. Жильсон. – М. ; СПб. : Университетская книга, 1999 – (Серия: Книга света). Т. 1. – 1999. – 496 с.
71. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов / И.П. Ильин. – М. : ИНИОН РАН (отдел литературоведения), INTRADA, 2001 – 382 с.
72. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества / В.Л. Иноземцев. – М. : Academia - Наука, 1998. – 640 с.
73. Интервью с Жаком Деррида // Мировое Древо (Arbor Mundi). – 1992. – № 1, с. 73 – 80.

74. История философии: Энциклопедия. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с. – (Мир энциклопедий).
75. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека: в 3 тт. / В. Йегер ; [пер. с немецкого М.Н. Ботвинника]. – М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. – Т. 2. – 1997. – 270 с.
76. Кан С.Б. История социалистических идей / С.Б. Кан. – М. : Высшая школа, 1967. – 295 с.
77. Кант И. Сочинения в 6-ти т. / И. Кант – М. : Мысль,1966. – (Серия: Философское наследие). – Т. 6. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. – 1966. – 743 с.
78. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; [пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова]. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного у-та), 2004. – 328 с.
79. Кемеров В. Философская энциклопедия / В. Кемеров. – М. : Панпринт, 1998. – 453 с.
80. Кола Д. Политическая социология / Д. Кола ; [пер. с фр.; предисл. А.Б. Гофмана]. – М. : Весь Мир, ИНФРА-М, 2001. – 406 с.
81. Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / редакторы И. Касавин, В. Порус. – ИФРАН, 2009. – 216 с.
82. Компанцева Л.Ф. Специфика нормы и узуса в Интернет-дискурсе / Л.Ф. Компанцева // Наукові записки Луганського національного пдагогічного ун-ту. Сер. «Філологічні науки» : зб. наук. праць [Поліетнічне середовище: культура, політика, освіта]. – Луганськ, 2004. – С. 31–55.
83. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв: Англия, США, Франция, Италия, германия : сборник документов / [под ред. П.Н. Галанзы]. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. – 587 с.
84. Коплстон Ф.Ч. Аквинат. Введение в философию великого средневекового мыслителя / Ф.Ч. Коплстон ; [пер. В.П. Гайденко]. – Долгопрудный : Вестком, 1999. – 276 с.

85. КорневиЩеОА: Книга неклассической эстетики : монографія / [редколлегия: В.В. Бычков (автор проекта), Н.Б. Манъковская]. – М. : РАНИФ, 1999. – 303 с.
86. Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» / Г.К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму ; [сост., вступит. ст. и перевод Г.К. Косикова]. – М. : ИГ «Прогресс», 2000. – 536 с.
87. Коэн Д.Л. Гражданское общество и политическая теория / Д.Л. Коэн, Э. Арато. – М. : Весь Мир, 2003. – 784 с.
88. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева ; [пер. с фр. Г.К. Кошелева и Б.П. Нарумова]. – М. : РОССПЭН, 2004. – 656 с.
89. Кулешов Л.В. Собрание сочинений (2 тома из 3-х) / Л.В. Кулешов. – М. : Искусство, 1987-1988. – Т. 1: Теория. Критика. Педагогика. – 1987-1988. – 459 с.
90. Культурология. Краткий тематический словарь / [под ред. проф. Г.В. Драч, проф. Т.П. Матяш]. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. – 192 с.
91. Кураев А.В. Религиозная вера и рациональность. Гносеологический аспект / А.В. Кураев, В.И. Кураев // Исторические типы рациональности : [отв. ред. В.А. Лекторский]. – М. : ИФРАН, 1995. – Т.1. – С. 88–114.
92. Куцепал С.В. Рост современность: трансформация образов мира и человека. //Философия и космология Вып № 1 / 2009
93. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) / В.А. Лабунская. – Ростов на/Д. : изд-во Рост, ун-та, 1986. – 136 с.
94. Лакан Ж. Телевидение / Ж. Лакан ; [пер. с франц. А. Черноглазова]. – М. : Гнозис; Логос, 2000. – 160 с.
95. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер ; [пер. с англ. С.П. Евтушенко]. – М. : Республика, 2000. – 287 с. – (Мыслители XX века).
96. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / [под ред. В.В. Бычкова]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 607 с. – (Серия «Summa culturologiae»).

97. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Институт экспериментальной социологии, Спб. : Алетейя, 1998. – 160 с. – (серия «Gallicinium»).
98. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж.Липовецки. – М. : Владимир Даль, 2001. – 336 с. – (серия Университетская библиотека).
99. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов / М.Н. Липовецкий. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. – 840 с.
100. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н. э. / А.Ф. Лосев. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1979. – 280 с.
101. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. Лотман. – Таллин, Ээсти Раамат, 1973. – 138 с.
102. Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблема искусственного разума / Ю.М. Лотман // Семиосфера. — С.-Петербург : «Искусство—СПБ», 2000. — 704 с.
103. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман ; [пер. с нем. А.Ю. Антоновского]. — М. : Праксис, 2005. — 256 с. — (серия «Образ общества»).
104. Лэш С. Хозяйства знаков и пространства (введение) / С. Лэш, Д. Урри // Экономическая социология. – 2008. – № 4. – С. 49–55.
105. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. – Киев : Ника-Центр, 2004. – 432 с.
106. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн ; [пер. с англ. В. Николаева]. – М. ; Жуковский : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
107. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеал рациональности / М. Мамардашвили // Необходимость себя. – М. : Лабиринт, 1996. – 432 с.
108. Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М. : Юрист, 1995. – 700 с.

109. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории / Б.В. Марков. – СПб. : «Лань», 1997 – 384 с.

110. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры / Б.В. Марков. – СПб. : Алетейя, 1999. – 304 с.

111. Маркс К. Сочинения в 3-х тт. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – 1955. – 625 с.

112. Мафессоли М. Околдованность мира или божественное социальное /М. Мафессоли // Социо-Логос : Социология. Антропология. Метафизика : Сборник. Вып.1: Общество и сферы смысла/ сост. и общ. ред. Винокурова В.В., Филиппова А.Ф. – М. : Прогресс, 1991. – 478 с.

113. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / К. Метц. – СПб. : Издательство Европейского университета, 2010. – 336 с.

114. Метц К. Проблемы денотации в художественном фильме / К. Метц // Строение фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана: сборник статей / [пред. К. Разлогова; ком. М. Ямпольского; ред. Н. Осколкова и З. Федотова]. – М. : Радуга, 1984 – 277 с.

115. Мишель Фуко и Россия: сб. ст. / [под ред. О. Хархордина]. — СПб. ; М. : Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. – 349 с.

116. Монтескье Ш. О духе законов. Книги 10-19 / Ш. Монтескье. – М. : Директ-Медиа, 2011. – 323 с.

117. Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация / В.П. Морозов. – М. : ИП РАН, Центр «Искусство и наука», 1998. – 164 с.

118. Морозов В.П. Восприятие речи: вопросы функциональной асимметрии мозга / В.П. Морозов, И.А. Вартанян, В.И. Галунов и др. – Л. : Наука, 1988. – 68 с.

119. Мотрошилова Н.В. История философии: Запад—Россия—Восток: в 4 кн. / Н.В. Мотрошилова. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2000. – Кн. 1: Философия древности и средневековья. – 2000. – 480 с. – (3-е изд.)

120. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству: в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1996. – (Серия: Философское наследие). – Т.2. – 1996. – 829 с.

121. Ницше Ф. Сочинения в двух томах / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1996. – Т.2: По ту сторону добра и зла. – 1996. – 829 с. – (серия: Философское наследие).

122. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Сочинения в двух томах (изд. 1996 г.). – Т.2. – М. : Мысль 1996. – 829 с. – (серия: Философское наследие).

123. Новая философская энциклопедия: в 4 тт. – М. : Мысль, 2010. – 2806 с.

124. Новейший философский словарь [сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А.]. – 3-е изд., испр. – Мн. : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

125. Новиков А.А. Рациональность в ее истоках и утратах / А.А. Новиков // Исторические типы рациональности [отв. ред. В.А. Лекторский]. – М. : ИФРАН, 1995. – Т.1. – С. 30–56.

126. Окушова Г.А. Коммуникативная реальность в контексте десубстанциализации социальности: историко-философский аспект [Электронный ресурс] / Г.А. Окушова. – Томский государственный педагогический университет, 2010. – режим доступа: http://pr.tsu.ru/articles/114/.

127. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды: пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. — М. : «Весь Мир», 1997. — 704 с.

128. Павлов А.П. Личность и социальный порядок / А.П. Павлов. – Красноярск, 2005. – 131 с.

129. Павлов И.П. Рефлекс свободы / И.П. Павлов. – СПб. : Питер, 2001. – 432 с.

130. Пазолини П.П. Поэтическое кино / П.П. Пазолини // Строение фильма: Некоторые проблемы анализа произведений экрана: сб. ст. [пер. с ит. Н. Нусинова]. – М. : Радуга, 1984 – 279 с.

131. Паскаль Б. Мысли / Б. Паскаль ; [пер. с фр. Ю. Гинзбург]. – М. : АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 236 с.

132. Пелевин В. Generation "П" / В. Пелевин. – М. : Вагриус, 2000. – 366 с.

133. Пирс Ч.С.Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс ; [пер. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева]. – М. : Логос, 2000. – 448 с.

134. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Ч.С. Пирс. – СПб. : Алетейя, 2000. — 352 с. – (Серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху»).

135. Платон Государство. Законы. Политик / Платон. – М. : Мысль, 1998. – 798 с. – (Из классического наследия).

136. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги / К.Р. Поппер ; [пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского]. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.

137. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. – (Мир энциклопедий).

138. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2001. – 656 с.

139. Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность / Дж. Реале, Д. Антисери. – ТОО ТК «Петрополис», 1994. – 336 с.

140. Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.

141. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2002. – 372 с.

142. Рикёр П. История и истина / П. Рикёр. – СПб. : Алетейя, 2002. – 400 с. – (серия «Gallicinium»).

143. Родькин П. Флэш-моб, суицид и симулякр / П. Родькин // Экзистенциальные интерфейсы. Опыты коммуникативной онтологии действительности. – М. : 2004. – 89 с.

144. Романов О.В. Философия Интернета: Генезис и синтез фундаментальных идей / О.В. Романов. – Самара, 2003. – 153 с.

145. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / С.Л. Рубинштейн. – М. : Наука, 1997, 463 с.

146. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с. (Серия «Мастера психологии»).

147. Руднев В. Словарь культуры XX в. / В. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.

148. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо. – М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.

149. Самчук З. Мировоззренческие основы социально-философского исследования идеологии: проблема критериев и приоритетов выбора. В 2-х т.: монография. Т.ИИ / С. Ф. Самчук. - Днепропетровск: АРТ-ПРЕСС, 2009. - 904 с.

150. Серл Д. Открывая сознание заново / Д. Серл ; [пер. с англ. А.Ф. Грязнова]. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 256 с.

151. Скубашевська О.С. Філософія інноваційного розвитку освіти інформаційного суспільства (світоглядно-філософський аналіз) : монографія / Ольга Станіславівна Скубашевська; В.о. Нац. Пед.. ун-т ім. М.П. Драгоманова. – К. : НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2010.– 315 с.– (До 175-річчя Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова)

152. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

153. Социология: Энциклопедия [сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко]. — Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2003. — 1312 с. — (Сер. Мир энциклопедий).

154. Социосемиотика. Философский словарь. Энциклопедия философских терминов онлайн [Электронный ресурс]. – режимдоступа : http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/s/sotsiosemiotika.html

155. Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 9 т. / К.С. Станиславский. – М. : Искусство, 1989. – . – Т.2: Работа актера над собой. – 1989. – 511 с.

156. Теннис Ф. Общность и общество / Ф. Теннис. – М. : Фонд «Университет», 2002. – 450 с.

157. Тертуллиан. О покаянии / Тертуллиан // Богословские труды. – 1985. – № 26. – С. 224–234.

158. Тичер С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. – Х. : Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.

159. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М. : Научный мир, 1998. – 204 с.

160. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А.Р. Усманова. – Мн. : Пропилеи, 2000. – 200 с.

161. Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н.э. / С.Л. Утченко. – М. : Наука, 1977. – 257 с.

162. Фейнберг Е.И., Асмолов АЛ. Некоторые аспекты исследования невербальных коммуникаций: за порогом рациональности / Е.И. Фейнберг, А.Л. Асмолов // Психологический журнал. – 1989. – №6. – С. 58–66.

163. Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л.Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен. – Х. : Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.

164. Философия: Энциклопедический словарь [под ред. А.А. Ивина]. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.

165. Флоренский П. Собрание сочинений в 2-х тт. / П. Флоренский. – М. : Правда, 1990 – . – (Сер. «Из истории отечественной философской мысли»). Т. 2 : У водоразделов мысли: [Ч. 1] / [историогр. ст. игумена Андроника (А.С. Трубачева) ; примеч. С.С. Аверинцева и др.]. – 1990. – 446 с.

166. Фоменко А. Монтаж, фактография, эпос: Производственное движение и фотография / А. Фоменко. – СПб. : СПбГУ, 2007. – 374 с.

167. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса / Э.Д. Фролов. – СПб. : Издат. дом СПбГУ, 2004. – 266 с.

168. Фурс В.Н. Критическая теория позднего модерна Э. Гидденса / В.Н. Фурс // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 44–74.

169. Фурс В.Н. Глобализация жизненного мира в свете социальной теории / В.Н. Фурс // Общественные науки и современность. – 2000. – № 6. – С. 128–139.

170. Фурс В.Н. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории / В.Н. Фурс // Логос. – 2002. – № 2. – С. 120–152.

171. Фурс В.Н. Социальная теория в меняющемся мире: к динамической концепции социального / В.Н. Фурс // Problemos. — Vilnius, 2004. — N 66 (1). – С. 23–39.

172. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2003. – 416 с.

173. Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации / Ю. Хабермас // Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. – М. : KAMI, Academia, 1995. – 244 с. – (Серия: Первые публикации в России).

174. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с. – (Сер. Мыслители XX века).

175. Хардт М. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М. : Праксис, 2004 . – 440 с.

176. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений : в 8 т. / А.С. Хомяков ;[2-е изд.]. – М. : Университетская типография, 1990. – . – Т. 1. – 1990. – 308 с.

177. Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. : СПб.: Медиум, Ювента,1997. – 312 с.

178. Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах / Цицерон ; [пер. В.О. Горенштейна, ред. С.Л. Утченко]. – М. : Наука, 1966. – 224 с. – (Серия «Литературные памятники»).

179. Швырев В.С. Рациональность в современной культуре / В.С. Швырев // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 105–116.

180. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с. – (Серия «Книга света»).

181. Эйзенштейн С.М. Психология искусства / С.М. Эйзенштейн //Психология процессов художественного творчества ; [авт. Б.С. Мейлах, Н.А. Хренов]. – Л. : Наука, 1980. – 286 с.

182. Эко У. О членениях кинематографического кода / У. Эко // Строение фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана : сборник статей. – М. : Радуга, 1984 – 279 с.

183. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Symposium , 2006. – 540 с.

184. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу / У. Эко // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 12. – С. 57–81.

185. Эпштейн М. Куда мы идем? / М. Эпштейн // Русский журнал. – 31 января. – 2012. – С. 45–47.

186. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг ; [пер. А.М. Руткевича]. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с. – (Серия: Страницы мировой философии).

187. Юркевич Е.Н. Герменевтические идеи в восточнославянской философской традиции: сборник научных трудов / Е.Н. Юркевич. – Х. : ХНУ, 2002. – 252 с.

188. Якобсон П.М. Психология сценических чувств актера: этюд по психологии творчества / П.М. Якобсон. – М. : Художественная литература, 1936. – 212 с.

189. Якобсон Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика : сб. ст. [ред. Ю.С. Степанова]. – М. : Радуга, 1983. – 638 с.

190. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. [ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова] – М. : Прогресс, 1975. – 469 с.

191. Baudrillard J: Selected Writings: Second Edition Stanford University Press, 2001 – 304p.

192. Bell, Clive. Art. London: Chanto and Windus, 1914

193. Birdwhistell R. Some Body motion elements accompanying spoken American English // Communication: Concepts and Perspectives. Ed. by LeeTrayer. Washington D.C.: Spartan Books, 1967. Chapter II, pp.53-76.

194. Birdwhistell, R.L. 1970. Kinesics and Context. Essays on Body Motion Communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1970.

195. Blumer H . Society as Symbolic Interaction. P. 79.

196. Burckhardt Jacob. Griechische Kulturgeschichte: Bd. 1-4. Berlin/Stuttgart, 1898-1902

197. Burgin, Victor (Ed.) (1982): Thinking Photography. London: Macmillan. [Electronic Resource].- Mode of access: URL: // http://tcs.sagepub.com/content/1/3/185.extract

198. Eco U. «Casablanca: Cult Movies and Intertextual Collage», in Faith in Fakes. Travels in Hyperreality (Minerva, 1995). P. 201.

199. Eco, U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. Working Papers in Cultural Studies, 1972, 2. Pp. 103 121. [Electronic Resource].- Mode of access: URL: // http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/eco.htmЭко http

200. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1991. 301 p.

201. Habermas J. Toward a Rational Society: Student Protest, Science, and Politics Beacon, 1971 – 144p.

202. Hall St. Encoding/Decoding / S. Hall // Culture, media, language: Working papers in cultural studies, 1972-79 / Ed. by S. Hall e. a. London, 1980. P. 128-139.

203. Hall, E.T. (1966). The Hidden Dimension, New York: Doubleday

204. Hudson K. The Language of Modern Politics / K. Hudson. – London ; Basingstoke : Macmillan, 1978. – 167 p.

205. Jameson F. Postmodernism or The Cultural Logic of Late Capitalism. - Durham, Duke University Press, 1991 - pp. 1-54.

206. Kristeva J. Semiotikè: Recherches pour une sémanalyse — Paris. Editions du Seuil, 1969 — p.319

207. Kroker A., Cook D. Television and the Triumph of Culture, из книги: The postmodern Scene: Excremental Culture snd Hyper-Aesthetics. © St.Martin's Press, 1986)

208. Monaco J. «How to read a film: The World of Movies, Media, Multimedia», Oxford University Press, 1977